ТОМСК
литературный

К 60-летию писательской организации

Томск - 2023

УДК 82
ББК 94.3
Т56

Т56 **Томск литературный.** К 60-летию писательской организации. / Составитель А. Казаркин. – Томск, 2023. – 193 с.

Издано при поддержке Администрации Томской области

© А. Казаркин, 2023
© Оформление, обложка
Воронеж «ЦветСервис»,
2023

Начала и свершения

Томской писательской организации шестьдесят лет. Вот мотивация издания этой книги. Но это промежуточный юбилей, ведь литература в Томске существует около двух веков. Примем обязательство не утратить былой уровень. А исходный наш вопрос: какую роль сыграл Томск в литературной истории Сибири? Ответить на него нельзя, ограничившись областным масштабом. Тут нужны сопоставления, а их нет.

В начале нового века-тысячелетия ожидали поток статей с названием «Литература Сибири – итоги и перспективы». А никакого энтузиазма и не проявилось. Как различаются сибирские области своей художественной продукцией? Понимание этого едва дотягивает до школьного уровня. А была ведь идея культурного предназначения Сибири. С нею связан вопрос о местных культурных центрах. Можно ли убедительно описать областной литературный процесс, не вызвав возражения? Таких образцов нет: критика – это полемика.

Эпиграфом, или установкой, возьмём слова Г. Н. Потанина: *«Я приглашаю вас свободно высказаться в связи с судьбами нашей Сибири»*. Есть темы литературного краеведения: декабристы в Сибири, пребывание Радищева или Чехова в сибирских городах. Но это не история сибирской литературы. Наш предмет – сибирский образ мира, а он остаётся не отграниченным, он расплывается. Первым делом надо определиться с контекстом. Хотя бы с общесибирским.

Тут упираешься в вопрос об отборе имён. Без него обзор становится бухгалтерским перечислением: тогда-то и там-то родился, издал такие-то книги. Если все имена называют с воодушевлением, значит, все значительны. Но в искусстве уравниловка вредна, да и здравый смысл протестует. Однако выделение крупных творцов из современного литературного потока – дело всегда рискованное. Задание - описать областную литературу - кажется простым, если избегать оценок. Но тогда критик-справочник превращается в рекламиста – славит всех. А нужен отчёт о пути.

Кто-то считает: особой сибирской литературы не было, и вряд ли она будет. Есть и другой взгляд: сибирская литературная школа – историческая реальность. Но тогда у неё должны быть центры, где вырабатывалось самосознание. Советское сибиреведение муссировало уравнительные идеи относительно литературной истории. Чего, мол, тут носиться с каким-то регионализмом? Но он же даёт

разнообразие стилей.

Итак, исходная проблема – самобытность. О ней мечтали основатели сибирской мысли. Ещё полтора века назад они разделили понятия: литература о Сибири и собственно сибирская литература. Г. Потанин и Н. Ядринцев предложили корректное слово – задание: «нужды Сибири» диктуют творческие задачи. А в их основе – представление о культурной миссии Сибири. Глухая провинция или своеобычный голос?

Достижения есть. Издана не только серия «Томская классика», подготовлен 14-томник «Литература народов Сибири» и ещё ряд изданий, каких нет ни в одной области. Но это прошлые заслуги. И мало – издать, над ещё и осмыслить. Надо сохранить трезвость в оценках, избежать «головокружения от успехов».

Предтечи: 19-й век

Что же такое художественная словесность Томска в масштабе Сибири, не говоря уж о России? Она появилась с некоторым отставанием от Тобольска и Иркутска. Если в Приуралье сибирская литература вырастала из летописей и сказаний о покорении «сибирского царства», из житий первых здесь христианских подвижников, то в центре Сибири такого материала она долго не находила. В Томске собственных летописцев вроде Саввы Есипова и Семёна Ремезова долго не было. Даже 18-й век здесь не отмечен в этом отношении, не говоря уж о 17-м. До выделения Томской губернии будущий центр её оставался заштатным торгово-перевалочным городком.

В 18-м веке индивидуальное авторство не проявилось здесь ни в сатирических стихах, ни в баснях. Культурным центром Сибири до конца 18-го столетия оставался Тобольск. Там издавался первый сибирский журнал (1789–1790 годы). Название его, «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», говорит о запоздалом пришествии классицизма в Сибирь: в столичных городах уже чувствуется веяние сентиментализма. Классической Ипокреной, рекой вдохновения, Иртыш так и не стал.

Потом, в первой половине 19-го века, сибирские литераторы застряли в романтизме. Ни местной природы, ни тунгусок и камчадалок нельзя узнать в шаблонных восхищениях «детьми природы». Первые произведения сибирских поэтов появились, как эхо европейского романтизма и говорили о провинциальном отставании. Сибирь, вслед за Кавказом, стала экзотическим материалом для упражнений на заданную тему. Писатели-сибиряки наряжали своих героев в костюмы индейцев и не видели своего края. Сибирским Купером прямо называли Ивана Калашникова. Но даже фигура удалого Ермака, бывшего разбойника, не скоро вызвала должный отклик. В 19-м веке появилось немало звучных поэм, воспевающих подвиг «покорителя Сибири», но сомнительных в отношении к реальной истории. Отсутствие читателей с эстетической потребностью и слабая типографская база – это заставляло сибиряков печатать свои книги в столицах. Отсюда и вопросы критиков-централистов: кто в этой глуши второй Тургенев или Чехов?

Но в обживании Сибири русским людом роль нашего города значительна. Томск выделился ещё в первой четверти 17-го века: получил *разряд* наравне с Тобольском и герб-печать. А через двести лет

после основания стал центром громаднейшей губернии – размером в несколько европейских государств, а потом и первым в Сибири университетским городом. Перед революцией в Томске было уже три вуза, а больше в северной Азии – ни одного. На грани веков 19-го и 20-го Томск признавали умственным центром Зауралья. После революции прежнего статуса город лишился, в сущности, понижен был до уровня районного центра.

Да, начало сибирской литературы – в Тобольске. Второй период связан с Иркутском: влияние декабристов. А третий этап – в Томске, с подачи областников, это школа Потанина. Григорий Николаевич твердил: оригинальной сибирской литературы не будет, если не обратиться к наследию *инородцев*. А будет она средне-серой, как в любой губернии. Что и произошло. И что сейчас никого не печалит.

Исходная тема здесь – формирование культурных гнёзд. Целое столетие Томск состязался с Иркутском. В конце 19-го века это были два сибирских города с населением в пятьдесят тысяч. Соревнование полезно, если не превращается в противостояние. Чем закончилось это состязание? Согласимся с Валентином Распутиным: «Томск, благодаря относительной приближенности своей к первопрестольной, издавна оспаривал у Иркутска славу лучшего и просвещённого из всех сибирских городов и не без успеха до революции претендовал на сибирскую столичность». Да, не без успеха: к концу 19 века Томск прослыл литературной столицей Зауралья. Пришло время, и судьба-история выделила Томск среди сибирских городов. Это вторая половина19-го века. Но собственная литературно-творческая среда в городе начала формироваться только к концу XIX века. С 1857 года в Иркутске стала выходить первая периодическая газета – «Иркутские губернские ведомости», Иркутск выдвинулся в центр сибирской умственной жизни. В советское время это объясняли влиянием декабристов, но вряд ли это так. Историк Г.И. Спасский издавал журналы «Сибирский вестник» (1818–1824) и «Азиатский вестник» (1825–1827) до декабристов, «Енисейский альманах» (1828) печатали в Москве. В Сибири были только издания, печатающие официальные материалы и правительственные сообщения.

Г. Н. Потанин формировал в Сибири литературную и учёную среду, в этом его историческая заслуга. «В Сибири народился писатель, но нет литературы», – считал он. Его повесть, «Тайжане» (1872), осталась незаконченной. В рассказах «Блудный сын» (1878) и «Из переписки молодых друзей» (1882) Потанин отметил, что духовная

оторванность от родной земли несёт с собой ощущение собственной ненужности. В числе первых «нужд Сибири» областники отметили создание местной интеллигенции.

Скажут: Томск не дал великих писателей. Но именно здесь сделан первый шаг в сторону самобытности. В области вкуса областники – натуралисты, поэмы и романы их поначалу не интересовали. Романтизм они буквально выкорчёвывали. По словам Н.М. Ядринцева, сибирские писатели «изображают из себя Фениморов Куперов» и населяют сочинения «злодеями, скопированными с французских романов». Да, сибирские реалии попадали в круг их внимания изредка и случайно. Основная установка областников – этнографическое описание Сибири. Поэтому натурализм подзадержался здесь в пору, когда в столицах уже писали модернисты.

В советское время областническая мысль оценивалась то как реакционная – за неприятие большевизма, - то как буржуазно-либеральная, утопическая. Наумов во многом расходился с областниками, но ведущего значения за художественной литературой он, как и областники, не признавал.

Итак, XIX век дал Сибири, в основном, очерковую прозу. Сложилась беллетристика со ссылками на абсолютную достоверность обстоятельств. Народническая проза шла к решению проблем прямолинейно и дидактично. Так или иначе, литература Сибири XIX века подготовила почву для выражения местного самосознания.

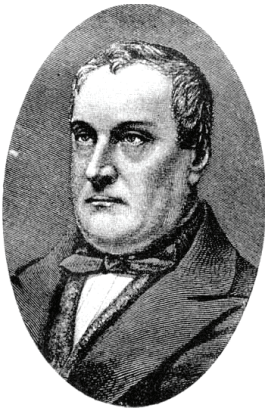
Во второй половине XIX века лучшие сибирские газеты выходили в Томске. Тон в них задавали народники, и обретенье собственного голоса затянулось. Проводником новых идей становился, чаще всего, сосланный из столиц интеллигент. Первые художественные книги в Томске изданы, в первую очередь, ссыльными. Первое частное периодическое издание - «Сибирская газета» - появилось в Томске в 80-е годы. Застрельщиками новой литературы в ней выступили опять же ссыльные. Новый этап в развитии сибирской журналистики начал Пётр Макушин, предприниматель и просветитель, финансировавший газету «Сибирская жизнь». Она сменила закрытую властями «Сибирскую газету» и притягивала творческие силы со всей Сибири.

В 1889-м в Томске под редакцией Феликса Волховского, выступавшего под псевдонимом Иван Брут, был издан стихотворный сборник сибиряков «Отголоски Сибири» – попытка выразить региональное сознание. В него вошли стихи поэтов всей Сибири, в том числе и томских: Г. Иванова, Н. Литвина, П. Кефалевиуса. С открытием Им-

ператорского Сибирского университета Томск становится очагом формирования общественно-политического сознания сибирской интеллигенции. Ведущую роль играла публицистика, она заслоняла художественные задачи, но в конечном счёте это сказалось в обновлении беллетристики. Возобладало областничество – ответвление народничества в идеологии и натурализм в искусстве. Романтики оценивали «этнографизм» как приземлённую словесность, а областники – как главное направление новой прозы. Значительной областнической поэзии не было, вообще крупных поэтов-народников не появилось в силу публицистической установки. И в начале XX века обязательно указывали на достоверность фактов. Внутренний конфликт в областничестве рождён проблемой *Сибирь и столица*.

А. Казаркин, Н. Бренников

«Забытый и гонимый»
Гавриил Батеньков (1793 - 1863)



В 1846 году, после двадцатилетнего одиночного заключения, Гавриил Степанович Батеньков прибыл в Томск в сопровождении жандарма. Этот город он знал, когда-то построил здесь мост, и нашлись люди, помнившие его. Они помогли ему поселиться, он получил человеческое общение, от которого отвык. В одиночке он, казалось, разучился говорить. Разговаривал там сам с собой, от безумия спасали рукописи.

В Томске средств к жизни у него не было, он вёл замкнутую жизнь и не искал заработка. Не спешил входить в местное общество, которое, большей частью, смотрело на него как на государственного преступника. Скучно им было, когда он говорил на темы историософии: «История – не приложение к политике или пособие по логике и эстетике, а сама политика, сама логика и эстетика, ибо нет сомнения, что история премудра, последовательна и изящна». На вопросы о декабрьском событии 1825 года и о причинах долгого заточении отвечал уклончиво. Он изживал приступы душевной анемии, подступавшего сумасшествия, о котором поведал в поэме «Одичалый».

Живой в гробу,
Кляну судьбу
И день несчастного рожденья!
Страстей борьбу
И жизнь рабу
Зачем вдохнула из презренья?
.....
Вон там весной
Земли пустой
Кусок вода струей отмыла.
Там глушь: полынь и мох густой —
И будет там моя могила!
Ничьей слезой
Прах бедный мой
В гробу гнилом не оросится,

И на покой
Чужой рукой
Ресниц чета соединится.

При жизни поэт был известен лишь как автор «Одичалого». В этой поэме он отрешился от былого романтизма. Но она породила легенду об его сумасшествии. И в захолустном Томске, недавно ставшем губернским, вчерашний затворник любил уединение, проводил время в Степановке, где помог создать уютную дачу. Приложил здесь силы к постройке церкви. И при втором поселении в нём, принудительном, этот город вызвал в нём тёплые чувства. «Всё та же Томь хрящ роет и несёт, Струит свои морщины молодые. Кайма высот одним широким кругом *О*бъемлет город юный и живой... Всё то же здесь, но я-то тот же? Уже полвека грудь мою стеснили Скорбей и бедствий...» Захолустный город, где не было литературной жизни, не оттолкнул поэта-философа. В ссылке укрепился в нём сибирский патриотизм.

Одним из первых Батеньков увидел в Томске залог будущего просвещения: «это оазис в пустыне, предельная грань европейской цивилизации, крайний пункт тяготения главных интересов к западу. Далее начинается Азия, ощутительным становится соседство другого великого народа». Здесь он обратил внимание на сибирскую этнографию, составил труд «О заселении Сибири» и статью «Общий взгляд на Сибирь». В статье «О дорогах Сибири» он указал главную язву края. Но назвал Сибирь «маховым колесом для движения неизмеримого нашего отечества». Он был энциклопедистом своего времени, есть у него работы по педагогике и лингвистике, заметки о просвещении. «В русском народе... есть уже просвещение в обширном смысле, то есть частию сознание, частию безотчётное чувство того положения, которое занимает он в мире и к которому шёл последовательно в продолжение десяти веков. Это и есть дух народный». Писателям предложил он составить книги для школы. Он оставил «Повесть собственной жизни». Подводил итоги не только собственной жизни, но и общественной.

Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов (ранен несколько раз), инженер путей сообщения и подполковник в отставке. В 1817 году приехал в Томск и руководил благоустройством улиц и шоссе, укрепил набережную реки Ушайки и возвёл Думский мост, «в короткое время… показал на пользу города Томска довольно успеха усердным своим старанием, деятельными всегда занятиями

и искусством». Посещал здесь масонскую ложу «Великого светила». Возник конфликт с сибирским генерал-губернатором И. Пестелем (сатрапом-взяточником, отцом декабриста), и Батеньков решил вернуться в столицу. Но встретился с Михаилом Сперанским, сменившим Пестеля, и стал его сотрудником. Задача сибирской реформы увлекла его, он составил семь важнейших проектов, в том числе положение об управлении инородцами. Среди прочих его работ – трактат «О ссылке и ссыльных». В 1823 году назначен помощником А. Аракчеева, начальника военных поселений. Но тут его ждали неприятности – не сошёлся характером с графом-реакционером.

Философ сравнил двух видных государственных деятелей: «Аракчеев страшен физически, ибо может в жару гнева наделать множество бед; Сперанский страшен морально, ибо прогневить его – значит уже лишиться уважения. Аракчеев зависим, ибо сам писать не может и не учён; Сперанский холодит тем чувством, что никто ему не кажется нужным... Аракчеев решителен и любит наружный порядок; Сперанский осторожен и часто наружный порядок ставит ни во что... Аракчеев богомол, но слабой веры; Сперанский набожен и добродетелен, но мало исполняет обряды. Мне оба они нравились как люди необыкновенные. Сперанского любил душою». В годы работы с Аракчеевым Батеньков принят был в тайное Северное общество и занял в нём видное место.

Когда-то, ещё в Тобольском училище, он колебался, какое выбрать направление: «Древние греки и римляне с детства сделались мне любезны, но природные склонности влекли к занятиям другого рода. Я любил точные науки и на 15-м году возраста знал интегральное исчисление почти самоуком». Но не было средств учиться в университете, и он поступил в сиротское отделение Петербургского кадетского корпуса. После войны экстерном сдал экзамены в институте путей сообщения, арестован был уже старшим офицером. На вопросы следственного комитета Батеньков написал: «Война представила мне поучительную картину, но я выходил из строя за ранами, должен был непрестанно лечиться и продолжал своё образование... Военной славы не искал, мне всегда хотелось быть учёным или политиком. Во время двух путешествий за границу мысли о разных родах правления практическими примерами во мне утвердились, и я начал иметь желание видеть в своём Отечестве более свободы».

Но сначала на следствии он открещивался от заговорщиков, и его признали невиновным, хотели освободить. Тут испугался сам

затворник: друзья заподозрят предательство. Он написал Николаю I, что разделяет убеждения заговорщиков, что выступление 14 декабря — «первый в России опыт революции политической»; «Я не только был член Тайного общества, но член самый деятельный. Тайное общество наше отнюдь не было крамольным, но политическим. Оно состояло из людей, которыми Россия всегда будет гордиться». Ответом был приговор к вечной каторге, заменённой на двадцатилетнее одиночное заключение. Историки так и не пришли к согласию, симулировал ли Батеньков сумасшествие или действительно заболел психически. В ссылке он воздерживался от политических суждений, как будто «звезда пленительного счастья» уже не манила его. Вряд ли это так, но заложником утопии он уже не был. «Вольные и либеральные мысли, дела оппозиции, реформы, изменения форм и порядков стали быть законным правом, долгом и неоспоримо благотворными».

В его записках есть замечания: царства, «не имевшие в основании идей, разрушались». Великое государство должно иметь великую идею, но не отступать от моральных заповедей. «Идея подобна воздуху — чем больше утесняется, тем сильнее». Но от идеализма декабристов, от культа героев он отошёл. Такое понимание он назвал «подложной историей», «не выносящей учёной критики».

Позднее областники с удивленьем узнавали, что ещё декабристы вели споры: поддерживается ли неравенство областей искусственно или это неизбежный рок для Сибири. Батеньков, единственный сибиряк среди масонов, первым усмотрел в Сибири признаки колониальной страны. В 1856 году выжившим декабристам разрешили выехать из Сибири, и Батеньков покинул Томск. Он остался противником абсолютизма, сторонником отмены крепостного права. «Чего желаем мы? Желаем отвержения этой мёртвой формы. Без того нет ни утешения, ни примирения. Все успехи ложны, ибо идут во имя нашего ничтожества, но что в тысячу лет уже умерло, для чего же нам нести на себе?». В Томске он избавился от романтического экстремизма: «республика устоять не может», «ещё не дозрели люди». В другом послании Батеньков утверждает, что конституционная монархия нужна как переходный этап.

Среди поэтов-декабристов Батеньков не самый заметный. Но в их кругу он самый глубокий мыслитель. Таким сделал его исключительный жизненный опыт.

Я прожил век в гробу темницы,
Меня томила ночи тень,
Но дух мой был вольнее птицы,
И ночь преображалась в день.
В молчании часов тюремных
Я много вынес бурь душевных,
Хотя с людьми не враждовал,
Не знал любви, не правил царством
И покорённым государствам
Склониться не повелевал.

Сибирских литераторов он опередил на два поколения. И Сибирь, тогда край ссылки и каторги, он полюбил неподдельно. И кое в чём он был предшественником сибирских патриотов – областников.

А. Казаркин

Иван Кущевский
(1847 – 1876)

Иван Афанасьевич Кущевский родился в Ачинске Енисейской губернии. В 1854-м, после смерти отца, мелкого чиновника, семья перебралась в Томскую губернию, сначала в Барнаул, а в 1859-м — в Томск, где Иван поступил в третий класс гимназии.

Она замечательна тем, что в ней учились дети, ставшие крупнейшими сибирскими писателями второй половины XIX века, — Н. Наумов, Н. Ядринцев, Кущевский. И семиклассник Ядринцев в 1859/60 учебном году на гимназических литературных вечерах уже заметил двенадцатилетнего Кущевского, который выделялся «талантом и страстью писать». Все трое гимназию не окончили: судя по бездарному преподаванию и грубым порядкам, изображённым в романе «Николай Негорев», это неудивительно. Ядринцев обрисовал томскую гимназию совершенно в духе Кущевского; то же подтвердил и Наумов.

В 1864 году Кущевский оставил учёбу, уехал из Томска в Барнаул, несколько месяцев служил чиновником, а затем, сопровождая караван золота, отправился в Петербург в университет, дабы на правах вольнослушателя приобрести подлинные знания.

В столице ему пришлось добывать средства к существованию, работая молотобойцем, кочегаром, матросом, грузчиком, занимаясь другим случайным трудом. Жить приходилось в ночлежках. Он заслуженно считал себя «писателем-пролетарием» ещё и потому, что свои очерки и рассказы публиковал где придётся за жалкую плату.

Поздней осенью 1870 года он таскал на пристани мешки с тяжёлым грузом, оступился с мостков в воду и сильно простудился. Лёжа в больнице и меняя еду на свечи, он завершил роман «Николай Негорев», напечатанный в авторитетных «Отечественных записках» Некрасова и Щедрина.

Это так называемый роман воспитания, роман о становлении личности. Сюжет ведётся от лица Николая Негорева, который, оце-

нивая поведение родных и друзей, а также своё собственное, «рассудительно обдумал, по какой жизненной дороге следует идти к благополучию».

Анонимный критик из «Отечественных записок» писал: «В литературном отношении роман Кущевского отличается такой типичностью характеров и таким богатством неподдельного юмора — качества столь у нас редкого, — что решительно выходит вон из ряду». Из ряду вон произведение Кущевского выходило прежде всего потому, что он и не обличал упоённых революционным порывом конца 1850-х — начала 1860-х годов, и не навязывал их в пример для подражания. Несмотря на ироничность, Кущевский достаточно объективен. Логика действий каждого персонажа чётко и органично выдержана в соответствии с его характером и социальной ситуацией: «Дон Кихот» Оверин, проверивший на практике свою очередную идею, попадает на каторгу; заигравшийся в революцию Андрей Негорев вынужден бежать за границу и там бедствовать; импульсивная Лиза Негорева не находит себе места ни в общественном служении, ни у семейного очага.

Сбой очевиден лишь в характере главного героя: «...вы, кажется, называете подлостью то, что я не иду вслед за другими», — говорит он, не желая соглашаться с апологетами каких-либо веяний. И вдруг в финале романа повествователь объявляет, что «принуждён быть кратким», а читатель узнаёт, что Николай Негорев оказался способен на безнравственные поступки, обеспечившие его благосостояние. Так, Ядринцев счёл нужным высказаться, что Кущевский «был прекрасным нравоописателем и психологом», но «его произведение было, говорят, сильно урезано и ощипано капризной редакторской рукой столичного литературного олимпийца; уверяют даже, что последняя часть романа была написана другим лицом». Дошедший до Ядринцева слух небезосновательно: Щедрин часто сокращал и, согласно радикальным тенденциям журнала, иногда ощутимо правил чужие произведения. В этом контексте слова из письма Кущевского Некрасову: «...облагодетельствованный и униженный Вами человек...» — звучат ещё горше.

В литературе той поры тон задавала либеральная и демократическая журналистика, явно пародированная в романе в виде полемики гимназических журналов. Кущевский усмехался тому, что его коллеги «лепят» сочинения «сообразно требованиям времени и того или иного модного направления», и противился изображению «болванчика» вместо чело-

века. «Кущевский, разойдясь с представителями новой прессы, конечно, не мог уже найти сочувствия», — подчеркнул Ядринцев, — но он «дорог нам, как талантливая голь, выделенная нашим обществом», сибирским.

Однако Г. Н. Потанин возмущался, что Кущевский «взял эпизод из сибирской жизни и потом окружил его чертами несибирского быта...». Вероятно, в провинциальном городе, обозначенном литерой Р., предполагалось видеть типичную российскую реальность без привязок к определённому месту; здесь скорее найдёшь петербургские детали, чем томские, и даже есть университет, о котором сибиряки тогда только мечтали.

Нескрываемую дань Томску Кущевский отдал в очерке «Не столь отдалённые места Сибири» (1874), опубликованном в «Отечественных записках» под псевдонимом Хайдаков. «Хайдаков выдал нам, сибирякам, похвальный лист...» — отметил Потанин. Сибирский мужик «ни перед кем не ёжится, не подличает...» — сказано в очерке, — в Сибири «изобилие полное во всём, но тяжёлый произвол мелкой чиновной администрации и кулачества не дают вполне подняться и окрепнуть народу, который носит в себе все задатки для будущего развития». Тут вновь отразилась основная тема произведений Кущевского — столкновение идеалов с реальностью, зачастую очень драматическое.

В 1876 году 29-летний писатель умер в нищете от отёка лёгких.

Его-рассказы, очерки, фельетоны, литературно-критические статьи до сих пор не собраны воедино, и полного представления об его творческой деятельности нет.

Образ Николая Негорева оказал влияние и на создание Горьким образа Клима Самгина. Во время работы над своей большой повестью Максим Горький напомнил читателям про недооценённый роман Кущевского, где дан «процесс превращения героя в лакея, — процесс, который и в наше буйное время „имеет место в жизни»». Последнее стоит подчеркнуть.

Н. Серебренников

Николай Наумов
(1838 - 1900)

Это имя вы встретите в любой истории русской литературы, даже самой краткой. И везде оно сопровождается похвальными оценками: честный наблюдатель, знаток народной жизни, крупнейший рассказчик и очеркист. «Смелый голос правды» - так оценил манеру Наумова друживший с ним Г. Н. Потанин, наставник сибирских писателей: «Рассказами Наумова начинается сибирская беллетристика, и мы горячо приветствуем это начало». Спорить с этим не приходится: да, это первый крупный прозаик-сибиряк. Он жил в разных городах – Тобольске, Омске, Кузнецке, Томске, Мариинске, Барнауле. А ещё Николай Наумов – один из самых известных писателей-народников. Имя его прогремело в 70 – 80-е годы позапрошлого века по всей России, но слава вскоре пошла на убыль.

Родился Николай Иванович Наумов в Тобольске, умер в Томске. Семилетним остался без матери (умерла она в Омске), а через два года отца, мелкого служащего, перевели в Томск, где Николай учился в гимназии. По словам Н. Ядринцева, его однокашника, писать Наумов начал ещё в школьные годы. Его бытописательский уклон объясним: с ранних лет узнал он нужду и унижение: «Судьбе угодно было, чтобы с самого раннего детства я видел одни только печальные картины человеческих страданий». Хотя Томская гимназия славилась по Сибири, будущему писателю было в ней неуютно, и закончить её ему не удалось. Когда отец вышел в отставку, по нездоровью, четырнадцатилетнему Николаю пришлось поступить юнкером в военную школу в Омске: платить за гимназию было нечем. Но карьера военного его совсем не увлекала, он оставил училище и отправился в Петербург. Он слушал лекции в университете, планировал закончить гимназию экстерном и поступить студентом на законных основаниях. Но судьба-индейка решила иначе. За участие в студенческих волнениях его арестовали, два месяца пробыл он в тюрьме и был лишён права посещать университет. После ареста он отправился в

Сибирь, служил секретарём суда в Тобольске и Омске и, главное, отдался литературному труду.

В Сибирь он вернулся автором нескольких опубликованных рассказов. Первая зарисовка – «Случай из солдатской жизни» - напечатана ещё в 1859-м году в «Военном сборнике», а следом, в 1861-м, «Мирные сцены военной жизни» (в «Светоче»). Дальше - публикации в «Народной беседе», «Искре», «Деле», а вот и отличие: в «Современнике» напечатан очерк «У перевоза». Это 1863 год, писателю 25 лет. Для демократической прессы это лучшая рекомендация, публикация в «Современнике» открыла двери второго по важности журнала эпохи — «Отечественные записки». Так к середине 60-х годов сформировался писатель- народник, хорошо знающий жизнь сибирского крестьянина. По сравнению с николаевской эпохой, это «оттепельные» годы, общественный подъём после отмены крепостного права. «От- дохли от барщины-то. Себя теперь сознали», — говорит один крестьянин. «Нешто так должен жить человек!» —- возражает другой. Читатели оценили Наумова как мастера-очеркиста, а рассказ-очерк в народнической прозе — основная форма. Первый сборник Наумова издали народники вскладчину, а позднее и сам он участвовал как пайщик в организации главного народнического журнала — «Русское богатство».

Но причастность к народничеству не могла остаться безнаказанной. В следующий раз писатель был арестован в 1865-м году вместе с Потаниным и Ядринцевым по делу «Об отделении Сибири от России». Он побывал в омской тюрьме (где недавно отбывал свой срок Достоевский) за принадлежность к «заговорщикам-сепаратистам». Областничество — отпочкование народничества, но основная его идея — об особом пути Сибири — у Наумова вызвала скептическое отношение. Убеждённый народник, он считал, что вопросы областного самоуправления будут решены в ходе общинного самоопределения народа. Сами жители волостей, уездов и губерний решат, как им жить. Следствием Наумов был оправдан, в отличие от Потанина, осуждённого на каторгу, и других «сепаратистов», высланных из Сибири в глухие места северной России.

В «Отечественных записках» и «Деле» напечатаны самые запоминающиеся его «картинки из крестьянской жизни», вошедшие потом в сборники «Сила солому ломит» (1874), «В тихом омуте» (1881), «В забытом краю» (1882), «Паутина» (1888). В 80-е годы рассказы Наумова охотно печатали «Русское богатство», «Устои» и, конечно,

«Восточное обозрение» (редактор Н. Ядринцев). В 1897 году в Петербурге изданы «Сочинения Н. И. Наумова» в двух томах. В пору творческого расцвета Наумова о нём похвально отозвались А. Скабичевский, редактор «Вестника Европы», Н. Михайловский, редактор «Русского богатства», Н. Ядринцев. Г. Потанин написал о нём в 1876 году в обзорной статье «Роман и рассказ в Сибири»: «Твёрдо надеемся, что пример Н. И. Наумова не останется без подражания, и в среде его земляков найдутся продолжатели дела, которому он положил начало».

Но честный наблюдатель увидел и расхождение народнической утопии с реальностью. Община, надежда русских социалистов, начиная с Герцена и Бакунина, разлагалась. Из крестьянского мира выходили «волки и овцы», и это уже нельзя было счесть досадным отклонением. Областники также требовали от писателей этнографически точного изображения быта и психологии населения Сибири. А революционеры, включая эсеров, использовали сочинения Наумова в пропаганде социализма.

Большие писатели задавались здесь вопросом: каков он, человек. А народническая программа осуждала философскую прозу как «барскую прихоть». Революция убедила позднее: идеализация крестьянства – интеллигентская беспочвенность. А ещё пролетарская революция в крестьянской стране показала, насколько человечной была народническая утопия по сравнению с марксистской, с большевизмом. Судьба России, почти на девять десятых крестьянской по населению, была решена радикально: кулачество уничтожено, остальных превратили в батраков. Этот эксперимент называется раскрестьяниванием России. И Наумов помогает понять, что произошло в стране через поколение после смерти писателя.

Своеобразие прозы Наумова в кругу писателей-народников бесспорно: сибирский быт бьёт в глаза. Но знаток Сибири не коснулся экзотических тем, считавшихся сибирской спецификой, — беглые каторжники, чаерезы, кутилы-воротилы, староверы... Эти «изюминки» областники считали уходом от насущных проблем времени. По Наумову, крестьянин-сибиряк отличается от своего собрата из центральной России, забитого и нищего, зажиточностью и независимостью. Пожалуй, жизнь больших притрактовых сёл и переселенческих деревень Наумов знал лучше старожильческих таёжных заимок. Писатель изобразил жизнь аборигенов Алтая вполне в областническом понимании «инородческого вопроса» («Горная идиллия», «Сарбы-

ска»): кулаки и чиновники наживаются на темноте народа. Писал он и о жизни рабочих на золотых приисках («Ёж», «Паутина»). Здесь увидел он бесчеловечные крайности капитализации России...

Порой кажется, что писатель не разглядел народные таланты, не чувствовал поэзию деревенского быта. «Своевременность, жизненность и реализм», «правдиво и ярко» —повторяющиеся отзывы современников. Вот с последней частью оценки нам теперь согласиться трудновато. Яркой беллетристики у народников не могло быть по определению: натурализм нацеливал на точное описание материала — минимум поэзии, никакой условности. Но это не столько недостаток таланта, сколько общая беда народнической литературы. Сравним любую книгу Наумова с тургеневскими «Записками охотника» – сразу станет видно, что народник исследует другие стороны крестьянского быта. Ему как будто не до песен и сказаний, надо решать краеугольные вопросы жизни крестьян. Идеализируя общину, народник должен был изобразить её «всесторонне и точно». Тенденциозность и правдоподобие тут в неразрешимом конфликте. Не оттого ли народничество не дало ни одного великого писателя?

Чем же привлекает нас в начале 21-го века мир Николая Наумова? Речью деревенских говорунов, мужицкой корявой мудростью, бытом и, конечно, знанием сословной психологии. «Юровая», «Крестьянские выборы», «Паутина» — источник знаний о сибирской глубинке конца позапрошлого века. В изображении облика своих героев Наумов повторяется, использует сюжеты очеркового («беспозвоночного») типа с рассказчиком-наблюдателем в центре. Нередко сам же рассказчик толкует смысл зарисовок, и тогда перед нами уже не герой, а сам писатель, и это — документальное повествование.

Социальные конфликты Наумов передавал главным образом через диалог и рассказы людей типа «пройдисвет». Жанровые указания: «сцены», «очерки» подчёркивали этнографическую и сословную достоверность описаний. Показать самое характерное — эта установка вела к художественному изъяну: схематичность заслоняла разнообразие портретов. Честность изображения деревенской реальности почиталась выше всякой «художественности», её народники числили по разряду не изжитой романтики. Сборник «Сила солому ломит» настраивал читателя на оптимистический лад, а после него Наумов смотрел на деревню всё мрачнее. Об этом говорят даже названия его книг: «В тихом омуте» и «В забытом краю». Тяжела, если не безнадёжна, атмосфера в повести «Паутина».

Народническая критика заговорила о нём после публикаций в «Современнике» и «Искре» (ещё не ленинской). И перед нами действительно один из главных беллетристов-народников. Первым сейчас признают Глеба Успенского. Даже Плеханов, бывший народоволец и первый русский марксист, писал о Наумове как о лучшем прозаике-демократе. Ну не Толстого же, барина и путаника, ставить на это почётное место! Марксистская критика с сожалением отмечала, что талантливый прозаик, знающий жизнь не по книгам, примкнул к числу литераторов, идеализирующих крестьянство. А пьянство, губящее широкую натуру сибиряка, он будто бы находил только у приисковых рабочих. Нет, крестьянский мир у Наумова резко разделился на мироедов и бедняков. Кулаков, этих крестьянских кровососов, он изображает мрачными красками. Бессердечные, нагло подкупающие чиновников, запугивающие бесправных батраков, высасывающие из деревни жизненные силы, — вот она, паутина. Плетут её кулаки, друг друга аттестующие ворами, и чиновники, лишенные даже намёка на человечность.

В чём же отличие Наумова от областников? Переселенцам уделил он больше внимания, чем чалдонам-старожилам. Уже известным писателем он служил чиновником по делам переселенцев в Мариинске и Томске, был членом совета по делам Алтайского округа (в Барнауле). С 1887 года поселился в Томске и вёл жизнь замкнутую. Изредка печатался в «Сибирской газете». Томск узнаётся в его последних рассказах своей тёмной бытовой стороной. На исходе дней писал из Томска о «глубоком разочаровании во всём»: «Прав Щедрин, писать можно только в Петербурге». Как это далеко от потанинской программы «талант будет крепнуть и становиться богаче силами, если он не будет порывать своих сношений со средой, в которой прошло его детство». Читателей-то рядом с собой Наумов почти не видел. А Потанин советовал писателям-сибирякам начинать сибирскую литературу с этнографических описаний, поэзия сама, мол, придёт. И оговаривался, что «условия провинциальной жизни часто складываются так тяжело, что писатель принуждён бежать из провинции в столицу и оставаться вдали от тех мест, жизнь которых он изображает».

Да, писателя Наумова в Петербурге и Москве знали больше, чем в Сибири. Народническая утопия отходила за горизонт, влияние очерковой прозы резко пошло на убыль. Конец XIX века писатель воспринял в мрачном свете: «Вступив в жизнь в 60-е годы, тяжело, ох как

тяжело переживать 90-е <...> Кругом всё изменилось. Пошли новые люди, а с ними и новые песни, и стремления». Идеализация общины не рассеивала опасения, что русская культура утрачивает крестьянские корни.

Вопросов писатель задал куда больше, чем дал ответов: «И проглянет ли когда в этот тёмный исстрадавшийся мир тёплый луч разумной жизни, разумных человеческих отношений — бог весть». Начинался новый литературный период — символизм, с его «любовью к дальнему», с мистическим двоемирием и потерей интереса к «маленькому человеку». Ко времени революции демократическая публицистика казалась далёким прошлым, и в неопределённое будущее отодвигалась существенная задача — формирование идентичности, национальной и региональной (сибирской). К этой тематике русская проза вернётся только через полвека с лишним, когда зазвучат голоса традиционалистов-«деревенщиков». Заслуга Николая Наумова в этой области исторически бесспорна.

А. Казаркин

Константин Станюкович
(1843 - 1903)

«Это талантливый и умный, хорошо знавший жизнь и удивительно работоспособный писатель, честный труженик», - так сказал известный советский писатель-маринист Леонид Соболев во вступительной статье к собранию сочинений Станюковича. Сам же писатель-народник своё дарование оценивал скромно и на юбилейном чествовании сказал: «Если я никогда и ни при каких обстоятельствах не служил пером тому, что считал вредным или безнравственным, то ведь это не достоинство, а примитивная обязанность всякого несколько уважающего себя литератора... Я же как писатель был и есть, выражаясь метафорически, одним из матросов, не боящихся бурь и штормов и не покидающих корабля в опасности, но ни капитаном, ни старшим офицером, ни даже рулевым литературным не был».

Все говорящие о Станюковиче первым делом подразумевают «Морские рассказы». И редко кто помнит, что начаты они далеко от моря — в Томске. Здесь писатель-маринист, названный «Айвазовским слова», отбывал ссылку, здесь написал и напечатал в газете роман-фельетон «В места не столь отдалённые».

Родился Константин Михайлович Станюкович в 1843-м году в Севастополе, в семье адмирала, севастопольского военного губернатора. В дни обороны Севастополя двенадцатилетний Костя был курьером при отце и был награжден двумя медалями. Затем был зачислен в петербургский Пажеский корпус и переведен в Морской кадетский корпус. Но за несколько месяцев до выпуска гардемарин Станюкович заявил отцу, что переходит в университет. Отказ от военной карьеры вызвал гнев отца, он направил сыну письмо: «Забудь отныне, что ты мой сын!» Этим дело не ограничилось: адмирал ходатайствовал о назначении сына в кругосветное плавание. В 1860-м году, ещё до выпускных экзаменов, будущий писатель отправился в «кругосветку» на корвете «Калевала». Это событие отражено в повести «Грозный адмирал».

На острове Ява гардемарин Станюкович заболел лихорадкой, и его отправили во Владивосток в лазарет. Весь 1862-й год ходил на разных судах по Тихому океану, побывал в Сан-Франциско и Сайгоне. В эту пору в «Морском сборнике» напечатаны его первые очерки. В 1863-м был отправлен из Владивостока в Петербург с важными бумагами, проехал через Китай и Сибирь. По прибытии в столицу Российской империи произведён был в мичманы. Тогда это был офицерский чин. Но всё же морскую службу начинающий литератор оставил. Борьба с отцом разрешилась разрывом в 1864-м: Константин Станюкович, лишённый наследства, вышел в отставку. А в 1865-м отставной лейтенант поступил учителем сельской школы во Владимирской губернии. Об этом напечатал очерк «Из воспоминаний сельского учителя» — несомненное влияние народнических идей. В деревне молодой учитель дописывал книгу «Из кругосветного плавания». Рассказы и очерки о кругосветном плавании печатались с середины 60-х. Позднее материал вылился в повесть «Вокруг света на «Коршуне». Книга «Из кругосветного плавания» вышла в 1867-м году. 1873-й год: опубликован роман «Без исхода», получивший хорошие отзывы критики.

Затем начинающий писатель вернулся в Петербург, сменил несколько профессий и мест жительства — жил в Курске, Харькове, Таганроге, Ростове-на-Дону. В Москве поставили его сатирическую комедию. В 1873-м году напечатан роман «Без исхода», получивший одобрительную критику.

В 70-е годы напечатал циклы рассказов и фельетоны «Картинки общественной жизни», «Наши нравы», «Письма знатных иностранцев» и три романа: «В мутной воде», «Два брата», «Омут». В конце 70-х стал соредактором журнала «Дело», а затем выкупил приютивший его журнал в рассрочку и стал редактором-издателем. Журнал «Дело» был известнейшим изданием либерального направления, в нём печатались Глеб Успенский, Омулевский, Засодимский, Шелгунов (соратник Чернышевского). Главное управление по делам печати дало журналу резко отрицательную характеристику: «Издатель и самые сотрудники «Дела» заведомо принадлежат к числу писателей самого неблагонадежного направления, не раз осуждённого правительством. Они... придают всему журналу вредный характер подбором, содержанием и направлением статей».

К. Станюкович был взят под негласный надзор как «личность противоправительственного направления». Не столько за свои фе-

льетоны, сколько за внелитературные связи. Он встречался за границей с видными народниками – с Лавровым, Ткачёвым, Тихомировым, Верой Засулич, с террористом Степняком-Кравчинским. Вскоре писатель-маринист был арестован, заключён в Петропавловскую крепость, а в 1885-м год сослан в Сибирь на три года.

С кем было общаться в Томске писателю из Петербурга? Только с политическими ссыльными, они были лучшими публицистами Сибири. Здесь маринист написал циклы фельетонов «В дальние края» и «Сибирские картинки». В томской ссылке написана также повесть «Василий Иванович», и 1886-м году писатель приступил к «Морским рассказам». Первые из них – «Беглец» и «Матросский линч» - напечатал под псевдонимом М. Костин. «Максимка», «Беглец», «Василий Иванович», «Человек за бортом!» - этот цикл можно назвать второй редакцией книги «Из кругосветного плавания».

Ещё в годы ссылки «Морские рассказы» вышли в Петербурге отдельной книгой и были высоко оценены критикой. Народническая интеллигенция одобрила негодование против бесчеловечности европейских «цивилизаторов»: «Объясняй себе после этого как хочешь возгласы англичан в Китае, а французов в Кохинхине, что они вносят цивилизацию в крайние пределы Востока. Если разорение — действительно цивилизация, если резание людей и казни в Китае, распарывание животов у беременных женщин — тоже цивилизация, то бог с ней».

Томск, имевший три газеты и готовый стать университетским городом, в глазах официоза имел дурную репутацию: «В Томске образовался целый штата социалистов, собранный сов всех концов Сибири. Редакция местной “Сибирской газеты” сплошь состоит из них... Ожидается только прибытие новобранцев в виде томских студентов, а может быть, и профессоров» (столичный отзыв М. Каткова). «Сибирская газета» была закрыта сразу после официального открытия Императорского Сибирского университета.

«Томский» роман свой Станюкович печатал в «Сибирской газете» как цикл рассказов-фельетонов. Дело происходит в Жиганске – провинциальном городе с плохой репутацией. А сибирский облик его почти неощутим. В центре событий образованный ссыльнопоселенец с броской фамилией — Невежин. Роман начинается с осуждения его... за убийство нелюбимой жены. Этот зачин сделан из цензурной предосторожности: произведение с положительным героем из ссыльнополитических не могло быть «дозволено к печати». Хотя

Евгений Невежин отмечен наблюдательностью, хотя автор передал ему свои оценки местной администрации и купцов-миллионщиков, есть ироническая дистанция и по отношению к нему.

Жизнь центрального героя – полная фрустрация. Евгений Невежин «жил, как все живут, потому именно и жил, что так живут все, то есть те, кому с детства он привык подражать, считая именно эту жизнь идеалом человеческого счастья». Он как будто рефлексирует, но итоги жизни подвести не может. «О чём он задумался? Этого Невежин не мог бы сказать. Тысяча мыслей пробегала в его голове. И позднее сожаление о потерянной любви Зинаиды Николаевны, и сознание позора своей беспутной жизни, и досада о глупо-растрачиваемом состоянии, и страх перед будущим…» Это типичный представитель «порядочных молодых людей», чья жизнь полна предрассудков.

Он может только «плыть по течению», постепенно деградируя в праздной жизни. При этом автор часто прибегает к косвенной речи, когда точка зрения рассказчика и героя неразличимы. Жанровая характеристика романа – сочетание очерка и фельетона. Все главы – портретные очерки.

Писатель выступал на страницах «Сибирской газеты» (за подписью Н. Томский) вначале с фельетонами, а затем коллеги уговорили его создать роман-фельетон на темы местной жизни, который и получил первоначально название «Не столь отдаленные места». Город Жиганск названием своим говорит о характере жителей. Читатели видели, что многие персонажи «списаны» с реальных воротил и чиновников. Рецензенты писали, «г. Станюкович изображает с строгою правдивостью, не клевещет на выводимых им лиц... порой под выводимым им лицом довольно прозрачно виден оригинал, с которого оно списано». В жиганском Ржевском-Прянике узнаваем томский губернатор Красовский, «тип российского помпадура доброго старого времени», много судачили и о его подручных, и о купцах-миллионщиках. А ещё и борьбе двух газет - «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника».

Глава «Короли в изгнании» показывает, как уголовные ссыльные находят в сибирской ссылке «тёплое местечко». Многогеройность романа, сочетание очерковости и фельетона отодвигает собственно романное начало на второй план. Полный текст с подзаголовком «Роман из сибирской жизни» был опубликован в Петербурге после возвращения Станюковича из ссылки (в 1889 году).

Выражение «места не столь отдалённые» – стиль российского законодательства XIX века. Забайкалье, Якутия, восточная Сибирь – «места отдалённые» (туда ссылали после каторги и за тяжкие преступления), Западная Сибирь «местами не столь отдалёнными» (в сравнении с Вологодчиной и Поволжьем) могла быть названа лишь иронически. В места «не столь отдалённые» был сослан герой романа «Два брата» Иван Вязников. А вот сын его отступил от «священных заветов»: «Теоретически он, пожалуй, и любил народ, но все эти грубые лица, этот запах земли, навоза и пота были чужды ему, даже неприятны…» Его любовь к народу «теоретическая»: народопоклонник искал славы, поклонения народа. А вот его дядя, Василий Вязников, донкихотски восторженно любит народ, не зная его. Очевидно, Станюкович разделял не все положения народнической пропаганды, думал о сомнительном будущем крестьянской общины неизбежном и о торжестве в России буржуя-капиталиста.

К какому же направлению примыкал Станюкович? Вопрос, кажется, нетрудный. Печатался он в журналах народническо-натуралистского направления. Явной условности, броского вымысла избегал. После ссылки стал соредактором главного народнического журнала «Русское богатство». А в 90-е годы он был заведомо «в обозе» литературного движения. Но и в конце жизни он трудился неустанно, и главное в его наследии – рассказы очеркового типа. С дальними задачами сибиряков он никак не связан и в целом не вышел за границы столичного взгляда на Сибирь.

Константин Михайлович Станюкович скончался в 1903-м году в Милане.

А. Каргин

«В ЛУЧАХ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГРИГОРИЯ НИКОЛАЕВИЧА»

В заглавие вынесены слова из очерка А. В. Адрианова, напечатанного в книге «Сборник к 80-летию Г.Н. Потанина» (Томск, 1915). Скромно оценивая свою личность, Александр Васильевич в той юбилейной статье писал: «Про себя я могу сказать, что направление и моей мало заметной деятельности формировалось в лучах воздействия Григория Николаевича… Он заставил меня крепко связать себя с Сибирью и с служением ее интересам». И ещё замечательно сказано: «Он вёл, потому что за ним шли и те, кто этого сам желал».

На рубеже XIX-XX веков Григорий Николаевич Потанин живёт то в Иркутске, то в Петербурге. Занимается самими разными делами. Пишет из столицы в Москву уроженцу Сибири врачу-психиатру В.И. Семидалову, с которым его связывают дружеские отношения: «Я затеваю издать сборничек стихотворений Васильевой из Барнаула... Но еще не испросил разрешения у самой поэтессы».

Попавшая в руки Потанина тетрадь со стихотворениями стала началом знакомства (ещё заочного) с Марией Георгиевной Васильевой. Разрешение было получено. Потанин с энтузиазмом взялся редактировать сборник.

Чтобы решить некоторые вопросы, связанные с изданием, поэтесса приехала в Петербург, и здесь состоялось настоящее знакомство автора и редактора.

Поэтический дар сибирской поэтессы был невелик. Были тогда в Сибири поэты и поярче, и посильнее, чем Васильева. Но привлекли Григория Николаевича и чем-то затронули такого уровня строки:

И праздник... и солнце...
и звон колокольный...
И снов невозвратных
пленительный рой...
И светлого чувства

порыв своевольный,
Рожденный мгновенно
В душе молодой!

Чем же? Он нашёл в этих миниатюрах искреннее чувство, он отметил, что источником вдохновения для поэтессы является природа. Наша сибирская природа! Его пленила заразительная грусть стихотворений. Мария Васильева не была избалована признанием, хотя с молодых лет печаталась в различных сибирских газетах и журналах.

Высокая оценка знаменитого ученого, человека просвещённого, не чуждого искусству, была ей, без сомнения, приятна. Их деловое сотрудничество переросло в близкие дружеские отношения. Они интересны друг другу. В их разговорах перемежаются личное и общественное, что, впрочем, для Потанина никогда и не пребывало раздельно. Он делится со своей собеседницей идеей всей его жизни - служить Сибири, пробуждать её творческие силы, содействовать культурному развитию своей родины.

Когда-то в Иркутске они с Николаем Ядринцевым отдали столько сил газете «Восточное обозрение». Она продолжает выходить, но сегодня совсем не устраивает Григория Николаевича. И вот в этом дорогом для Потанина городе ему предлагают возглавить газету «Байкал», и он надеется придать ей ту самую острую областническую направленность. Он полон идей и планов. И... предлагает сибирской поэтессе отправиться вместе с ним в Иркутск.

Вся общественная деятельность Потанина так или иначе освещалась у него идеей областного самоопределения Сибири. Областники были последовательными противниками державы, утверждавшей свое единство подавлением местной инициативы с помощью централизма в его жестком русском обличье. Тут, несомненно, одна из наиболее сильных сторон областничества. Вся их публицистика пронизана мыслью о недопустимости сверхцентрализации, о губительности ее и для государства в целом. Щапов в свое время показал, что именно возрождение областных инстинктов и самодеятельность областей спасли государство от гибели в смуте 1612 года.

Было время, когда областнические идеи Потанина историки величали «заблуждениями», карикатурно изображая сибирский патриотизм как стремление отделиться от России. Но это «заблуждение» составило эпоху в культурной, научной и политической жизни Сибири. Областническая идея логично вытекает из цельного и самобытного мировоззрения Григория Николаевича. Его рассуждения о

судьбах страны и края созвучны мыслям виднейших философов.

Вот что писал Н. А. Бердяев в работе «Судьба России»: «Исторический строй русской государственности централизовал государственно-общественную жизнь, отравил бюрократизмом и задавил провинциальную общественную и культурную жизнь. В России произошла централизация культуры, опасная для будущего такой огромной страны... В России существенно необходима духовно-культурная децентрализация и духовно-культурный подъем самих недр русской народной жизни, идущий изнутри всякого русского человека, всякой личности, осознавшей свою связь с нацией...».

Областничество не было «придумано» Потаниным. Он и его единомышленники всего лишь перенесли на сибирскую почву прогрессивные идеи о взаимоотношениях центра и провинции. Патриоты Сибири разработали эти представления применительно к местным условиям и пытались сделать хоть что-нибудь для их реализации.

Итак, Григорий Николаевич приглашает Марию Георгиевну принять участие в работе над «Байкалом». Иркутск он числит городом более культурным, чем Барнаул. «Непременно вам нужно пожить в большом городе, повертеться в кругу литераторов..., поглощенных интересами областными, национальными и общеизвестными, и, может быть, Вы подарите сибирскую публику новой серией стихотворений, которые отразят Ваше нежное сердце в новом преломлении».

В 1901 году книжка М. Васильевой с предисловием Г. Потанина под характерным названием «Песни сибирячки» вышла в Санкт-Петербурге. А Потанин, затеявший хлопоты по переезду Васильевой в Иркутск, сам покидает этот город. Неудача с «Байкалом», где его самостоятельность как редактора оказалось сомнительной, выбивает его из колеи.

В сентябре 1902 года «отставной сотник Сибирского казачьего войска и литератор Потанин» (как значится он в официальных бумагах) выбрал на постоянное место жительства Томск. Наш город стал последним пристанищем в его кочевьях.

И, едва обсидевшись и ознакомившись с местной жизнью, он вспоминает свою «милую, дорогую, бесценную» Марию Георгиевну. Да, именно такие эпитеты рассыпаны в одном из его писем. Там же сделано и признание: «Люблю Вас искренно, горячо... Ценю Ваше чистое чувство и даю Вам обещание довольствоваться Вашей чистой любовью... Я буду надеяться, что в Вашей любви я обрету благодать, которая спасет меня от яда жизни...».

Десять лет романтической переписки... Мария Георгиевна Васильева станет его женой. Впрочем, это уже отдельная история.

В Томске в поле притяжения Потанина попадают молодые люди, делающие первые шаги в литературе. Григорий Николаевич, своим замечательным чутьем распознающий ещё не окрепший талант, всегда готов поддержать и направить по верному пути обладателя творческого дара.

С появлением в его жизни Потанина связывал свои занятия писательством Вячеслав Шишков: «С этого времени моя жизнь как бы приподнялась над обычной средой и стала наполняться иным содержанием». Впечатления от Сибири, беседы с этим разносторонним человеком стали первоосновой шишковской прозы.

Вот как рассказывал об этом сам Вячеслав Яковлевич в статье «Мой творческий опыт – начинающим писателям» в 1934 году: «В Томске жил в то время Г.Н. Потанин, большой учёный, отсидевший долгое время по царскому произволу в Петропавловской крепости и в Свеаборге. Старик 80 лет, Потанин пользовался по всей Сибири громадной популярностью, почти такой же, как Лев Толстой в России. Он узнал, что я пишу, и просил прочесть что-нибудь. Я прочёл рассказ «Ванька-Хлюст». Прослушав рассказ, Потанин сказал мне, что надо по-настоящему начать работать, так как у меня неплохо выходит, посоветовал связаться со столицами, дал письмо к Короленко. В 1912 году я послал рассказ «Помолились» в журнал «Заветы». Рассказ был напечатан».

По совету Потанина в своей геодезической экспедиции на берегах Нижней Тунгуски он пробовал собирать песни, сказания, былины. О чём и повествует в письме Потанину от 25 июля 1911 года: «Добрейший Григорий Николаевич, с болью в сердце я скажу Вам, что – увы! – не осталось в памяти народной ни одной былины. Старики унесли их с собой в могилу, оставив детям (ныне тоже старцам) одни обрывочки….(Шишков эти обрывочки записал и приводит – В.К.). Но зато старинные «проголосные» песни – это восторг!».

Согласимся, что все эти советы и сборы пошли на пользу. И в ранних рассказах, и в последующих повестях и романах Шишков шёл от жизни народа и народного слова. В его творчестве слово звучит и светится, дышит первозданной силой.

Творческий путь Георгия Дмитриевича Гребенщикова начался здесь, в Сибири (он связан с нею и по рождению – 1883 г., Томская губерния). Потанина он читал и почитал с юношества. Их личная

встреча произошла в Томске 28 декабря 1908 года. Георгий Дмитриевич благодарно вспоминал «незаслуженно-мягкий приём и уступчивость Григория Николаевича», у которого он попросил автограф. Потанин сделал надпись на фотографии с его портрета работы художницы Л.П. Базановой и постарался выручить неловкого молодого человека, затеяв с ним разговор «как с равным…о том, что начинающим сибирским литераторам следует сгруппироваться в Томске и начать свой молодой орган».

На другой год Гребенщиков переселился из Омска в Томск, где смог почти каждый день видеть и слышать Потанина. «Григорий Николаевич как-то так себя поставил с молодёжью, что все начинающие литераторы, поэты, художники, студенты и курсистки, учителя и учительницы, тянущиеся к нему, как растенья к солнцу, чувствовали в нём… простого, доброго товарища, с которым дерзали даже спорить и шутить». Гребенщиков отметил, что Потанин, «не желая делать из себя центра внимания, был им всегда, не только у себя дома, но и у других».

Секрет этого всеобщего обожания «заключался не только в мудрости и учёности… Этим магическим притягивающим элементом были и есть, конечно, те высокоидеальная нравственная чистота и цельность, которые ковались в течение всей его долгой и подвижнической жизни».

После паломничества к Л.Н. Толстому Гребенщиков сравнивал «двух российских старцев» и заключил, что в конечном пункте идеалы их сходятся. «Толстой говорит: «Царствие Божие внутри нас», сущность потанинского идеала: «Пусть каждая область зажжёт своё солнце, и вся земля будет иллюминована». Не мудрено потому, что для сибиряков Потанин то же, что Толстой для всех обременённых духовной жаждой и скорбью людей мира».

«Изумительная скромность» Потанина, его «идеально чистая натура» стали для Георгия воплощением того прекрасного, чему он хотел послужить. Вскоре Потанин убедил начинающего литератора отправиться за впечатлениями на Алтай. Вместе они проделали путь до Барнаула, и во время этого общения начинающий писатель отметил, что в старшем товарище идёт постоянная деятельная работа «на пользу человека и особенно на пользу родины его – Сибири».

В Научной библиотеке ТГУ есть «Алтайский альманах» выпуска 1914 года. Читая в этом сборнике историко-этнографический очерк «Алтайская Русь», понимаешь, как глубоко лёг на сердце Гребенщикова этот край, какой значительный след оставил в духовном раз-

витии. В очерке есть зарисовки, свидетельства стариков, мотивы, которые потом полновесно воплотятся в повести и рассказы. После двухтомника «В просторах Сибири» станет ясно, что в России появился большой писатель. Его упоминают в переписке Короленко, Куприн, Горький. Куприн высказался в том смысле, что «за будущее можно не тревожиться, когда подрастают такие мастера, как Шмелёв, Замятин, Гребенщиков».

Художественное наследие самого Потанина невелико и относится большей частью к 1872-1873 годам, когда он находился в ссылке. Потанин задумывал цикл «Лютые дни (Очерки шпанки)», основанный на тюремных впечатлениях. Из задуманного опубликовано четыре рассказа в «Камско-Волжской газете» в 1873году. В 1872-м он работает над рукописью под названием «Тайжане», определяя её поначалу как повесть, но потом соглашается с Н. М. Ядринцевым, что это незавершённый роман.

Его друг и единомышленник Николай Михайлович Ядринцев в 1885 году завершил редакцию потанинских «Тайжан» и очень гордился «художественной обработкой предмета». Увы, ядринцевский вариант утерян и остаётся только сожалеть по этому поводу, зная о его замечательном даре беллетриста. Сохранившийся текст со своими примечаниями опубликовал Н. В. Серебренников (Томск, издательство Томского университета, 1997 г.). Предваряя публикацию рассказов Потанина в журнале «Начало века» (№3 2020), Н.В. Серебренников написал: «Беллетристический дар Григория Николаевича Потанина обнаружился поздно, 77 лет спустя после смерти. Его иногда путали с симбирским писателем-однофамильцем Гавриилом Никитичем. Современники читали то, что появлялось под псевдонимами: литературную критику Авесова, «очерки шпанки» «Лютые дни» (1873) Долонского, рассказы «Блудный сын» (1878) Кислозёрского и «Из переписки молодых друзей» (1886), помеченной прозвищем персонажа Карыма, т.е. сибиряка-полукровки.

У Потанина появился герой, покидающий отечество, дабы вернуться обогащённым знаниями на благо родного края. Однако автор понимал, что в жизни дело чаще обстоит иначе, – так возник мотив возвращения «блудного сына». В публикуемых рассказах, будто в вариантах финала «Тайжан», сознают свою никчемность и почтенный кавалер придворных и учёных званий, и молодой теоретик. «…в этом чувстве моего отчаяния было моё наказание, – но за что?..» – сокрушается первый. «…и дело есть… да сами мы плохи», – резюмирует другой».

Конечно, Потанин более известен научными трудами. И в описаниях своих экспедиций он сдержан и деловит, что и породило мнение о сухости и педантичности потанинского стиля. С годами стиль Потанина-литератора смягчается, насыщается красками и проявлениями чувств, которых Григорий Николаевич раньше как будто стеснялся.

Фрагмент из очерка «В юрте последнего киргизского царевича» («Русское богатство», 1896, №8) даёт представление об этой эволюции. Потанин описал в нём свою поездку в гости к отцу друга юности Чокана Валиханова, 85-летнему Чингису в Кокчетавский уезд. Вечер, садится солнце, аул, где гостит автор очерка, готовится к перекочёвке.

«Все вещи, за исключением тех, без которых нельзя обойтись ночью, укладывают в телеги. Начали снимать с юрт войлок. Вскоре там, где недавно стояли беленькие полушария, видны были только красные кружева деревянных остовов юрт; разрушение шло дальше, и эти кружева были разобраны на части, а когда солнце село, аул превратился в табор. Мы были теперь на кочевом положении.

Аул получил, если можно так сказать, другой силуэт. Он сделался площе, принял более приплюснутый вид; пустые телеги исчезли, все телеги наполнились и сдвинулись, аул сделался плотнее. ...Всё ещё темно, рассвет ещё не начинался, а уже всё пространство оглашается скрипом телег, точно в ночном небе совершается перелёт ночных птиц; вы припоминаете из «Слова о полку Игореве»: «заскрипели телеги половецкие, рцы лебеди в полунощи».

В нашем городе довольно скоро сложился круг потанинских единомышленников, сподвижников, друзей. Только совместными усилиями можно было что-то изменить в жизни томичей, привить им интерес к сибирской истории и культуре.

Григорий Николаевич и его друзья — это люди с гуманитарной «жилкой», разносторонние интеллектуалы: музыканты, художники, этнографы, журналисты.

Томск вовсе не был забитой и отсталой окраиной. Богата и разнообразна периодика. Для самой широкой публики издавались газеты «Сибирская жизнь», «Утро Сибири», выходили мусульманская еженедельная газета «Сибирия», «Томские епархиальные ведомости», «Известия Томского городского управления», «Сибирское сельское хозяйство», «Журнал общества сибирских инженеров», «Горные и золотопромышленные известия», «Известия Томского университета», «Известия Технологического института».

Но Потанину этого было мало. Он деятельно участвует в создании новых кружков, журналов и обществ, чтобы дать людям возможность проявить любые свои дарования, интересы и таланты. Он пропагандирует идею создания в Томске Сибирского областного музея, является инициатором открытия первых в Сибири Высших женских курсов. Еще раньше его хлопотами открыли в Красноярске подотдел Географического общества. Теперь Потанин убежден, что в центре сибирской науки и культуры, каковым стал Томск, тоже нужен отдел Географического общества и вместе с П. Н. Крыловым, В. А. Обручевым, В. В. Сапожниковым и другими ходатайствует об этом.

Идея сочувствия не встретила. Тогда начинаются попытки основать в Томске Общество изучения Сибири. Губернатору отправили соответствующее прошение. В 1908—1909 годы томским губернатором был Н. Л. Гондатти, человек незаурядных способностей и широких интересов. Гондатти, прежде служивший на Севере, собрал немало интересных этнографических сведений и написал книгу о языческих верованиях народа манси, снискав известность в научных кругах. С благословения губернатора в Томске было утверждено Общество изучения Сибири. Потанин, все еще слывший неблагонадежным (это реноме сохранилось за ним и после смерти), стал товарищем председателя нового общества. Членом его мог стать любой человек, без различия пола, звания и национальной принадлежности.

А задачей нового общества было не столько увеличение знаний о Сибири и прилегающих к ней областях, сколько распространение их в массах. Потанин считал необходимым «приучать человека среднего образовательного ценза к служению интересам науки». Начали издаваться «Труды». В этих скромных серых книжках получили право голоса те самые «дилетанты», для пробуждения которых всё и затевалось.

... Потанин участвует в организации литературно-артистического кружка и литературно-драматического общества. Ему близок и интересен А. В. Анохин, композитор и дирижер, собравший на Алтае уникальные материалы по шаманизму. Он разделяет любовь Анохина к Алтаю, его стремление осмыслить художественные традиции коренных сибиряков, попытки создать синтез европейской и азиатской музыки. Потанин, видевший богатство культур аборигенов, направляет поиски своих единомышленников в эту сторону.

Старая идея областников: в Сибири со временем должен сложиться особый стиль жизни и мышления, свое искусство. Стремление сибир-

ских патриотов к созданию оригинальной художественной культуры края набирает силу к 1910-м годам. В 1912 году А. В. Адрианов делает доклад на Первом Всероссийском съезде художников «Об орнаменте у сибирских инородцев», в котором заявляет, что исчезающую культуру должны изучать и этнографы, и художники, и историки.

Деятельность Потанина в эти годы столь разнообразна и плодотворна, что порой кажется, что за подписью «Гр. Потанин» скрывается целое учреждение. Да так, по сути, и было – его начинания подхватывают единомышленники и ученики, а в итоге мы видим разнообразные результаты полезной и нужной работы. И при этом – никаких правительственных программ, координационных совещаний, указующих перстов. Перед нами – самодеятельность людей, объединенных общими идеалами и целями, людей, которым тесно в рамках служебных инструкций. А. В. Адрианов – ревизор губернского акцизного управления – раскапывает в Хакасии ставший знаменитым Оглахтинский могильник. Там были найдены мумии древних сибиряков, глиняные портретные маски. Читатель узнавал о раскопках и находках из иллюстрированного приложения к газете «Сибирская жизнь», которое вёл Потанин. Сам Григорий Николаевич рассказывал со страниц приложения о Н.М. Ядринцеве, сибирской живописи, городах Сибири, шаманизме, казахской народной поэзии и истории золотопромышленности в томской тайге... С. П. Швецов, близкий друг Григория Николаевича, не только лидер томских социалистов-революционеров, но и автор солидного научного труда о жизни аборигенов Алтая. В окружении Потанина мы видим и молодого Михаила Шатилова, впоследствии первого директора Томского краеведческого музея и автора книги «Ваховские остяки».

Как не вспомнить о Григории Ивановиче Гуркине – самобытном алтайском художнике. Ученик И. И. Шишкина Гуркин стал первым художником Сибири, удачно соединившим европейскую школу живописи и традиционное видение мира глазами алтайца. Его выставка в Томске в 1907 году была названа «Неделей Гуркина» – так велик был интерес томичей. На выставке побывало более пяти тысяч человек. Потанин тогда отметил – едва ли не одним из первых, – что природа на полотнах Гуркина одухотворена алтайским национальным характером. Позднее Гуркин не раз делал для учёного зарисовки предметов быта и культа алтайцев, а сам Потанин не раз бывал у Гуркина в алтайском селе Анос. Общение с людьми художественного мира порождало неординарные замыслы.

Говорят, в эту пору Григорий Николаевич мечтал о создании сибирского гимна и пытался привлечь к содружеству Н. А. Римского-Корсакова, но безуспешно. Он радовался всероссийскому успеху сибиряка В. И. Сурикова. Услышав, что тот собирается писать картину из истории красноярской общественности, просит передать художнику, что «это известие встретил рукоплесканиями». К Василию Ивановичу как земляку он обращается с просьбой оказать покровительство барышне, отъезжающей в Москву учиться живописи.

… Восьмидесятилетие Григория Николаевича Потанина (1915) совпало с разгаром мировой войны, с нарастающими трудностями внутренней жизни. И все же оно стало событием всесибирского масштаба. Таких проявлений общей любви и признательности не удостоился никто: ни до, ни после. И, конечно, Потанина знали не только как легендарного путешественника. Сибиряки привыкли, открывая газеты, встречать его статьи и заметки, полные тревоги за настоящее и будущее края, они знали его как всестороннего деятеля, просветителя, заступника.

Недаром в эти дни роль Потанина для Сибири сравнивали со значением Толстого для всей страны. Газета «Сибирская жизнь» объявила, что «празднуя 80-летие Гр. Н. Потанина, Сибирь впервые выступает как одно целое, впервые заявляет urbi et orbi, что лозунг областного самосознания воспринят ею отчетливо». Потанин очень не любил пышных собраний и хлопот вокруг своей особы, но здесь он был бессилен что-либо изменить. Его имя давно стало для Сибири символом.

Красноярск и Томск избрали Потанина почётным гражданином. (Позже он был провозглашен почётным гражданином Сибири, вместе с А. И. Макушиным и П. В. Вологодским). Томская городская дума решила присвоить имя Потанина второй городской публичной библиотеке, открываемой на Песках, а Нечаевскую улицу, где проживал юбиляр, переименовать в Потанинскую. (Ныне эта улица в Томске носит имя Фрунзе, а Потанина — маленькая улица в районе новостроек, не имеющая никакого отношения к Григорию Николаевичу).

Пробелы современного потаниноведения печальны. В энциклопедии «Русские писатели» (М., 2007 Т. 5) Потанин представлен как фольклорист, публицист, мемуарист. Литературная критика игнорируется. О художественной прозе столичный авторитет не знает ничего.

Вл. Крюков

Вера и дружба
(Потанин и Ядринцев)

Здесь, в молодой университетской роще, можно отдохнуть на скамейке, додумать план воспоминаний. Ходят по дорожкам студенты, шумно спорят, даже есть меж ними инородцы. И знать не знает молодёжь, какая борьба шла за сибирский университет.

Да, линия судьбы... Кто-то написал недавно: судьба была к Потанину жестоко несправедлива. Так-то оно так: не позволила закончить университет, каторга и ссылка… но одолел ведь, книги оставил. На каторге мечтал о Тибете — добрался и монастыри ламаистов посетил. А Тибет — это царство монастырей, в одном Гумбуме две тысячи монахов. И почти кругосветное плаванье было.

Издать-то много надо. Но университетское начальство всё отклоняет – за неблагонадёжность. Очерки путешествий — шесть томов. А если собрать ранние путевые очерки, - ещё том. Ещё наберётся большой том статей по этнографии. Плюс том разрозненных статей по фольклору. «Восточные мотивы» — ещё томище, чуть не девятьсот страниц. А ещё «Сага о Соломоне» и «Ерке», их бы в один том спрессовать. В два тома можно уложить сибирскую публицистику. Воспоминания… скомкал, не успеть закончить книгу. И всё? А материалы по истории Сибири? А легенды, сказки, эпос ордынцев? Один Гэсэр чего стоит! Томов пятнадцать набралось бы, если бы кому-то пришло в голову издавать. А с дневниками — все двадцать…

Пять путешествий по Монголии, в южный Китай, на окраину Тибета, в загадочную и закрытую страну... Осень, возвращались из долгой экспедиции, шли вдоль Орхона-реки. Священные для монголов места, здесь старейший буддистский монастырь, здесь прошло детство Темучина, будущего Чингисхана, и где-то здесь была столица его империи. «Харахорин», - хмурый проводник указал кнутом на земляной вал. «Чёрная ограда» по-монгольски, а тюркская параллель как будет? - Каракорум. По-монгольски хаан, а по-тюркски – каан. Так не это ли развалины легендарного города? Марко Поло описал пышную столицу ханов-чингизидов. И никто не запнулся за странность: в века могущества монголов столица их почему-то называлась по-тюркски. Что-то тут не так. Может быть, сохранилось старое слово, домонгольское? Да, так и оказалось: китайские летописи упоминают Каракорум, столицу Уйгурского каганата, за пятьсот лет до Чингисхана. Остановиться надо было, начать раскопки, да

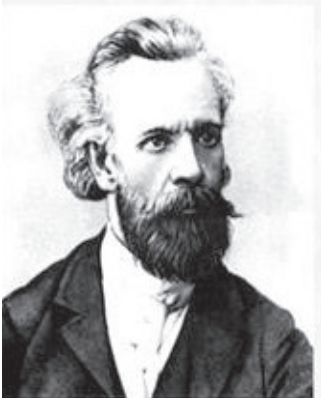
зима надвигалась, проводники-монголы зароптали.

Прибыл в Иркутск и посоветовал Ядринцеву отправиться туда. Удача ждала старого друга на Орхоне: нашёл параллельные надписи на древнетюркском и китайском языках. Вот он, ключ, вот доказательство! Орхонские надписи вскоре прочитали: здесь был Каракорум. В. Радлов прозой перевёл хвалу кагану Бильге: Знайте и помните, камень этот поставлен, чтоб вечно помнили славу великого Бильге-каана. Да, стела Бильге-кагана из самых интересных степных книг…

Николая Ядринцева после смерти назвали «печальником Сибири». Написано в справочниках: родился Ядринцев Николай Михайлович в 1842 году в Омске, в купеческой семье (утаили, приличья ради, что мать была из крепостных). Девять лет исполнилось, когда переехали в Томск. Два писателя, Кущевский и Наумов, написали о Томской гимназии неприязненно. А по Ядрицеву в нищих гимназия воспитывает «поклонение труду и таланту».

Потанин написал: «Ядринцев очень любил жизнь». А самоубийство? Доведён, сломался. Мягкая душа, бурная, но мягкая...

По «Делу о злоумышленниках, имевших целью отделить Сибирь от России и образовать в ней республику по образцу Северо-Американских Соединенных Штатов», три года провёл под следствием в омской каторжной тюрьме. Один из всех «государственных преступников», Ядринцев понял: тюрьма — это шанс понять карательную систему изнутри. Нашёл себе увлекательное занятие — собирал материал для первой книги «Русская община в тюрьме и ссылке». Сколько бродяжьих сказаний накопила Сибирь! Неужели всё это уйдёт из памяти? Книга «Русская община в тюрьме и ссылке» помогла Льву Толстому в работе над «Воскресением».



Сослали на север России, в Архангельскую губернию — не в Сибирь, а из Сибири. Позднее вспоминал: «Я пробыл в ссылке шесть лет, с тюрьмой около десяти лет — десять лучших лет юности… иногда тоска и безнадежность сокрушали дух». Ещё бы, ссылка-то была назначена бессрочная. До конца жизни близ Полярного круга! Но быстро победил слабость, выписал книги. Доказал мо-

ральную разрушительность ссылки в Сибирь.

Книге «Сибирские инородцы» предшествовала серия статей и почти все под псевдонимом Семилужинский. Он понятен только для томичей. По коренным культурам русификация прошлась, как паровой каток. Но главный нарыв Сибири — штрафная колонизация. Она же и «колоднизация». Пошутил так в кругу чиновников — на лицах оскорблённое достоинство: как можно ёрничать на такую тему! – А делать вид, что ничего ненормального тут нет, - можно? – Тут племена вне истории, мы им культуру принесли. – Культуру, от которой они вымирают? Гнусные порядки, а оправдывать их, видите ли, благородно. В ответ холодная спесь: - Будь вы дворянин, я бы прислал вызов на дуэль.

Из Иркутска поехал в Монголию, по наводке Потанина, и сразу попал на вожделенные развалины. И – особая удача – нашли стелу с двойным алфавитом, текст на китайском и древнетюркском. Через полторы тысячи лет перевели руническое письмо стихами:

Пусть камень мой века стоит в степи
на перекрёстке троп и кочевых путей,
ведь именно затем, чтоб видели его,
и утвердил его Бильге-каган.

Вот она, слава земная: камень-то стоит, а кто помнит Бильге-кагана?

Переменчива судьба: после освобождения работал в комиссии по реформированию тюрем, затем поселился в Омске и с головой погрузился в местную печать. Неожиданно для всех статьи эти оценил генерал-губернатор, пригласил на службу, и эта должность помогла вчерашнему государственному преступнику собрать материал для главной книги — «Сибирь как колония».

Смелый был выпад: к трёхсотлетию «Ермакова похода» знаток Зауралья доказал, что Сибирь стала колонией. Шли в неё искатели воли, и вот… «Сибирь пережила все периоды, которые свойственны всем новооткрытым странам. Она была колонией звероловной, колонией горнозаводской, местом поиска золота, наконец, местом ссылки. Постепенное заселение, земледельческий склад, оседлость и формы жизни создали в ней ныне задатки жизни гражданской, воспользоваться которыми для создания прочного общества будет зависеть от нас самих».

Но как жить без веры в лучшее, без перемен? Писал когда-то статью «Спящая красавица»: «Прекрасные глаза её ещё закрыты, живые

силы молодого тела ещё в покое, под влиянием этого покоя они растут и накопляются, это не смерть, а сон ребёнка. Тихое дыхание и лёгкий вздох показывают, однако, что близко пробуждение. Величественная, свежая, прекрасная, может быть, скоро откроет она свои глаза и встанет со своего ложа навстречу румяному утру новой жизни». Вот-вот явится королевич Елисей и разбудит её поцелуем. Но горьким было пробужденье и красавицы, и королевича…

Сверлит ночами в виске: Что, просветитель, стало тебе светлее? Удалось разбудить спящую красавицу? Разбудили — и что открылось? Лицо искажённое, страшно нездоровое. Нет, невозвратимое — невозвратимо. У Ассирии и Вавилона был свой срок жизни, а у Сибири её судьба отнята.

1894-й год: поехал из Томска в Барнаул на тряском тарантасе. А любимая женщина, ради которой отправился на Алтай, - на пароходе. Видимо, передумала, не хотела связать судьбу с человеком, хоть и знаменитым, но на двадцать два года старше. Российские газеты оповестили: сибирский публицист ушёл из жизни в Барнауле. Только близкие знали, что Николай Михайлович свёл здесь счёты с жизнью. Причиной признали неразделённую любовь… в пятьдесят два года. А он написал перед смертью стихотворение «Прощание с родиной»:

Не узнанный никем,
Я в дальний путь изгнания пошёл,
Но всё же край благословил свой милый,
Но имя прошептал страны своей любимой,
В которой голос мой ответа не нашёл.

Благословил, да. Только как отозвалось благословенье? Даже Потанин понял поздно: «Антей от соприкосновения с почвой поднимался с удвоенной силой. С Ядринцевым от соприкосновения с родной почвой произошло совсем другое… похожее на то, которое совершилось с другим сибирским патриотом, выступившим задолго ранее Ядринцева, с Ершовым, автором “Конька-Горбунка”». Печальная закономерность?

И предельная проверка: побывал в Соединенных Штатах Америки. Поехал в Чикаго на всемирную выставку, и пыл к «заокеанской демократии» убавился. Выходит, ближе к истине был Потанин, хмуро хмыкавший: - Для коренного блага демократии не писаны? Спроси наших инородцев, хотят они судьбы индейцев? Да, обманывали, да, спаивали, но племена не уничтожали на корню. Другое дело – ассимиляция, тут инородцы подражали нам, а мы что? - мы награжда-

ли их дурными болезнями.

Былой мессианизм уступил место отчаянию: «Сибирь — несчастная страна, которая должна быть искупительницей чужих неудач и чужих фантазий». Взглянул глазами европейца и увидел: застой и разложение. Безнадёжно мутным показалось будущее Сибири. А Потанин одно советовал: набирайся терпенья, здесь «формируются кости и мускулы живого организма». А через поколенье будут взорванные мосты и овраги завалят трупами.

Выходит, основатели областничества разошлись? У одного из них была школа: от Потанина пошло евразийство. В Ядринцеве побеждал скепсис, сибирская реальность всё больше угнетала. Недоброжелатели поняли по-своему: романтик уязвим для партийной борьбы. Главной задачей считал: объединить Сибирь…а впереди был страшный раскол, гражданская война. Почти всех областников, переживших её, большевики перестреляли. Объявили мечту их реакционной, оболгали в энциклопедиях. И лишь к концу тёмного двадцатого века заговорили о «печальнике Сибири» без оглядки, не шёпотом.

А. Казаркин

Старое и новое: 20-й век

Если в 19-м веке была оригинальная сибирская словесность, – тогда Томск причастен к ней. До областников можно говорить лишь о предыстории сибирской литературы.

К концу 19-го века инициатива в литературной жизни Сибири перешла к Томску. На грани веков появились мнения, что он стал литературной столицей Сибири. После смерти Н. М. Ядринцева (1894) «Восточное обозрение» утратило влияние, и его место заняла «Сибирская жизнь» – газета областнического направления. В ту пору в Томске вышли сборник стихов В.А. Долгорукова «Не от скуки» (1890), драма П.П. Аршаулова «Фатима» (1891). При «Сибирской жизни», привлекавшей литераторов разных городов, Г. Н. Потанин создал группу «Молодая Сибирь», из которой вышли первые сибирские классики. В ней впервые обсуждался вопрос: чем может быть Сибирь в судьбах России и мира. Журналы и альманахи начала XX века редактировали литераторы, входившие в группу «Молодая Сибирь».

Тишайший Антон Павлович Чехов оставил недобрый отзыв: «Томск свинья в ермолке и моветон», «Томск город скучный, нетрезвый, красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское». Устал от весеннего бездорожья на Сибирском тракте? А вот параллельный пример – отзыв Достоевского: «Омск гадкий городишка... Городишка грязный, военный и развратный». Познакомился Чехов со Всеволодом Сибирским (Долгоруковым), о чём написал Иван Шмидт: «Пришёл к Чехову также некий Долгоруков, плотный мужчина большого роста с густыми волосами до плеч и протодиаконским басом. Он поднёс А.П., а заодно и мне по тому своих стихотворений и пригласил нас к обеду. Сам он называл себя политическим, но злые языки утверждали, что он попал в ссылку за то, что в своё время ухитрился запродать дворец московского генерал-губернатора».

В 1901 году вышел «Сибирский наблюдатель», в котором первоначально преобладали материалы этнографического характера, но появилась и беллетристика. Из томичей, прежде печатавшихся в «Сибирских сборниках», перешли в «Наблюдатель» Г. Н. Потанин, В. И. Вагин, И.И. Попов, П. М. Головачёв, В. А. Обручев, В. Анучин (секретарь редакции «Сибирской жизни»). Здесь властвовала группа «Молодая Сибирь», в которой формировались видные писатели: Георгий Вяткин, Исаак Гольдберг, Феоктист Березовский, Георгий Гребенщи-

ков, Вячеслав Шишков, Порфирий Казанский, Александр Новосёлов. Влияние этой группы было сильно, её участники становились редакторами газет и журналов в городах Сибири. «Сибирский наблюдатель» был первым томским журналом, регулярно печатавшим художественные произведения

От «Сибирского наблюдателя» вскоре отпочковались юмористические журналы «Бубенцы» и «Ёрш» (1906), еженедельники «Бич» и «Негативы», а также «Сибирские отголоски» (1907). Желанным автором в этих изданиях был Валентин Курицын; под псевдонимом Не-Крестовский он опубликовал нашумевшие в своё время «Томские трущобы». Но самой видной фигурой был Всеволод Сибирский. Это псевдоним князя Долгорукова, прожившего в Томске около полвека – сначала ссыльнопоселенцем, затем вольным литератором. Всеволод Долгоруков лишён был княжеского звания и сослан в Томск за уголовное преступление. В Томске он издал три сборника стихотворений (четвёртый вышел посмертно), стал успешным издателем, а также занимался благотворительностью.

Кроме названных, выходили сборники «Силуэты Томска» и «Силуэты Сибири». На грани веков в томских газетах печатались произведения М.Г. Васильевой, Е.А. Бахарева, И.А. Евсенина, А.И. Макаровой-Мирской. В предреволюционные годы сложилось уже несколько литературных кружков. Писатели собирались, главным образом, на квартирах Г.Н. Потанина и В.Я. Шишкова, а кроме того – у ученика великого Менделеева профессора Б.П. Вейнберга (он стал главным организатором Института исследования Сибири, появившегося во время правления Колчака). Здесь читали доклады на этнографические темы, обсуждали новинки прозы и поэзии.

В 900-е годы остро обсуждался вопрос об участии сибиряков в литературной жизни столиц. Г. Н. Потанин настаивал: писатель должен определиться и получить известность у себя на малой родине и ни в коем случае не покидать Сибирь. Но его молодые ученики не хотели влачить жизнь в провинциальной безвестности и посылали свои сочинения в столичные журналы. Так поступали Г. Вяткин, В. Бахметьев, А. Новосёлов, Г. Гребенщиков, В. Шишков. Центральная критика заметила когорту сибиряков и дала ей название «Молодая литература Сибири». Это не было самоназванием литературной группы, и сибиряки его почти не употребляли. В местной печати упрочилось название группы «Молодая Сибирь».

Предреволюционное десятилетие – первая фаза самоопределе-

ния собственно томской художественной литературы. В начале XX века итоги литературного развития подводили литераторы разных направлений. С современной точки зрения, интересна статья П. Головачёва «Прошлое и настоящее сибирской печати» (1903), в 20-е годы, в эмиграции, создана книга С. Сватикова «Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества». В ней выражено евразийское пониманием искусства: велико значение месторазвития – климата и почвенных традиций. Областники впервые внятно выразили мысль: значительных, оригинальных художников слова в Сибири ещё нет, но они необходимы для самоопределения края. Уже перед революцией профессионально сформировались В. Шишков, А. Новосёлов, Г. Гребенщиков, П. Казанский, В. Бахметьев.

В 1906 в Томске вышел «Первый литературный сборник сибиряков», в котором участвовали Ф. Березовский, И. Гольдберг, Е. Бахарев, М. Цейнер, Г. Вяткин и другие. Затем томские литераторы подготовили ещё два издания – «Второй литературный сборник сибиряков» (СПб., 1908) и «Северные зори» (М., 1916). Заметную роль играл в ту пору В. Крутовский, редактор «Сибирских записок», выступавший в разных изданиях как критик и публицист. Его вкус, авторитет общественного деятеля значили очень много в литературной борьбе предреволюционных лет. В 900–10-е годы самым обещающим прозаиком был признан Исаак Гольдберг, дебютировавший в Иркутске, прошедший тюрьму и ссылку как член партии социалистов-революционеров. Ещё ссыльным он печатал рассказы и очерки в «Сибирской жизни» и «Первом литературном сборнике сибиряков», был в числе главных авторов «Молодой Сибири» и «Сибирской нови». Одним из первых сибиряков издал он сборник рассказов в Москве, но в предреволюционные годы уступил в известности Г. Гребенщикову и В. Шишкову. Своими «Тунгусскими рассказами» и повестью «Закон тайги» он, в известном смысле, прокладывал дорогу Шишкову, в то же время, сам говорил о влиянии на него Горького. Вслед за В. Розановым и М. Арцыбашевым, И. Гольдберг посвятил свои ранние рассказы и повести «Исповедь» и «Тёмное» проблеме пола. Уже в «Первом литературном сборнике сибиряков» видно влияние биологизма Э. Золя (рассказы Михаила Цейнера). Областническая критика противилась этому влиянию.

В начале XX века в литературе Томска ощущается веяние модернизма. В первую очередь это коснулось стихов и прозы Г. Вяткина, на которого повлияли символисты, больше всего К. Бальмонт. Геор-

гий Андреевич Вяткин закончил Томскую учительскую семинарию и работал в редакции «Сибирской жизни», где и опубликовал первые стихотворения и рассказы. Он стал одним из ведущих авторов «Сибирского наблюдателя» и «Молодой Сибири», но предпочитал печататься в центральных журналах, что раздражало Потанина. Первая книга «Стихотворения» (Томск, 1907) говорит о влиянии старших символистов и о затянувшемся ученичестве. Во втором и третьем сборниках «Грёзы Севера» и «Под северным солнцем» (оба вышли в Томске) влияние Бальмонта и Гиппиус ещё более ощутимо, хотя поэт декларативно открещивался от «декадентов». Большевистский переворот Вяткин не принял и в 1918 году приветствовал Колчака, что, в конце концов, стоило ему жизни. Но во время гражданской войны он печатал, главным образом, чистую лирику. В его рассказах критики отмечали влияние Чехова и Куприна, прославился он также антицерковными очерками. В 1936-м году он опубликовал в «Сибирских огнях» исповедальный роман «Открытыми глазами», который был осуждён советской критикой как произведение антисоветское. В опасное время, начало государственного террора, роман привлёк внимание к автору с репутацией бывшего колчаковца, и писатель погиб в лавине репрессий.

В некоторых современных статьях упоминается альманах «Сугробы», всегда без указания года издания. Это фикция, альманаха такого не было, а была удачная попытка сбыть не разошедшийся тираж «Первого литературного сборника сибиряков» под новым названием. Напечатали новую обложку, указав столичное издательство, и это сыграло решающую роль: альманах быстро разошёлся. Здесь надо напомнить о судьбе «Восточного обозрения»: когда редакция переехала из Петербурга в Иркутск, тираж газеты резко упал. И напротив, достаточно было поставить местом издания столицу, чтобы сибиряки заинтересовались изданием. Этот опыт показал, как низок уровень местного самосознания: читатели-сибиряки не верили, что в Сибири может появиться что-то значительное. Поэтому же «Второй литературный сборник сибиряков» был напечатан в Петербурге. А третий общесибирский сборник, подготовленный в Томске, издан в Москве, и назывался он «Северные зори». Подготовленный в 1912 году к изданию «Сибирский сборник» так и не вышел.

В 1913 году Г.Н. Потанин опубликовал в трёх номерах «Сибирской жизни» большую обзорную статью «Культурная жизнь в Томске в 1912 году». Он подвёл итоги предыдущих лет: «сибирская печать

оживилась с появлением новых беллетристов. Молодой беллетрист Шишков напечатал несколько бытовых картинок в сибирских газетах и один рассказ в столичном журнале, а лучшие и более крупные, ещё не напечатанные, читал в собраниях кружка. Ещё более молодой беллетрист Гребенщиков издал сборник своих рассказов в Петербурге под названием “В просторах Сибири”». Наставник отмечал здесь первые шаги своих воспитанников, хотя и умолчал о своей роли в создании успешной группы «Молодая Сибирь». Общий тон статьи говорит о том, что автор её удовлетворён переменами в литературной жизни, на что он положил много сил.

Альманах «Молодая Сибирь» выходил недолго, и на смену ему появились новые литературно-художественные издания: «Сибирская новь» и «Сибирский студент». Оба ориентировались на молодого образованного читателя, в Томске уже было два высших учебных заведения. Правда, и эти издания просуществовали недолго из-за трудностей военного времени. «Сибирскую новь» редактировал Г. Д. Гребенщиков, у которого была репутация неблагонадёжного: ещё в Омске он подвергся тюремному заключению за редактирование газеты «вредного направления».

Фёдор Лыткин (1897 – 1919) – один из первых томских большевиков, поэт, погибший на гражданской войне. Восемнадцатилетним он издал сборник стихотворений «Песни юности», а через три года был застрелен. Ф. Лыткин учился на юридическом факультете ТГУ, в Томске встретил революцию и начало гражданской войны. При установлении власти большевиков он был комиссара по делам печати. После свержения большевиков в западной Сибири Ф. Лыткин, ставший зампредом красной Центросибири, вместе с отрядом, отступал на восток. Весь отряд погиб.

Стихотворения Лыткина, собранные по газетам, в советское время подавались как образец революционной романтики. Они в самом деле романтичные, но ещё не зрелы, автору далеко до мастерства.

Я иду на последние битвы,
В беззаветный и радостный бой!
Надо мной не творите молитвы,
Не грустите, друзья, надо мной.
Я иду во широкое поле
Под улары скрещённых мечей,
Над моей безрассудною долей
Пусть вздыхает лишь ветер степей.

Возможно, начинающий литератор достиг бы значительного художественного уровня, но жестокое время распорядилось по-своему.

Порфирий Казанский (1885 – 1937). Поэт, публицист, драматург, общественный деятель. Родился в Богородской волости Томского уезда. В 1903-м окончил мужскую гимназию в Томске и поступил в Томский технологический институт. Но был исключен за участие в студенческой демонстрации и разбрасывание листовок. Выступал в рабочих кружках, стал членом РСДРП (меньшевик). Публиковался в томских сатирических журналах «Бич», «Ёрш», «Рабочий-юморист». Фельетоны и очерки печатал под странным псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий». Сотрудничал в «Сибирские отголосках», в журналах «Молодая Сибирь», «Сибирская новь» и «Сибирский студент». Во «Втором литературном сборнике сибиряков» (1908) опубликовал публицистические стихотворения. Окончил юридический факультет Томского университета (1911-й год).

В 1912-м переехал в Барнаул, вошёл в редколлегию газеты «Жизнь Алтая». Редактор Г.Д. Гребенщиков посвятил ему, другу и соредактору, стихотворение о Сибири.

Где солнце лишь одно идёт своим дозором;
Бескрайностью пустынь, окутанных тайгой,
Хребтами, гордыми серебряным убором,
И степью пыльною, и тундрой моховой.
Всю ширь безбрежную, от края и до края,
От вечных моря льдов до вечных льдов Алтая,
Суровую страну, забытую судьбой,
Всю мыслью быстрою, покорной облетая,
Как очарованный, я вижу пред собой.

Вёл просветительскую работу, преподавал историю и географию в воскресных школах для взрослых. Редактировал журнал «Алтайский крестьянин». Восторженными статьями встретил Февральскую революцию. Октябрьский переворот осудил как узурпацию власти, опубликовал протест против разгона Учредительного собрания. Выразил радость по поводу падения власти большевиков в Сибири, но и диктатуру Колчака не принял. В феврале 1918-го вошёл в редакцию меньшевистской газеты «Алтайский луч». Это стоило ему жизни. В вину ему поставили и патриотические мотивы в стихотворениях о Сибири: увидели отзвуки областничества. Он – крупнейший из поэтов, причастных к школе Потанина.

И тем, кто в кандалах твердил тебе проклятья,

Открыла молча ты широкие объятья, -
И проклинавшие тобой покорены:
Они не узники, они друзья и братья,
Поруганной земли суровые сыны.
Кто, помня край родной, твердил тебе укоры
И мачехой считал, и тех ты приняла,
И им и глушь тайги, и дремлющие горы,
И ширь своих степей бескрайных отдала.

П. Казанский был членом правления Алтайского отдела Русского географического общества, напечатал «Конспективный курс географии для взрослых учащихся». Вошёл в редколлегию литературно-художественного журнала «Сибирский рассвет». В годы революции и гражданской войны издал сборники стихотворений: «Песни борьбы и надежды» (1917) и «Родному краю» (1918). Один из авторов-составителей «Сибирской советской энциклопедии», делегат первого общесибирского съезда писателей. В 1923 арестован как меньшевик, после освобождения преподавал географию, публиковал краеведческие заметки. В 1937-м уволен из школы за «аполитичные уроки географии», вскоре арестован и приговорён к расстрелу. Реабилитирован в 1960-м.

В числе первых преемников Потанина в литературе Александр Новосёлов (1884 -1918) – литератор, не успевший достичь писательской зрелости. Он был убит в Омске в разгар гражданской войны. Особый интерес проявил он к быту старообрядцев, совершил несколько путешествий по местам расселения староверов на Алтае и за статьи на эту тему («У старообрядцев Алтая», «Умирающая старина», «Алтайские этюды») принят был в Русское географическое общество. Из разрозненных очерков составилась книга «Лицо моей родины», изданная посмертно. Особенно оттенил прозаик стойкость староверов, замкнутость и обречённость их мира.

Мир кержаков, искателей идеальной чистой земли, для автора – напоминание о причинах движения русских в Сибирь. Г. Н. Потанин советовал писателям-сибирякам опираться на этнографию, и в этом видна народническая установка. Этнограф – наблюдатель со стороны, а писатель смотрит глазами земляков, он – голос края. В повести «Беловодье» (1917) Новосёлов использовал внешнюю и внутреннюю точку зрения: самосознание староверов и расставание с ним. По словам Н. Ядринцева, именно «миф о Беловодье, распространённый в южной Сибири, двинул русскую колонизацию к китайским грани-

цам». Сказания о праведной земле сохранились в среде староверов до XX века. В своей повести Новосёлов, как позднее Гребенщиков, заострил внимание на моменте утраты веры. Проверки идеалом участники похода не выдерживают. Писатель соединил светлую утопическую легенду с мотивом сельской вражды, обнажил социальные пороки. Кержак-старовер остался для Новоселова, областника второго поколения, показателем нравственной нормы, а тема мести и побега связана с образом «бергала» – горнорабочего. Движение к райски безгрешному Беловодью сопровождается чередой убийств. Характеры и мотивация похода у героев повести различны: одни (Панфил) ищут святую землю, другие (Хрисанф) – вольное житьё без власти. Как выглядит Беловодье, рассказал ещё юному Панфилу его отец Панкрат, клятвой обязавший сына продолжать поиски: «Вдоволь там воды, вдоволь чёрной земли, и леса, и зверя, и птицы, и злаков всяческих, и овощу… Трудись только во славу Божию, как прародитель наш Адам трудился»; «Всё по старой вере. Народ русский зашёл, стало быть, с царя Константина». А у Хрисанфа рассказ о чистой земле вызывает усмешку: «Там покорство первее всего... мне к монастырю не по дороге». Житейские конфликты – причина недостижимости блаженного Беловодья. Хрисанф и Сенечка Бергал, убившие калмыков, стали виновниками разгрома «беловодцев» кочевниками. Обманутый на делёжке грабежа бродяга Сенечка навёл на «беловодцев» мстительных калмыков. И вместо идиллии повесть завершается катастрофической развязкой. Люди несут в себе тёмные страсти и не готовы стать жителями свободной и безгрешной страны. Назад возвращаются те, кто захотел просто выжить. Тут можно видеть диагноз болезненного состояния русского общества на тот момент и прогноз, ожидание катастрофы. Повесть была закончена в 1917-м году.

Конфликт идеала и реальности символизирует смена лесистых гор Алтая полупустнынной степью. И, кроме того, движение к безгрешной земле сопровождается чередой преступлений. Христанф убил первого киргиза, затем к отряду присоединяется Акулина, только что убившая Гераську, в момент стычки в степи гибнут ещё калмыки, бергала задушил Хрисанф, а в последней стычке степняки убили несколько «беловодцев». В сущности, искатели чистой земли сами себя ликвидируют. Сверхвысокой задаче преображения их духовный уровень не соответствует. Вначале все они, крестьяне-старожилы, одержимы одним порывом, однако ситуация выбора развела

их, сделала врагами. Революционная ситуация подтвердила эти опасения Новосёлова. В разлив гражданской войны он, член партии социалистов-революционеров, занял пост министра внутренних дел в Омской директории, а в момент колчаковского переворота был убит. Очерковая книга «Лицо моей родины», опубликованная в 80-е годы, содержит много перспективных тем и вопросов, не решенных и поныне.

На первый взгляд кажется странным, что для изображения гражданской войны три ученика Потанина – Новосёлов, Гребенщиков и Шишков – обратились к такому материалу, как староверы с их устойчивым бытом. Однако старообрядцы тоже были втянуты в кровавую смуту. Как и Гребенщиков, Новосёлов предвидел тяжкие эксцессы в момент слома инерции жизни.

Самый видный прозаик предреволюционного десятилетия Георгий Гребенщиков жил в Томске в 1909-1912 годах, был членом редколлегии «Молодой Сибири» и секретарём журнала «Сибирский студент». Георгий Дмитриевич Гребенщиков признан на Западе крупнейшим сибирским прозаиком первой половины XX века, а вот известность его на родине всё ещё мала. Эмигрантская критика оценила его роман «Чураевы» как первую сибирскую региональную эпопею. Предреволюционные книги «Змей Горыныч», «Степь да небо», двухтомный сборник рассказов и повестей «В просторах Сибири» высоко оценили А. Куприн, М. Горький, Ф. Шаляпин. О В. Шишкове написано несколько книг (одна из них – в серии «Жизнь замечательных людей», есть даже книга о нём Н. Черкасова-Георгиевского («На стрежне Угрюм-реки»), а вот драматичная жизнь Гребенщикова, как и наследие его, остаются малоизвестными даже на родине.

Вячеслав Шишков, прозаик реалистического направления, так же дебютировал в группе «Молодая Сибирь». Первая книга «Сибирский сказ», вышедшая в 1916 году, говорит о влиянии манеры А. Ремизова, что прозаик позднее и сам признал. В кружке Г.Н. Потанина он прочитал свои «Чуйские были», рассказы о Севере и первый вариант повести «Тайга». В Томске написаны рассказы и очерки о жизни аборигенов «На Лене», «С берегов Нижней Тунгуски», «На Севере», «Помолились», «Страшный кам», «Суд скорый». Всё, написанное Шишковым в Томске, было черновиками народного романа «Угрюм - река».

С областниками соприкоснулся и Владимир Обручев, создавший первую книгу о Потанине. Он имел большой экспедиционный опыт, и его проза влилась в традицию рассказов о хождении в далёкие зем-

ли. Как видим, областничество, к которому причастны крупнейшие писатели начала века, оставило глубокий след в литературе. Советские публицисты клеймили его как «реакционную идеологию», а в чём реакционность – не объясняли. Но это движение, бесспорно демократическое, боролось против «имперской унификации» областей.

В годы революции и Гражданской войны Томск, как и другие города Сибири, творческой активностью не отличился. В мае 1919 здесь был выпущен небольшой альманах «Елань», содержавший, в основном, любовную лирику В. Красногорского, А. Гессе, Е. Бахмутова, Г. Маслова. Мнение советских литературоведов, будто этот сборник был вызовом колчаковщине, сильно преувеличено. Скорее уж это был эпатаж мещан в футуристическом духе: «Слышите, обыватели! Откройте ваши оплывшие глаза – среди вас душно, душно. И мы, дрожа от ярости, распахиваем фортку…Мы поём, куём, бьём – бом, бом, бом! – по медным лбам – бам! бам!». Но больше всего сборник заполнился пряной эротикой в духе выпадов Бальмонта: «Я вновь хочу твоё ласкать Мятущееся тело. Внезапно взять и сжать, лобзать, Терзать безумно, смело». После, в 1921 – 1923 годах, появилось лишь несколько литературных сборников: «Переклик» А. Богуславского, «Беседка» В. Лирика, дальше издание книг томских литераторов прекратилось на долгие годы. В 20-е годы тут и там в городах Сибири возникали альманахи, правда, с короткой жизнью, в Томске же их не видно.

С некоторым опозданием по сравнению с Новониколаевском и Омском зазвучали в Томске голоса пролеткультовцев, и литература приобрела советский облик. Возникший в 1923 году при Доме просвещения литературный кружок был вскоре преобразован в Томское отделение Сибирской ассоциации пролетарских писателей, в котором верховодили А. Козлов и Л. Черноморцев. Томская группа вошла в состав СибАПП. В Сибирский союз писателей томское отделение включилось с задержкой на 4 года, поскольку имело репутацию областнической организации. Г. Соколовский, Ю. Богоявленский в 1926 участвовали в работе 1-го съезда советских писателей Сибири. В конце 20-х годов в Томске заявили о себе молодые поэты Е. Березницкий, Е. Мелихов, Д. Лившиц, В. Чугунов, прозаики Г. Соколовский и А. Богуславский.

Александр Петрович Казанцев, писатель-фантаст, знакомый миллионам читателей, начинал свой творческий путь студентом Том-

ского технологического института. В 1920 - начале 30-х в Томске работал (до ареста в 1933-м) Ф.И. Тихменёв, автор рассказов, повестей, пьес для детей, организовавший литературное объединение и несколько лет руководивший им. Отбыв большой лагерный срок, он написал замечательные мемуары «Вторая колея» (посмертно изданы в Томске в 2003 году).

Сама мысль о культурной самостоятельности региона для большевиков противоречила идее мировой революции. В 30 – 40-е годы «рецидивы областничества» искоренялись беспощадно. Литературная жизнь Томска пореволюционной поры отличалась пестротой групп и направлений. Как писал Ф.И. Тихменёв, здесь можно было встретить «удивительную поэтическую продукцию»: «Сибирские литературные группировки, к их чести, не впадали в заумь. Недаром сибиряки всегда считались строгими реалистами. Тем не менее, у нас существовали литературные течения, группировки со своими “платформами”. До тридцатого года действовала СибАПП (Сибирская ассоциация пролетарских писателей). В Томске было отделение СибАПП. Сибирский Союз писателей, Пролеткульт, левацкая группа, издававшая в Новосибирске журнал “Настоящее”, каждая из этих групп по своему общественно-политическому облику не была однородной…А печататься было негде…Произведения, в которых были замечены “искры дарования”, я направлял в журнал “Сибирские огни”. Раньше всех в этом журнале начал печататься Лев Черноморцев. Затем – Евгений Березницкий, который в годы войны погиб на фронте. Позднее – Игнатий Рождественский, поэт, публицист, литературная известность которого перешагнула пределы Сибири… В памяти сохранились имена людей, чьё творчество начиналось в Томске. Это поэтесса Елизавета Стюарт, известная советская писательница, Давид Лифшиц, поэт, проявивший себя и как драматург, его пьеса “Университетская роща” с успехом шла на сцене драматического театра».

20-е годы – время трагического напряжения и надлома культуры. В предреволюционное время литературная жизнь Томска была разносторонней и многоуровневой. Была и критика, и своеобразная публицистика, Томск преодолел статус провинции и на какое-то время, действительно, стал литературной столицей Зауралья. Большевистский переворот не только оборвал органическое развитие, но и отбросил культуру назад. Первым делом большевики нанесли удар по областничеству, а это было единственное проявление регионального самосознания. На взгляд областников-эмигрантов, больше-

вистская революция в Сибири оголила пространство, смела тонкий культурный слой, с таким трудом нажитый за 300 лет русской колонизации Северной Азии.

В 20-е годы Томск перестал быть губернским центром, и ему угрожала участь заштатного городка. Он стоял в стороне от транссибирской железной дороги, население его не увеличивалось. Город был опущен в своём статусе на порядок вниз – до районного центра. А в районном центре литература, как известно, уездная. Томск вновь стал глухой провинцией, почти как во времена Батенькова. Но город уже выделялся среди других: в нём было четыре вуза. Тысячи студентов съезжались в него из разных концов страны, называвшейся уже не Россией, а Советским Союзом. Побывавший в Томске в 1932 г. И. Эренбург изобразил город в повести «День второй».

В 1934 – 1937 гг. в Томске жил «административно ссыльный» Николай Клюев. В письме он сообщил, что написал здесь тетрадь стихов и несколько поэм. В 1936 году его арестовали как… троцкиста, отнятые тетради так и не вернули. По-видимому, в 1937 году тетради были уничтожены как «ненужные». В 1935 - 1936 в томской ссылке находился известный драматург Николай Эрдман, некоторое время он заведовал литературной частью Томского городского театра. Его судьба оказалась неизмеримо легче клюевской.

В Томске начинал свой литературный путь «ловец легенд и сказаний» Александр Мисюрев (1909 - 1973). Родился он в Казани, родителей потерял в буче гражданской войны и в Томск прибыл беспризорником. Здесь в детдоме прошло его отрочество, здесь обучился грамоте и стал фольклористом-самоучкой. С 17 лет стал печататься в газетах, а в 19 он сотрудник «Сибирских огней». Свою первую публикацию, в газете «Красное знамя», он подписал: «Воспитанник детдома А. Мисюрев». Прославился после выхода сказовых книг «Бергалы» (1937) и «Легенды и были» (1938). И в послевоенные годы собирал он по Западной Сибири ямщицкие легенды и горнозаводские предания. Из них составился цикл «Из преданий Московского тракта».

Первая книга сделала имя Мисюрева известным, а вторая удостоверила, что в Сибири появился серьёзный собиратель. «Легенды и были» многократно переиздавались. В сказах и песнях открылась не известная учёному миру правда исторических легенд и удалых песен: «Идёт бергал из штоленки», «Распроклята доля злая». Легендарное и исторически достоверное переплелось в них нераздельно. Особенно интересны собственно фольклорные образы – Лесовик, Горный батюшка, Мать-земля.

Предвоенная Сибирь не так уж богата именами фольклористов и яркими изданиями бывальщин. Фольклор в Сибири искали только казачий и «разбойничий». Надо было опровергнуть предубеждение, будто рассказы «горщиков», старателей, лишены художественного значения. По-иному увидел их Мисюрев: «Эти предания и легенды – своеобразная устная беллетристика, нередко остросюжетная и всегда полная искреннего глубокого драматизма». Начинающий писатель испробовал несколько профессий, жил в Кабинетских землях на месте первых алтайских рудников и заводов. Здесь он записал легенды о Горном батюшке и беглеце Сороке.

Впервые столкнувшись со сказителями в Колывани и Сузуне, собиратель уже не терял их из виду. Он записывал сказы в Салаире, Гурьевске, это места первых серебряных рудников. Тут народ рассказывал о первых демидовских заводах, ставших потом собственностью царской семьи. Называлась эта собственность кабинетскими землями и Салаирской горной конторой. Здесь в рудниках и шахтах работали горные рекруты - крестьяне, приписанные к заводам и рудникам. Официально они числились вольными, но жизнь их была настоящей каторгой. Потомки бергалов, бежавших «за Камень», в горы Алтая, хранили воспоминания о прогонке сквозь строй с тысячью розог. Особенно выделяются в сказаниях горщиков бунтари и беглецы: Сорока, Селезень, Криволуцкий, Белоусов и Ушаков. Есть и былинно-легендарные сказания. Сказ «Про Колыванского змея и братьев Белоусовых» – трагедии братьев, обречённых на тяжкий исход при невероятной силе и храбрости. Молодецкая удаль, похвальба, заступничество за самых бедных – таковы черты бунтарей.

Книга «Предания и сказы Западной Сибири» (1954) впервые представила легенды и были ямщиков Сибирского тракта. Записаны они были на территории бывшей Томской губернии. Много бед и приключений было на этой дороге, самой длинной на всей Земле. Шли по ней казачьи ватаги, звенели арестантские кандалы, скри-

пели сани с мягкой рухлядью – пушниной, крались ночами беглые каторжники. «Сказ о беглеце Сороке» – обработка народного предания о реальном человеке. Сказы горщиков составили целую книгу «Легенды Горной Колывани». В известной мере Мисюрев шёл по следам П. Бажова. Исследователем он себя не называл, долгие годы записывал народные сказания на ямских станах для себя, из любви к цветному народному слову. «Были три казака, беглые с Дону, три Ворона. Один поселился на Иркутском тракте – там деревня Воронина, от Томска восемнадцать вёрст, другой на Яе поселился, там тоже деревня Воронина. А третий поселился где теперь Асиновский район, там деревня Воронина пашня» («Как Ворон погиб»).

Собственные повести Мисюрева о ближайшей истории («Дедова сабля», «Четвёртый горновой») и на типично советские «производственные» темы менее удачны. Лучшие его произведения варьируют стиль народного сказа. Сергей Залыгин, автор вступительной статьи к сборнику «Легенды Горной Колывани», указал на главную установку собирателя-сказателя: слово народной легенды ведёт перекличку с литературным словом и обогащает его. Писатель-фольклорист дал вторую жизнь простым сказаниям рабочих, дал материал для последующих литературных обработок. И сделано это было вовремя: народные сказы – жанр исчезающий.

В книге «След беглеца Сороки» действуют бунтари и беглецы, дышит традиция удалых (разбойничьих) песен. 30 – 40-е годы – время повышенного интереса читателей к сказу, подлинному народному слову. На Урале прогремело имя П. Бажова, на Севере – Б. Шергина и С. Писахова. Рассказы Мисюрева – последний всплеск стилизации, некогда столь характерной для русской прозы.

Советская послевоенная литература, на взгляд западных знатоков, стала провинциальной, а в региональной литературе этот порок нередко становился кричащим. В 40 – 50-е годы утвердилась концепция «идейного кровоснабжения» (В. Кожевников) провинций центром, «централизм» означал калькирование «большой» (столичной) литературы везде и всюду. Критики говорили только об отдельных писателях, уроженцах Сибири, вопрос о региональном литературном процессе не затрагивался принципиально. Литература Сибири понималась как тема периферии, воплощённая писателями второго и третьего ряда. При таком подходе формирование художественной школы исключается. Преобладание бытописательской и «производственной» прозы, обрекавшей на провинциализм, – так

можно охарактеризовать состояние сибирской литературы послевоенной поры. Общелитературный и региональный процесс в 70 – 80-е годы в главном совершенно одинаковы, особую сибирскую картину мира усмотреть довольно трудно.

Сталинская эпоха в литературе – это засилье «производственной» темы и героики «покорения природы». Партийно-догматическое управление искусством, доктрина бесконфликтности и «идеального» героя советской литературы – всё это сказалось и в послевоенной Сибири. Теперь мы быстро узнаём черты ложно-исторического сознания: прошлое, изображаемое сплошь негативно, героизация братоубийства гражданской войны и утопическое представление о бесконфликтном будущем края. Если у писателя нет самодовольства настоящим, – «не наш человек». Однако и в это время появлялись областные эпопеи, в которых, наряду с воспеванием классовой борьбы, возрождались семейные предания, ностальгия по прошлому края. Отмечается частичное возрождение прежнего понимания сибирской литературы как голоса малой родины. Поэтический «бум» 60-х годов, аналитические очерки о Сибири, почвеннические тенденции в прозе о деревне – всё это, правда, не сразу, постепенно, проявилось и в Томске. Художественно взыскательная литература преодолевала инерцию самозахваливания, «лакировки».

Георгий Марков, родившийся и выросший в семье охотника в селе Ново-Кусково Томской губернии, в 60-е годы способствовал открытию в Томске отделения Союза советских писателей. Основной жанр его прозы – семейный роман, расширяющийся до хроники областной жизни. Положительное начало в прозе лауреата – поэзия тайги, точное изображение охотников и крестьян-хлеборобов. Как и все именитые прозаики соцреализма, изображая «родословную революции», Марков героизировал гражданскую войну и коллективизацию. Схематизм в изображении революционной Сибири особенно бросается в глаза в романе «Сибирь» (1971). Братья его, Фёдор и Иван Марковы, написали роман «В сибирской дальней стороне» с типичным обличением «проклятого прошлого» и героизацией революции.

В послевоенные годы были несмелые попытки воссоздания самобытной культурной жизни. Заметно оживились областные литературные объединения, видны усилия сибирских газет и альманахов избавиться от прежней серости и стилевой одноцветности. В Томске возобновились собрания участников литературного объединения

уже в обновленном составе: ведь с войны вернулись далеко не все. По мнению Т. А. Калёновой, «это было иное – в качественном отношении – содружество литераторов, более многочисленное; в него входили люди, уже выпустившие одну-две самостоятельные книги, люди, прошедшие суровые испытания военных лет… в области подросли и начали накапливаться серьёзные литературные силы». Были проведены два совещания молодых писателей, им предоставили свои полосы газеты «Красное Знамя» и «Молодой ленинец». Главное же – после долгого перерыва стал выходить областной литературный сборник, и назывался он незатейливо – «Томск».

Т. А. Калёнова свидетельствует: «С 1958 по 1964 год существовало в нашем городе Томское книжное издательство, которое сплотило вокруг себя большой и жизнедеятельный авторский коллектив. Большую роль в объединении молодых литературных сил сыграл А.Р. Пугачёв, человек, горячо любивший литературу, книгоиздательское дело. Долгое время он работал редактором Томского книжного издательства, позднее – директором областного краеведческого музея. Сам – автор нескольких книг, он доброжелательно и строго «опекал» начинающих авторов, помогая «великому чуду – рождению книги»».

Итак, 60-е годы – начало реанимации литературной жизни в Томске. Предыдущий период, 30 – 50-е, можно оценить лишь как патологическое состояние здешней литературы. Критика в нормальной ситуации стимулирует, пусть даже провоцирует, оригинальное творчество, здесь же она гасила новые формы, уничтожая в зародыше новые направления. Результат – стилевое однообразие и «бесконфликтность». Писатель мог проявить свой талант в очень узкой полосе тем. Широко известная в 50 – 70-е годы Галина Николаева (Волянская) – уроженка Томской области. Роман «Битва в пути» – одна из официально признанных вершин советской «производственной» прозы, интересен он прорисовкой социально-психологических типов, конфликтами, охватившими не только внешние, производственные, отношения, но и семейную жизнь героев. За роман «Битва в пути» Г. Николаева награждена Государственной премией, роман изучали в школе как одно из лучших произведений советской литературы.

С начала 60-х обсуждался вопрос о писательской организации в Томске. Её учредительное собрание состоялось в сентябре 1963 года. В эти годы активно проявили себя томские писатели В.Ф. Иванов,

Э.В. Бурмакин, В.И. Казанцев, Н.Ф. Бабушкин, Л.А. Гартунг, Е.В. Осокин, И.З. Елегечев, М.Л. Халфина, Л.П. Асеева...Томское отделение Союза писателей создано в сентябре 1963 года при поддержке Георгия Маркова, руководившего в то время Союзом писателей СССР. Первыми членами организации были Николай Бабушкин (ответственный секретарь), Вадим Иванов, Василий Казанцев, Евгений Осокин. Один из членов томской писательской организации Леонид Гартунг – человек трудной судьбы: он был сослан в Сибирь, как все поволжские немцы, долго преподавал в сельской школе. Этой теме и посвящены его книги, из которых самые интересные – «Порог», «Завтра ты войдешь в класс», «Нельзя забывать». Леонид Генрихович писал воспоминания о годах репрессий, к сожалению, они остались незавершёнными, опубликованы лишь частично.

В Томске жил Иван Басаргин, оставивший память в сибирской литературе. Умер он рано, но доныне популярны его охотничьи рассказы. Повесть «Чёрный дьявол» издавалась не только в нашей стране, но и за рубежом. Римма Кошурникова создала в Томске известные всей России рассказы и повести для детей (переехала в Москву, но навещала Томск ежегодно). В Томске создал первые рассказы и начал роман «Из племени кедра» Александр Шелудяков. Уроженец севера Томской области, А. Шелудяков прославился своим романом о нефтяном Васюганье. Он вырос в этом краю и хорошо знал его. Роман «Из племени Кедра» напечатан в журнале «Молодая гвардия», а отдельной книгой в издательстве «Современник», в 1973 году, и переведён на несколько языков. В 60 – 70-е годы известны были лирические повести Ивана Елегечева. Он написал здесь сборник рассказов «Див-корень». Здесь начинали свой путь Любовь Асеева, Николай Волокитин, Сергей Алексеев (сейчас живёт в Вологде). В 60-е годы здесь прозвучало имя поэта и драматурга Станислава Федотова.

В Томске сделал свой первый шаг в литературу Виль Липатов. Вырос он в селе Тогур близ Колпашева. После окончания Томского пединститута работал корреспондентом газеты «Красное Знамя», и это помогло узнать повседневную жизнь сплавщиков, рыбаков, лесорубов и крестьян-колхозников. Он познакомился с разными городами Сибири. Тема Приобья, томского севера – ведущая в его ранних рассказах, интересны они вниманием к конфликтам, порожденным современностью, советским строем. Липатов – мастер малой прозаической формы, несколько его повестей экранизованы: «И это всё о нём», «Сказание о директоре Прончатове», а самым удачным ока-

зался фильм «Деревенский детектив», где главную роль исполнил М. Жаров.

Леонид Генрихович Гартунг (1919 - 1994) – писатель и профессиональный педагог. Родился в семье военных медиков, рано лишился отца, хирурга. По окончании исторического факультета Саратовского университета преподавал в сельской школе, где и начал писать. Когда началась война, немцы Поволжья были переселены в Сибирь, и Леонид с матерью оказался в Томске.

«Томск военного времени... Город без огней. Голодная слабость в ногах. Работа в цехе по двенадцать часов в смену... Когда я ужинал, мать светила мне зажжённой лучиной. Тогда же я открыл, что зелёный пластырь, продающийся в аптеках, способен гореть ровным и ярким пламенем. Появился светильник. При его свете я сначала читал, а затем неожиданно для себя начал писать сказки». Устроился в столярный цех, потом подал заявление в роно, и ему, историку, разрешили вести математику, химию и черчение. Его писательская судьба определилась вместе с учительской в селе Калтай. Здесь он работал в школе 25 лет и написал свои первые книги: «Трудная весна» (1961), «Зори не гаснут» (1962), «Окно в сад» (1963). С ними и принят в Союз писателей в 1963-м году. Леонид Гартунг участвовал в создании Томской областной писательской организации. В Калтае создал, вместе с женой, школьный краеведческий музей, который прославился на всю область. Сергей Заплавный заметил по этому поводу: «Уголок этот – не просто детище Гартунгов, но своеобразная школа в школе, их второй дом. Без этого дома, пожалуй, трудно понять и представить творчество писателя. Писателя, посвятившего себя не только литературе, но и селу, детям».

В 1961-м году Гартунг был награждён значком «Отличник народного просвещения». Преданность школе писатель сохранил до конца своей жизни и сам сказал о невозможности разделить две профессии: «Я всё чаще ощущаю, как трудно делить себя между учительской работой и писательским трудом. Оставить школу и стать профессиональным писателем? Но моя учительская работа для меня не только заработок. Я люблю войти в класс к детям, я счастлив, если удаётся дать хороший урок». Одну свою книгу он так и назвал: «Зав-

тра ты войдёшь в класс: записки сельского учителя». На школьном материале созданы в 70-е годы книги «Порог», «На исходе зимы», в сущности автобиографические. Сам писатель особо выделял повесть «Алёша, Алексей…» (1979-й год). Среди последних его произведений – «Патриоты без родины», повесть автобиографическая. Она давалась особенно трудно. А о своём творчестве он сказал: «Пишу трудно и медленно. Ни сюжет, ни характеры не являются сразу. Написанное всегда хочется править».

Понятно, в русской школе он был Леонид Андреевич. Драматичная судьба его и творческое наследие – часть истории Сибири.

Виль Липатов прославился как мастер «производственной» прозы. Он избежал героизации раскулачивания, не пытался изображать войну. Но советский писатель не мог уклониться хотя бы от одной из обязательных тем, и Липатов посвятил свои главные произведения производственной теме. Включив в неё побочные картины – заскорузлый быт, пьянство и расхристанность поведения, он добился оригинальности.

Михаил Карбышев (1922 – 2007) – поэт-бард и прозаик. Родился в деревне под Томском, познал тяготы сельской жизни в советские годы. Участник Великой Отечественной войны, был тяжело ранен и около года провёл в госпиталях. Учился в Палехском училище живописи. После войны окончил музыкальную студию в Новосибирске, работал дирижёром, руководил клубом народной самодеятельности. Здесь, в Северске, и создал первые свои песни. Сознательно стихи писать начал после пятидесяти лет. Первую книгу напечатал, когда перевалил шестьдесят лет (Новосибирск, 1984).

Издал сборники стихов «Характеры» (1984), «Раздумья о земле» (М., 1986), «Деревянный ковшик» (1987), «Стихи и поэмы» (1996), «Михайлов день» (1996), «Свет мой, женщина» (1997), «Живи, любовь прекрасная, живи» (2002), «Кухтеринские вертепы» (1994). В 2004 издана прозаический сборник «Десятовские были».

Посмертно издан сборник «Годы и стихи» (2009).

Михаил Михайлович Карбышев посвятил песню-гимн Томску:

Мой хороший,
Мой красивый,
Стародавний, красочный,
Ты один такой в России,
Будто терем сказочный.

Весь в резьбе, как в паутинке,
Птиц на ставни выпустил.
На певучей берестинке
Тебя мастер высвистел.
Из травинок,
Из росинок
На досуге сотворил –
И в счастливый час России
Это чудо подарил.

Благословил его на литературный путь известный поэт-песенник Виктор Боков. Карбышев пробовал силы в стилизации – в духе народных песенных сказаний и наигрышей.

О-ой, беда!
О-ой, горюшко!
Петухи орут во всё горлышко,
И коровы мычат не доёные.
Не до них теперь,
Коль беда во дверь,
И в окно она,
И в трубу она:
Во все щели прёт
Страшная война...

С точки зрения стиля наибольшего внимания заслуживает поэма «Кухтеринские вертепы». Материал – томские предания, интонация близка фольклорной.

Иван Басаргин (1930-1976) вошёл в литературу с таёжной темой, особым, сибирским, мировидением, как изобразитель жизни переселенцев. Отец, охотник-промысловик и крестьянин, был арестован и пропал на долгие годы, а семью, мать с детьми, выслали в западную Сибирь.

Иван Ульянович Басаргин перепробовал много профессий, работал шофером в геологической партии и в школе учителем по труду, литсотрудником в районных газетах. Здесь напечатал свои первые очерки и рассказы. В эти годы, 50-е, написал первую повесть. Она посвящена прадедам, пришедшим из центральной России на восток. Был рекомендован на совещание молодых писателей в Москве. И привёз на него повесть «Чёрный дьявол», которая привлекла внимание профессионалов. В их числе был Николай Задорнов, автор романа «Амур-батюшка». Он помог напечатать повесть об охотничьей

собаке в журнале «Молодая гвардия». Дальше были публикации в журналах «Уральский следопыт», «Дальний Восток». Иван Басаргин был принят на Высшие литературные курсы при литинституте имени Горького.

Книги об охране природы в печать проходили трудно: казались не актуальными. И всё же отдельными книгами были напечатаны повести «Чёрный Дьявол», «Волчья ночь», «Акимыч — таёжный человек». Установка на очеловечивание животных связана с традицией Толстого, Чехова и Куприна. Роман «Дикие пчёлы», включённый в план издательства и уже набранный, был запрещён. Не столько из-за отсутствия мотива покорения природы, сколько за тем подавления старообрядческого протеста. Роман «Дикие пчёлы» вышел только через пятнадцать лет после написания, в 1989 году, в обстановке начавшейся гласности. Но уже после смерти писателя. Роман вошёл в дилогию: вторая часть – роман «В горах Тигровых».

«Ещё в кои веки была учреждена сибирская ссылка затем, чтобы не держать под боком неугодных людей. Пусть обживают сибирскую глухомань, обихаживают студёную землю, строят города и дороги. А непокорных на Руси не счесть. Прошли столетия – они же построили Сибирский тракт. Построили на костях людских, построили со стоном и хрипом. Тракт, тракт – дорога смерти. Не молчит тракт, живёт тракт. Дзинь-трак-трак! Дзинь-трак-трак! – звенят цепи кандальников. Далеко слышен их мелодичный перезвон в морозной тишине. Сжимается сердце от этих звуков, как от печальной песни. Дзинь-трак-трак! Тесен Сибирский тракт. Тесна дорога слёз и горя.

Дзинь-трак-трак! – маячит у обочины четырёхконечный крест. Под ним лежит никонианец. Кособочась, на взгорье приютился восьмиконечный крест: там покоится раскольник. Кресты, кресты, кресты, а сколько спит в сырой земле без крестов! Кто по ним справлял панихиду? Да и нужна ли она? Всё всуе, всё суета сует… Все так или иначе канут в безвестность, породнятся, сольются с землей Сибирской. Тракт. Сколько вёрст он тянется? Пройдёшь – узнаешь. Только ногами можно измерить его истинную длину, ноги за всё в ответе, они же всё и запомнят».

В зрелые годы увлёк Басаргина исторический роман. Интерес к истории Сибирского тракта увлёк его в Томск. Здесь он работал с архивными материалами, особенно по теме старообрядчества. Но атмосфера в Томске оказалась тяжёлой. Об этом рассказал Владимир Колыхалов в книге «Когти дьявола». Он и пригласил писателя-даль-

невосточника в Томск и добился квартиры для него.

Повесть «Тревожные люди», о кержаках и их «мятеже», то есть протесте против политики безбожия, о жестоком подавлении их в 1930 году, не была закончена. Иван Басаргин умер в Томске в сорок шесть лет, здесь и похоронен.

Александр Шелудяков (1928 - 2010) – автор широко издававшихся романов «Из племени Кедра» и «Югана». Произведения Шелудякова переводились на немецкий, чешский, украинский, литовский и другие языки. Родился Александр Григорьевич Шелудяков в селе Никольском Кривошеинского района Томской области в крестьянской семье. Затем семья «по воле партии» оказалась на Васюганье:

«Когда отец наш в Никольском вместе со своим родным братом построил дом на две семьи, то думал, что будем там жить вместе. Но не вышло. Раскулачили отца – отняли лошадь, корову и сослали нас в Васюганские болота, в село Усть-Чижапка». В 1944 году, семнадцатилетним, будущий писатель поступил в школу морской авиации. По окончании авиационно-технического училища семь лет работал авиамехаником. «Война. Голод – хлебные карточки. А на ногах старенькие чирки, на плечах рубашка из мешковины. Из зимней одежды потрёпанная, в заплатах, фуфайка. Всё вокруг по карточкам, талонам… И ни копейки денег…» Затем на грани 50-х и 60-х годов устроился буровым рабочим в поисковую бригаду, закладывал по тайге разведочные скважины. Здесь Александр Шелудяков и встретил героев своих будущих произведений. Васюганскую тайгу знал он с детств, и сюжеты произведений складывались из рассказов буровиков.

Первый свой рассказ («Сын тайги») опубликовал ещё в 1962 году. В1964 году подготовил к печати сборник рассказов «Васюганские были», с этой книгой участвовал в совещании молодых писателей Урала, Алтая и Западной Сибири. В Томск переехал в 1965 году, работал слесарем и механиком в мастерских. Попробовал свои силы в журналистике, благо у него была своя тема, которую знал он доско-

нально. Его первый роман «Из племени кедра» Западно-Сибирское издательство приняло к печати, но пять лет длилась проволочка, целых пять рукопись романа ждала публикации: не было рекомендации столичных писателей. В 1971 году на семинаре молодых литераторов Шелудяков предложил рукопись своего романа на обсуждение. Рукопись романа «Из племени кедра» увезли в Москву, в редакцию журнала «Молодая гвардия». Роман о нефтяниках был напечатан в 1972 году, а в 1973 году издательство «Современник» выпустило его отдельной книгой. А потом, в 1974 году, «Из племени кедра» напечатала «Роман-газета» - миллионным тиражом: «У большинства сибирских народов кедр почитается хозяином тайги, хранителем жизни. В небольшом таежном поселке Улангай живут бок о бок старуха Югана, собравшая в себе мудрость эвенкийского племени Кедра, и сын ее племени Андрей Шаманов, веселые охотники Кучумов и Волнорезов и мрачный, жесткий председатель артели Александр Гулов, нефтеразведчики и прочий разный люд со своими ссорами и обидами, дружбой и любовью. Но когда случается беда – например, лесной пожар, грозящий уничтожить не только буровую, но и весь посёлок, - эти разные люди превращаются в единое племя Кедра, способное одолеть смертельного врага».. Роман переиздавался несколько раз и получил всесоюзное признание. В 1973 году Александр Григорьевич Шелудяков был принят в Союз писателей СССР.

Роман «Из племени Кедра» был издан на языках республик СССР, а затем и за рубежом. Громкий успех романа подстегнул А. Шелудякова к его продолжению. И в 1982 году был опубликован новый роман о Васюганье. Книга «Югана» - продолжение первого романа, принесшего славу Александру Шелудякову: «Без малого семнадцать лет минуло, а старая эвенкийка Югана по-прежнему хранит традиции и память своего племени Кедра, воспитывая возмужавших сыновей Константина Волнорезова. И вновь в крохотный поселок Улангай, что затерялся среди таёжных падей над могучим Вас-Юганом, пришли люди с Большой земли. Однажды охотники спасли из бурной реки человека. Им оказался Григорий Тарханов, следователь районной прокуратуры, расследующий дело о расхитителях древних курганов. И Югана согласилась помочь уважаемому ею человеку».

В 1987 году Александр Шелудяков переехал на Дон, а затем дальше в Белгород-Днестровский Одесской области. Пояснил: «Род Шелудяковых идёт с Дона, мы из ссыльных казаков». Здесь писатель углубился в древнерусскую историю и, отталкиваясь от «Слова о

полку Игореве», написал «Тайну половецкой летописи» (с подзаголовком «Языческая монография»).

«Тайна половецкой летописи» опубликована в журнале «Дон», а журнал «Советское Приднестровье» напечатал заметку об авторе «Слова о полку Игореве», которого установил Александр Шелудяков. Книга издана малым тиражом и на родине автора, в Сибири, не известна.

Эдуард Бурмакин (1928 - 2015) — прозаик, философ, культуролог, руководитель межвузовской кафедры этики и эстетики. Член Союза писателей СССР с 1964 года. Автор более ста научных статей и нескольких монографий: «Будьте философами» (1976), «Мировоззрение и искусство» (1978), «Экология культуры» (2006).

Книги художественной прозы: «Разводья» (1964», «Ничто не проходит» (1965), «Осенний день» (1966), «Светлый лес» (1968), «Отдаление» (1971), «Печальный август» (1973, 2-е изд. 1976), «Трое с одной улицы» (1977), «Три испытания» (1979), «Балкон без перил» (1982), «Сочинение на незнакомые слова» (1988), «Три воспоминания» (1988), «На краю грозы» (1988), «Трагическое падение тополей» (2003), «Дверь» (2006), «Ночь любви» (2006). Книги издавались в Москве, Новосибирске, Кемерове, Томске, его рассказы и повести печатали журналы «Новый мир», «Сибирские огни», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Начало века».

Хотя родился Эдуард Владимирович Бурмакин в Саратове, сам себя он считал сибиряком: «... всю жизнь прожил в Сибири, в Новосибирске и в Томске. У меня лично нет никаких сомнений в моих сибирских корнях. И мир я увидел, и себя самого ощутил впервые именно в Сибири». В 1946-м году он поступил на историко-филологический факультет ТГУ и с той поры жил в Томске. По окончании университета работал учителем, журналистом и преподавателем в вузе. Начинал как поэт, но сам признал, что проза у него получается лучше.

Признался, что привержен традиционализму: «Так литература, какая выходит из-под моего пера, сегодня не в моде. А я не приемлю никакие модернистские и постмодернистские упражнения ради

упражнений; я всё ещё верю, что литература, искусство в целом способны возрождать в человеке человеческое, а не быть, в лучшем случае, только развлечением. Иначе и писать не стоит».

Василий Афонин (1939 - 2021) родился в крестьянской семье в Новосибирской области и в литературу пришёл как «деревенщик». Работал в деревне пастухом, в городе - слесарем, строителем и грузчиком. Отца писателя как подкулачника выслали на север Новосибирской области, в Шегарскую спецкомендатуру. Василий закончил вечернюю школу, а после юридический факультет Одесского университета, а по окончания его преподавал в школе. После публикации первых рассказов закончил высшие литературные курсы при Литературном институте, работал журналистом и библиотекарем.

Журнал «Наш современник» напечатал две повести Афонина, они составили первую книгу — «В том краю». Критики, московские и сибирские, тепло отозвались о ней, писали о добротном языке, цепком взгляде и неподдельном знании деревенской жизни. Писали также, что уровень этой первой книги автора удивительно высок: в ней «крепкий, чистый голос» (В. Лакшин). Правда, потом отмечали, что что мастерство прозаика в последующие годы не выросло. В 1974 Афонин переехал в Томск, а в 1976 стал членом Союза Писателей.

Афонин пришёл в литературу, когда проза о деревне сложилась как самое видное направление и даже пошла на убыль, стала повторяться. Автор же стал доказывать, что он первопроходец, и до него так о деревне никто не писал. Пор мнению критиков, лучше всего Афонину удаётся бытовая повесть-хроника. Таковы «В том краю», «Последняя осень», «Клюква ягода», «Игра в лапту», «Вечера» «Подсолнухи», «Сполохи», «Поленница», «Пока текут реки (Хроника сибирской жизни)», «Прощённое воскресенье».

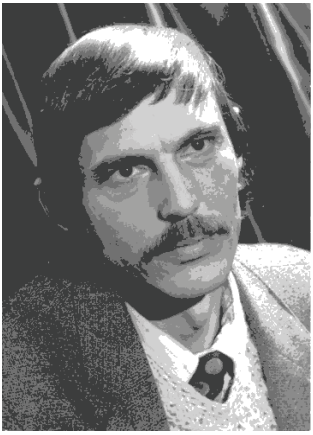
Нелёгкий крестьянский труд и совестливость – основная тема повестей и рассказов Афонина: «Живешь на земле — значит, работай». Сам Афонин считал себя продолжателем аксаковской темы - семейный быт и труд на земле. В рассказе «Чистые плёсы» (1983), автобиографическом по материалу, о герое-писателе сказано: «Начиная писать первую страницу работы своей, Камышов сразу же поставил себе за правило не лгать ни в чём, не отступать от правды жизни ни на малость, следовать ей повседневно, подавая материал простым и ясным языком». Безусловно, оно главный принцип для пишущего о народе. В «лихие девяностые» Афонин напечатал рассказ о своей

жизни («Биография») — о вынужденной лжи и бесконечных унижениях. Этот расчёт с «совдепией» встретил резко отрицательные оценки со стороны коллег-писателей, считавших, что жизнь Афонина была вполне благополучной.

В разные годы томскую писательскую организацию возглавляли И. Елегечев, В. Колыхалов, В. Макшеев, А. Казанцев, Б. Климычев, В. Решетько. Писательская организация была и остаётся региональным отделением Союза писателей России. Руководителем писательской организации в 2006 году и секретарём правления Союза писателей России избран Г. Скарлыгин.

С 1993 года писательская организация выпускала альманах «Сибирские Афины». С 2007 года выходит журнал «Начало века». Впервые в Томске появился толстый литературный журнал. Он стал заметным явлением в литературной жизни не только Томска, но и Сибири в целом. Кроме того, томские писатели издают и свою литературную газету – «Мастерская». Это приложение к областной газете «Красное знамя». Соредакторы журнала и газеты Геннадий Скарлыгин и Владимир Крюков.

Смутное время, конечно, и форм требует новых и даже странных. Михаил Орлов (1949 – 1986), поэт и прозаик, искавший новые, порой авангардные формы, с скончался коропостижно, когда только обозначился его издательский успех. Виктор Колупаев сказал о нём: «Судьба Михаила Орлова трагична. Я был с ним знаком всего полтора года, но впечатление от его личности осталось навсегда. Он был чрезвычайно скромен, пробивать свои литературные труды не умел, да и считал это постыдным. Писал много, торопился, последнее время даже не работал – только писал. Жил бедно. Такой бедности в наше время, кажется, уже и не бывает. Умер он от рака лёгких, хотя лечили его от пневмонии. Но большую роль здесь сыграло и неприятие его творчества, отсутствие публикаций».



Михаил Орлов – поэт и прозаик-экспериментатор. Окончив школу и отслужив в армии, начинающий писатель перепробовал несколько очень разных профессий: механик по самолетам и на рыболовном судне, корректор и журналист.

Пробовал учиться на трёх факультетах Томского пединститута и не окончил ни один. Сказывалось его отвращенье к рутине. Стихи рассказы М. Орлова, странные, непривычные, не принимали редакторы-традиционалисты. Рассказы возвращались из журналов, нередко с издевательскими восклицаниями.

М. Орлов самостоятельно изучал древние и новые языки и был знатоком мифов разных народов. И делал их героев своими собеседниками, как и реальных людей, давно отошедших в вечность: «А напоследок, Иоганн Кеплер, я скажу тебе то, о чём никто, кроме меня, не скажет». Трудность и рискованность этого пути он хорошо понимал: «Одно дело, когда художник стремится из конкретной реальности в идеально-метафизическую, и совсем другое дело – абсолютно! – когда из метафизики, с высот поэзии человек устремляется в реальную жизнь». Для этого перехода он широко использовал мифы, с которыми обращался порой вольно: «Любая художественная вещь – это сотворённый миф. Пусть даже он сделана со всеми сверхоткровениями реализма. Я считаю, что там, где речь идёт о мифологических героях, право автора распоряжаться их судьбами общепризнано, хотя многие против моих рассказов».

Это рассказы-притчи поэтического происхождения, с размытыми жанровыми границами. Об этом говорят сами названия рассказов: «Сократ, стоящий перед смеющимися», «Колумбиада», «Сапог в пурпуре», «Русью пахнет», «Молоко пустыни», Каталог летящих облаков», «Игры зимней реки». И в конце одного из них автор огорошил читателя: «И есть ли во всей этой истории какой-нибудь смысл? Не знаю. Смысл – тёмная штука. Темнее осенней ночи и даже лукавых цыганочьих глаз». Отвергнутые «тёмные» рассказы оценил Вениамин Каверин и написал вступительную статью к сборнику «Травы чужих полей», вышедшему уже после смерти обоих авторов. Очевидно, творческие опыты М. Орлова напомнили престарелому писателю литературные искания его молодости, и он сказал о «широте стилистического диапазона» никому не известного сибиряка. В. Каверин оценил разные стороны дарования молодого томского литератора: «Сперва о стихах: и в удачных, и в неудачных виден талант. В них нет ни стилистического эпигонства, ни эклектической невнятицы... Проза его многогранна, но её объединяет общая черта: это проза поэта. Он пользуется любыми жанрами – рассказом, мемуарной записью, сказкой, мифом, эссе. И в каждом жанре с неумолкающей силой звучит лирическая нота. Можно ли назвать его новатором? Да. В осо-

бенности, если оценить его отношение к мифу».

Стихотворения сам М. Орлов разместил во второй половине сборника «Травы чужих полей». Обычно делают наоборот. Стихи М. Орлова удивляют меньше, по сравнению с рассказами они более традиционны. Хотя, безусловно, и экспериментальны:

Стал я узким глазом красоты,
Ухом смысла, сердцем чистоты.
А частичку тёмную чернил
Пляшущим сознаньем наделил
И теперь над временем смеюсь.
Пусть себе шипит, как серый гусь,
Тянет шею, разевает клюв,
Тень мою за ногу ущипнув.

И поэзия не похожа на стандартные стихи, взламывает устоявшуюся традицию. Нет самодостаточных зарисовок, всюду поэт находит второй план, пристрастен к сложным метафорам: «Звери шептались. Ручьи растекались над лесом. Старец-туман бормотал над упавшей звездою. Жил Иван-чай, и под ясным сосновым навесом Ласточка пела, а время цвело резедою... Странное в мире свершалось. Обряд бестолковый. Жизнь утверждалась. Могучая твердь оживала. Губы скалы шевелись, но вещее слово *Т*олько сухая вода, лишь она услыхала». От Михаила Орлова можно было ждать многого. В. Каверин написал о молодом литераторе-сибиряке, с которым виделся один раз, повесть «Силуэт на стекле». Об этом и о прототипе главного героя, писатель сказал в интервью. Но даже после смерти писателя приходили отрицательные рецензии на его книгу.

С 2004 года в Томске существует второе творческое объединение: молодые писатели создали отделение Союза Российских писателей. Возглавил его прозаик В.М. Костин, затем руководил Владимир Крюков. Их печатный орган, альманах «Каменный мост», встретил доброжелательные отклики центральной и сибирской прессы. Томская писательская организация объединяет две ассоциации — «Отделение союза писателей России» и «Отделение Российских писателей». Молодые писатели несут своё ощущение времени.

К 50-летию союза писателей Томска, изданы две книги: «Пятая стихия бытия» и «Томский литературный некрополь», посвящённые писателям нашей области. Геннадий Скарлыгин заметил по этому поводу: «Каждое из этих изданий имеет свою, особую историческую ценность для нашего региона. Так, в книге “Пятая стихия бы-

тия” рассказывается об истории литературы в Сибири, поделенной на дореволюционный, советский и современный периоды. Особым приложением размещена здесь справочная биографическая информация о тех замечательных и талантливых писателях, которые являются членами нашей организации в настоящее время». Альбом «Литературный некрополь» — «Это был большой, кропотливый труд по сбору информации о могилах томских писателей, в разные годы живших на Томской земле. В процессе этой работы мы объехали захоронения и составили карты, по которым их можно на территории нашего региона найти, а затем и посетить». Сведения о местах захоронения томских писателей, пояснил Г. Скарлыгин, включает в себя также и биографию, а также ссылки на сайты, на которых читатель может найти всю необходимую информацию.

В Томске и в районах области писатели организовали семь литературных студий и молодёжных объединений, главным образом они работают в вузах и при муниципальных библиотеках. Старейшим из них, литобъединением «Молодые голоса» при Политехническом университете, руководит поэт Сергей Яковлев. Литературное объединение «Родник» вёл Борис Климычев, литературное объединение при Зырянской районной библиотеке ведёт прозаик Тимофей Алексеев. Литературные объединения при ТГУ и политехническом известны за пределами Сибири. Установлены тесные связи с Академией поэзии. При Томской писательской организации создан издательский фонд имени Вячеслава Шишкова. В рамках фонда издаются книги томских писателей. Часть тиража направляется бесплатно в муниципальные библиотеки области.

Но потрясенные эпохой кризиса сибиряки пытаются осознать себя другой, немосковской, культурой, не потребляющей, а «кормящей», то есть морально здоровой, сопротивляющейся ограблению и обезличиванию региона. Да, литература Сибири переживает в последнее время кризис. Но тем актуальнее проблема сибирской литературной школы. При всех поворотах истории сибиряки должны остаться сибиряками, самими собой. Разрядится ли кризис новым литературным всплеском? Это зависит и от мирового масштаба (от глобализации), и от региональной самобытности. Выравнивание на единые стандарты опасно для живой культуры, пожалуй, это самая серьёзная опасность наступившего века.

Конечно, настоящее искусство не терпит ранжировки по областям, и судить исторически можно только о сибирском процессе.

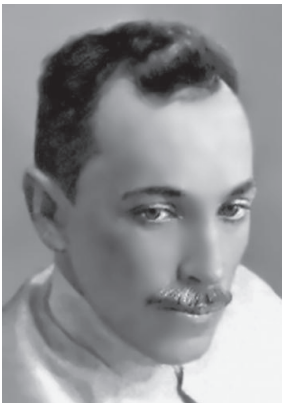
Но сейчас бьёт в глаза разрушение общесибирского самосознания. Часть замещает целое. Иркутяне, омичи и красноярцы – все пишут только о «своих». Уже изданы книги по литературной истории Кузбасса, Алтая, Тюменской области – вне связи с большой Сибирью. Нужна серьёзная критика, а она всегда была слабым местом сибирской литературы. Ведь почти половину областных журналов занимают стихи, но анализа новой сибирской поэзии как не было, так и нет. В начале нового столетия нужно заново обсуждать проблему, поставленную ещё областниками: возможна ли особая сибирская литературная школа.

Итак, в 2023-м году томской писательской организации исполняется 60 лет. У томского отделения СП есть хорошие показатели: издано многотомное собрание «Томская классика». Министерство культуры в 2019 году признало проект лучшей практикой в масштабе российской культуры. Издано также девятитомное собрание произведений современных поэтов и прозаиков Томской области: 45 литераторов. Особо надо отметить 14-томник «Одна семья» – классика литературы народов Сибири.

Сто лет назад литературный Томск пережил период «цветущей сложности», а потом был длительный провал. Буквальный реванш вряд ли возможен, но речь идёт об оригинальности, а не о буквальном лидерстве. Ведь теперь потанинский завет отменять некому: большевики ушли, а традиции – остались. Нужен стимулирующий прогноз, он подстёгивает волю к творчеству. Что ожидает Томск в ближайшем будущем: нарастание провинциальности или подъём? Это зависит от многих причин внешнего и внутреннего порядка. И прежде всего - от нашего волевого самоопределения.

А. Казаркин

Георгий Вяткин
(1885 – 1938)



Участник группы «Молодая Сибирь» Вяткин в начале XX века завоевал репутацию первого сибирского поэта. До революции жизнь и творчество его отмечены благополучием и славой, а в сталинскую эпоху жизнь его оборвалась трагически. Писать стихи он начал в четырнадцать лет и рано стал известен за пределами Сибири. В Петербурге и Москве его печатают самые видные журналы, многочисленные поклонники появились в сибирских городах. Первые публикации его – в «Сибирской жизни» и томских альманахах. В Томске в 1907, 1909 и 1912 годах выходят сборники его стихов, а в 1912-м он удостоен Всероссийской литературной премии. В Петрограде, во время войны, - стихотворный сборник «Опечаленная радость» и книга рассказов «Золотые листья» в 1917 году, а в Омске — книга стихов «Алтай». Он автор сборников «Стихотворения» (1907), «Грёзы Севера» (1909), «Под северным солнцем» (1912), «Чаша любви» (1923), «Опечаленная радость» (1917) и др.

Кроме коллективных сборников сибиряков, он часто печатался и в центральных журналах, перед революцией стихи его приобрели всероссийскую известность. Из всех сибиряков модернистские веяния Серебряного века больше всего коснулись Георгия Вяткина. Он, в отличие от учеников Потанина, не сторонился уроков символизма, близок по мироощущению ему был К. Бальмонт. Характерно название сборников его стихов: «Грёзы Севера», «Опечаленная радость», цикл «Из книги настроений».

Мне кажется, что я когда-то жил,
Что по земле брожу я не впервые:
Здесь каждый камень дорог мне и мил,
И все края – давно, давно родные.

Родился Вяткин в семье урядника Омской казачьей линии и окончил учительскую семинарию в Томске, но вёл себя как дворянин. Печатался в газете «Сибирская жизнь», а затем а центральных журналах – в «Вестнике Европы», «Русском богатстве», «Ниве», «Рус-

ской мысли», «Летописи» и других. В Москве и Петербурге близко сошёлся с Буниным, Куприным, Блоком, А. Толстым, Б. Зайцевым, М. Горьким. Во время революции он сотрудник Информационного бюро Временного Сибирского правительства, затем участник прессы правительства Колчака. В 1920-е годы печатался в журнале «Сибирские огни» и в газете «Советская Сибирь». Был членом редколлегии Сибирской Советской энциклопедии, которая почти вся была ликвидирована. Арестован в 1937-м, осуждён и расстрелян.

Литературное ученичество Вяткина затянулось, и М. Горький писал ему: «Вы ещё не самостоятельны, Вы как будто не решаетесь пойти своим собственным путём, на Ваших стихах чувствуется влияние Бальмонта... С другой стороны, на Вас заметно влияние мрачной философии Достоевского, а Вы воспеваете страдание как нечто положительное...» Эту оценку не назовёшь безупречной. Нельзя сказать, что поэт-сибиряк мир видел по Достоевскому. Горькому не нравились у Вяткина религиозные мотивы: «Мир полон тайн. Мир страшен и суров. Но Бог везде один»; «Мир безбрежно велик, бесконечно чудесен, Бесконечно и вечно красив... Как вы можете жить без цветов и без песен, В городах, не у рек, не у нив? <...> Как вы можете жить так уныло и скучно *З*адыхаясь от стонов и слёз?». Вместе с тем Горький высказал высокую оценку: «Г.А. Вяткин — лучший из сибирских поэтов». За приверженность теме страдания, узнической «запертости» Вяткина даже причисляли к декадентам. Он возражал: «Пройдут часы, недели и года, Устану я, уйду во мрак, истлею, Но с миром не расстанусь никогда. Могильной тьме моя душа чужда, Влюбленный в жизнь, я вновь воспламенею, Мне кажется, я буду жить всегда».

В самых удачных своих опытах Вяткин прорывался к философской лирике: «Минувшее бессмертно на земле». Сибирские критики упрекали его в излишней эстетизации жизни. Он возражал: «Человек должен, прежде всего, быть чутким к красоте… Красоту же я понимаю в самом широком значении этого слова…» Вяткин – автор знаменитой «Сибирской студенческой песни» («Юной верой пламенея, С Лены, с Бии, с Енисея *Р*ади воли и труда Ради жажды жить светлее Собралися мы сюда»).

Особенно ценили современники его любовную лирику.

Твой стан, как стебель юной лилии,
Грозой придавленный к Земле,
Но милый — в робости бессилия,

Но светлый — в сумраке и мгле.
Твои глаза — как звезды ириса,
В которых нежится роса…

Критики потанинского круга не без оснований упрекали поэта в отсутствии сибирского колорита. Но у Вяткина есть стихотворения в направлении сибирского патриотизма, не говоря уж о сказе о Ермаке.

Священный бубен поднят, вознесён.
Он пахнет дымом, потом, старой кожей,
Но он любим шаманами, он Божий.
И вот – гудит певучий перезвон.
Ложится мгла на серый небосклон,
Над юртой воет ветер непогожий,
И в тишину пустынных бездорожий
Несёт молитву, жуткую как стон…

Вяткин много путешествовал по Сибири, встречался с известными европейскими писателями. Во время Первой мировой войны, с 1914–го года, поэт служил на фронте санитаром. Хотя в 1905 – 906-м годах «сибирский символист» прославился стихами о классовой борьбе, реальная революция оттолкнула его, он во время гражданской войны написал венок сонетов «Земле – земное». И всё же он принял сторону Колчака, за что в конце концов и поплатился жизнью. Из его поздних опытов интересен «Сказ о Ермаковом походе». В зрелости он проявил интерес к прозе и в 1936 году опубликовал роман «Открытыми глазами». Роман был напечатан в «Сибирских огнях», и в 1937 году поэт был арестован, обвинён в причастности к контрреволюционной организации и расстрелян. В годы гражданской войны он издал публицистическую книгу «Раненая Россия» (Екатеринбург, 1919). С 1918 года работал в колчаковской прессе. При отступлении белой армии поэт сначала двинулся на восток, участвовал в сибирском ледяном походе, но до Иркутска не дошёл, вернулся в Омск, где был арестован, лишён прав, но ещё не казнён. Увиденное в России надломило его, вызвало не свойственные ему ранее болезненные выкрики. Но и в эту пору Вяткин создавал хорошо узнаваемый, сибирский колорит, особый образ пространства.

«Сказ о Ермаковом походе» – одна из вершин стилизации в русской поэзии:

Не соколы стаей ринулись
По лесам –

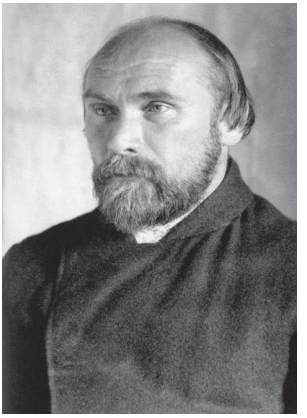
Загудели, звеня, перекинулись
Голоса:
– Не хотим боле разбойничать!
– Надоело купецкой мошной трясти!
– На Каспий бы повольничать!
– За Яик аль подале уйти!
……..
В теремах да в хоромах не любо ли?
Только вольницы в них, что в гробу!
Ну и пусть пропадём душегубами,
Коль написано так на роду!

Вяткин был в числе инициаторов созыва съезда сибирских литераторов (1926 год), был членом Русского географического общества и Общества изучения Сибири. В советское время он издал сборники стихов «Опечаленная радость», «Чаша любви» и книги прозы «Золотые листья», «Алтайские сказки». В зрелости пот занялся прозой и в 1936 году опубликовал автобиографический роман «Открытыми глазами». В 1937 году поэт был арестован, облыжно обвинён в причастности к антисоветской организации и в 1938-м расстрелян.

Столетья, как волны. Печаль их темна.
Их смутная песнь – бесконечна.
Шумит над безвестной могилой сосна
О давнем, забытом и вечном.

А. Казаркин

Обречённый на заклание
Николай Клюев (1883 - 1937)



Томск видел много ссыльных, а судьба Клюева всех трагичнее: уничтожено литературное завещание – последние стихотворения и поэмы, конечно, самые зрелые. «Ах, заколот вещий лебедь *Н*а обед вороньей стае, И хвостом ослиным в небе Дьявол звёзды выметает!» Эти слова из «Песни о великой матери» читаешь как эпитафию. В них предвидение: обвинён клеветнически, казнён бессудно и подло (долго скрывали факт расстрела).

В письме из Томска поэт сообщил, что написал в ссылке четыре поэмы и тетрадь стихотворений. Всё отнято и уничтожено. Можно лишь гадать с разной степенью «научности», что было изъято. Нет сомнения, это главная его поэма – «Песнь о великой матери». Из Томска ссыльный писал в Москву: «Пронзает моё сердце судьба моей поэмы “Песнь о Великой Матери”. Создавал я её шесть лет. Сбирал по зёрнышку русские тайны... Нестерпимо жалко». В последний раз при жизни автора эта поэма, одна из вершин русского стихотворного эпоса, прозвучала в Томске. Об этом есть воспоминания Веры Ильиной: «В то время он работал над поэмами “О Матери” и “Беломорканал”». «То Беломорский смерть-канал, Его Акимушка копал, С Ветлуги Пров и тётка Фёкла. Великороссия промокла *О*т красных ливней до костей И слёзы скрыла от людей». А в тетрадках Клюева был и ещё более серьёзный «криминал» – поэмы «Каин» и цикл «Разруха».

Надо видеть масштаб поэта, чтобы не утонуть в частностях. Клюев в Томске – это тема литературного краеведения. Оно проходит мимо вопроса: кем был автор в судьбах русской культуры. И насколько понимаем мы его? Учебники, не только школьные, но и вузовские, цитируют лишь раннего Клюева, не дальше «Избяных песен» (1913). А ведь он писал ещё двадцать лет, и признаков спада, творческого кризиса нет.

Много для понимания личности поэта дают его письма из Томска: «Вы, осмысливая меня как личность, чаще принимаете за меня подлинного лишь моё отражение в искушениях, которыми я, как никто,

бываю окружён»; «У некоторых души уподобляются духовному инструменту, слышимому лишь тогда, когда в него трубит беда и ангел испытания. Не из таких ли и моя душа?».

Поэт, названный «отцом кулацкого стиля», был затравлен, и жаловаться было некому.

А я, как ива при дороге, -
Телегами разбиты ноги
И кожа содрана на верши.
Листвой дырявой и померкшей
Напрасно бормочу прохожим:
- Я златоустый и пригожий…

В спорах о Клюеве основной стала тема вероисповедальная. Приглядимся к ней. А. Эткинд в знаменитой книге «Хлыст» изобразил Клюева крупнейшим сектантом. С этим отчасти можно согласиться. Революция подняла низовую муть и вывернула веру наизнанку. Как же было не откликнуться на это народному поэту? Если в русской революции действительно сказался сектантский уклон, то Клюев – его главный выразитель. Но это не конец его пути, а только этап.

Клюев первым в мире (!) издал сборник стихов о Ленине и позднее сам покаялся: «Увы... волшебный журавель *И*здох в октябрьскую метель! Его лодыжкою в запал Я книжку “Ленин” намарал *<…> И* не сковать по мне гвоздя, Чтобы повесить стыд на двери!». «Ленин» – странный сборник, есть в нём образ-предостережение: «Там нищий колодовый гроб с останками Руси великой». Игровая одержимость сменилась тягой домой, к твёрдому православию. И этот переход - как раз самое важное - не видят и не слышат.

Революцию он воспринял сначала по хлыстовско-скопческой модели – как… торжественное самооскопление народа: «О скопчество, арап на пламенном коне, Гадательный узор о незакатном дне!.. Когда колдунью-Страсть с владыкою-Блудом Мы в воз потерь и бед одрами запряжём, Чтоб Время-ломовик об них сломало кнут…» Глубокое и устрашающе восприятие революции: самокастрация во имя очищения! Марксову утопию такая революция оставила бы далеко позади: речь-то о полном освобождении от всего греховного в человеке.

Было время, поэт носил несовместимые личины – и старообрядец. Клюев не исходил из старообрядчества как из данности, он пришёл к нему - к твёрдому православию - в конце жизни. С конца 20-х годов лирический герой Клюева – это блудный сын на пути возврата, в мире, отпавшем от Бога. В «Песни о великой матери» ключевой

образ – последний православный на земле безбожников.

Изменился сам образ поэта: он уже не гордится тем, что, «как баржа пшеницей, нагружён народным словесным бисером», он осознал, что обречён на мученичество. Поэма «Деревня» обозначила точку невозврата: дальше – квалификация поэта как «озверелого кулака». С нынешней точки зрения, надо говорить о крестьянском символизме.

Последнее стихотворение («Есть две страны…») – образец христианского символизма: от земного к небесному. Оно читается как вариация на тему «Памятника». Но нет величального пафоса: поэт избран на страдание. В видении поэт уходит в инобытие под «хрип волчицыной трубы» — вести о смерти. «Заря апрельских роз» получает высочайшее благословение, и этим завершается раздумье о назначении поэта. И даже тёмная Рассея — «страна грачиных озимей». Вглядимся в образ России: «Святая Русь, Тебе и каторжной клянусь…» – заверение это звучит вперекор картине одичания.

Но дивен Спас: змею копытя,
За нас, пред ханом павших ниц,
Егорий вздыбит на граните
Наследье скифских кобылиц.

Народный Егорий Храбрый на месте европейского шедевра Фальконе, – китежский проект соединился со скифско-евразийским! Вот с чем прибыл ссыльный Клюев в Томск и в Колпашево.

«Песнь о великой матери» – поэма-завещание, её основа – мотив покаяния осквернённой «Рассеи» и вера в Русь очищенную. С большевистской точки зрения, она более «реакционна», чем «Погорельщина», которую ему вменили как «выпад озверелого кулачья». Блудный сын, приветствовавший переворот, вдруг опознал родное пепелище.

Но может ли Клюев когда-нибудь сравняться в популярности с Есениным? Вряд ли: слишком сложен, многослоен. На нынешний взгляд, только один художник превосходит Клюева в трагическом юродстве. Это Андрей Платонов. В русской литературе XX века два великих апокалиптических произведения – «Чевенгур» Платонова и «Песнь о великой матери» Клюева. Две сопоставимые вершины: юродство и прорицание.

Народный поэт, вычеркнутый из жизни с клеймом врага народа, помогает нам оглянуться и понять, чем обернулась марксистская революция в крестьянской стране.

Я из ста миллионов первый
Гуртовщик златорогих слов.
Похоронят меня не стервы,
А лопаты глухих веков.

Национальный поэт духовно может быть уничтожен только вместе с его народом. Клюев создал поэмы о русской катастрофе, и понимание его только как крестьянского поэта узко. Закрывая том «Избранного» Клюева, веришь: песенный запасник России не иссяк. А так ли, - покажет эпоха глобализма.

А. Казаркин

Вячеслав Шишков
(1873 – 1945)

Вячеслав Яковлевич Шишков родился в Бежецке Тверской губернии, но в литературу Сибири

вписался прочно и органично. Окончив в Вышнем Волочке строительное училище, он в 1894-м приехал работать в Томский округ путей сообщения и связал себя с ним на двадцать один год как изыскатель наиболее удобных водных и сухопутных коммуникаций – сначала как кондуктор (младший техник), с 1897 г. как техник, в 1900-м сдал экзамены на инженера и потом проводил нивелировку Обь-Енисейского канала, исследовал бассейны Оби и Енисея в их верхнем течении, проверял укрепления берегов Лены и Витима. Положив лучшее время жизни на службу Сибири, Шишков считал ее своей “второй родиной”.

В общественной жизни Томска он принимал деятельное участие – состоял в президиуме Общества изучения Сибири, сотрудничал с Обществом попечения о народном образовании, участвовал в Литературно-артистическом кружке. Его первая публикация оказалась весьма поздней: в тридцать пять лет в томской газете «Сибирская жизнь» он напечатал лирическую сказку «Кедр».

В ту пору Томск был интеллектуальным центром Сибири, и Шишков попал в круг

здешних учёных и творческой интеллигенции. Почётное место среди его знакомых занимал Г.Н. Потанин, великий общественный деятель Сибири, пытавшийся формировать местную интеллигенцию и взывавший к пробуждению гражданского самосознания. Именно он наказал Шишкову “писать и писать”, а о персонажах рассказа «Ванька Хлюст» заметил: «Эти лица великолепно, выпукло обрисованы», и вообще в изображении у Шишкова «всякое пятнышко, всякая пушинка видны».

Г.Н. Потанин предлагал издать «серьёзные, со знанием дела собранные г. Шишковым материалы», иначе “солидный вклад г. Шишкова в познания о речных бассейнах Сибири «будет погребен в архи-

ве административных канцелярий», – так и произошло.

В 1911 г. в экспедиции на Лену и Нижнюю Тунгуску Шишков проявил себя как фольклорист и позже опубликовал собранные здесь песни. Из-за очень раннего ледостава экспедиция чуть не погибла (реалии этого происшествия описаны в романе «Угрюм-река»), но была спасена эвенками.

В 1913 г. Шишков стал начальником партии по исследованию Чуйского тракта (от Бийска до Монголии, тогда находившейся в составе Китая) и предложил оптимальный вариант пути без мостов и переправ, но из-за I мировой войны работу прекратили, а выдающегося инженера в 1915 году пригласили работать в Петрограде в управлении шоссейных дорог. По делам Шишков побывал в Томске еще однажды, в конце 1916-го.

Он был уже автором повести «Тайга» (1916). Название символично, ибо тайга дана как образ душевной и духовной глухомани. Общественный уклад навязывает людям дикие отношения, да и у всех нутро греховное. После молебна – поножовщина, Бога в душе даже у попа нет. Понять чужую правду никто не желает. «Нет, – утверждают, – ты заодно с миром греши…» «Они кто?» – говорят про бродяг. – «Они, собаки, в Расее людей режут, а их сюда?.. Чтоб нашу сторону гадить?!» Убивают, а после каются. Дед Устин, чтобы вернуть ушедших на убийство, запалил свой дом, а потом вовсе ушёл, – и Шишков буквально настаивает на том, что не стоит село без праведника: над людьми разразилась гроза. Они опамятовались, но поздно. Шишков понимал, что социальные перемены окажутся безрадостными, если человек не преобразится к лучшему, и, поставив эпиграфом слова из послания апостола Павла: «Но мы нового небеси и новой земли чаем, где правда живёт», – уже и сам выделил главное: «Русь! Веруй! Огнём очищаешься и обелишься. В слезах потонешь, но будешь вознесена».

В.М. Бахметьев в рецензии заявил: «Без преувеличения можно сказать, что в художественной сибирской литературе последних десятилетий “Тайга” – первая значительная вещь, охватывающая мужичью Сибирь широкими рамками цельного, красочного, богатого правдою произведения».

В Сибири Шишков написал свыше полусотни произведений, но выделял только «Тайгу» и три-четыре рассказа. Он сетовал, что в его прозе «слог чаще на простую беседу смахивает», однако «должен был в конце концов остановиться на простом, по возможности углубленном слоге, освободив его от условной манерности и словесной

мишуры». О чем бы Шишков ни писал, он всегда старался выявить наиболее значимые черты человека или ситуации, чтобы читатель вник в психологию купца, переселенца, бродяги, тунгуса и уловил суть проблем, болезненных для человека и для общества. Шишков часто указывал на то, что границы взаимопонимания обусловлены социальными и национальными рамками, мешающими понять чужую душу, а в человеке надо прежде всего видеть человека.

Расставшись с Сибирью, он не желал расставаться с нею в своем творчестве («…я переполнен впечатлениями, которых хватит на всю жизнь…») и отобразил Сибирь и в рассказах, и в романе «Ватага» (1924), в котором живописал кровавую бойню Гражданской войны на юге Томской губернии. Бывший комиссар чапаевской дивизии, писатель Д.А. Фурманов заявил, что в “Ватаге” война дана в «смердящем виде», а Шишков потрясает «смелостью утверждений. Опасность от “Ватаги” усугубляется тем, что написана повесть хорошо, читается с большим захватом!» Полуоправдываясь, Шишков говорил, что хотел «поставить в центре романа психологию масс, лишённых идейного руководства», и «вскрыть душу руководителя ватаги…» Запечатленный в романе “русский бунт, бессмысленный и беспощадный” (по выражению Пушкина), требовал беспристрастного воплощения, а для этого существовала лишь одна возможность, которой ещё не было – историческая проекция, позволяющая всё увидеть в подлинном масштабе.

Среди других значительных произведений назовём повести «Пейпус-озеро» (1925), где предпринята попытка понять Гражданскую войну с точки зрения идейно разложившегося белого офицерства, «Дикольче» (1929), едкую сатиру на крестьянскую коллективизацию, и «Странники» (1931) – о беспризорщине.

В 1933 г. Шишков опубликовал роман «Угрюм-река». Над ним писатель трудился полтора десятка лет. Реалистичность своего полотна Шишков подчеркивал: «Воедино собраны черты тех людей, с которыми приходилось встречаться. Некоторые переживания автобиографичны. Описания природы прямо взяты из моих записных книжек того времени…» Образ Нижней Тунгуски как Угрюм-реки стал образом потока жизни.

«Главная тема романа, так сказать, генеральный центр его, возле которого вихрятся орбиты судеб многочисленных лиц, – это капитал со всем его специфическим запахом…» – так определил Шишков идею своего произведения. Герой «Угрюм-реки» купец Прохор Гро-

мов поначалу мечтал, что “оживит этот мертвый край”, но жажда наживы оказалась сильнее.

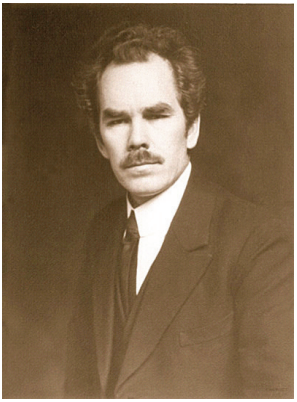
Шишков последовательно показал гибель Прохора как личности. «Я ни во что не верю», – говорит тот. – «Ищу точку опоры и не могу найти», – теряет рассудок и кончает самоубийством. «Мы суем свои человеческие масштабы в колесо истории», которая ломает людей, – полагал Шишков, но верил, что при иных социальных условиях вместо Угрюм-реки всё-таки потечёт “река Радости”. Он считал «Угрюм-реку» своим главным произведением, заявлял, что родился ради него, и на критику отвечал: «…я знаю только один закон: писать надо правдиво».

Он скончался в 1945 году, чуть-чуть не успев завершить десятилетний труд над хроникой “народной трагедии” о пугачевщине и не дожив два месяца до полной победы в Великой Отечественной. Между прочим, уже в начале войны он утверждал, что перелом наступит, когда на фронтах появятся сибиряки.

Н. Серебренников

«Ждущее величие»

Георгий Гребенщиков
(1884 – 1964)



«Широка и необъятна сибирская земля, так широка и так необъятна, что не пришёл ещё певец, чтобы воспеть её и изобразить её величие». Таким вышел запев романа «Лобзание змия», седьмого тома в большом сюжете. Не себя подразумевал, нет, - певца давно ждут. Но кто теперь, после катастрофы, возьмёт на себя эту миссию? Одни пишут, что вышел за пределы сибирской темы, другие: Гребенщиков – последний из потанинского гнезда.

Сибирский образ мира – как создавать его, не видя Сибири? И неужели никогда не увидеть её, родину? А Сибирь-то, небось, даже имя забыла. Вот она, книга о Сибири, пока в рукописи. Последняя, наверно, и на чужом языке, на английском.

В ворох неразрешимых вопросов уткнулся Георгий Гребенщиков (1884 – 1964) в Америке. Потанин не велел уезжать из Сибири даже в Москву. А Бунин не советовал ехать через океан: Соединённые Штаты для русского литератора – это захолустье, похуже Сибири. Сытые задворки Европы. Русского там просто не заметят. Да, первый том большого романа не разошёлся, приходится сокращать тираж… Что знает средний американец о Сибири? Да почти ничего. Начинаешь беседу – в глазах безразличие. Правда, немного оживляются, когда узнают, что сибиряк. И тут, как из рогожного мешка, вынимают дурацкие вопросы: про дикарей в тайге да про медведей на улицах... Об этом задумался – и прочитал лекцию «Сибирь как русская Америка».

«Чураевы» – одна из вершин региональной эпопеи. Классические образцы жанра – дилогия П. Мельникова-Печерского о поволжских староверах и два романа М. Шолохова о Доне, взятые как художественное единство. Русская катастрофа просится в большое полотно, нужна сибирская эпопея. Роман-река, с омутами, с берегами задебренными. Говорят: староверам, этому осколку былых веков нет места в нашем веке. А они так же разнолики, как и остальная Русь. Трудолюбивые, зажиточные, устойчивые в семейном быту и вере.

На советском жаргоне — сплошь кулаки, и этим судьба их предрешена. Потрясенье мира — пострашнее наполеоновского нашествия. Финал может быть только трагическим: Василий Чураев вернётся в родные места, будет узнан и схвачен как «контрик»…

Грех признаться, был задор или обморочная фантазия — написать крестьянскую эпопею, почвеннее толстовской. Ведь крестьянскую эпопею никто не написал. Тем более староверскую! С детства видел их, староверов, рядом были, а не понимал. Мать из рода кержаков, предки по отцу тоже были староверами. Смутно очертилась драма братьев-кержаков: каторга, война, утрата веры и поиски её. Василий примеривается к разным путям, и превращает жизнь свою в хождение по мукам.

Сотни лиц просятся в коллективный портрет низовой Сибири. А о чём, в главном-то, «Чураевы»? О новом расколе в отечестве, более страшном, чем тот, семнадцатого века. Кержаки верят в близкий конец света — и копят богатство. Начал, как хотелось Потанину, бытом, этнографией, а потянуло философствовать. Роман потёк своим руслом и разошёлся с заветом «сибирского дедушки». Он же предостерегал: «Роман из жизни интеллигентных людей в Сибири не имеет до настоящего времени необходимой для него почвы... попытки создать его неизбежно будут неудачны». Интеллигенция-то вся завозная, не коренная. А вот дерзнул, замахнулся.

Патриарх Фирс Платоныч разводит руками: «Вер разных больно много в нашем крае стало». А сын Василий захотел опробовать их на предмет истинности. Кержак-богоискатель бросил вызов отцу, и началась смертельная вражда с братьями. Потом искал истинную веру в экспедиции на Восток («Спуск в долину»), был толстовский порыв к опрощению, к крестьянской жизни («Веления земли»), потом начало войны («Трубный глас», «Сто племён с единым»). Разлив мировой войны и начало великой смуты — «Океан багряный», «Лобзание змия».

Василий Чураев – кержак-богоискатель в стране безбожия! А слиться с народной стихией он уже не может: слишком много увидел озверенья. Вот и препона: народному роману нужно ощущение низовой правоты, а кругом безумие. Василий прельстился в Москве умственным изобилием… Мотив возвращения Блудного сына, драматический выбор. Хождения по мукам могли завершиться только возвращением к родному пепелищу. Зигзаги пути и возвращенье домой. Но ни дома, ни Сибири прежней нет уже. Семейная хроника

теперь не поддаётся классическому завершению.

Укрупнить пришлось мотив родового греха: за преступления отцов рассчитываются каторгой и Ерёмка-мясник, и Викул, и Василий. И хотелось дать философию коренных сибиряков. Никто ею не занимается, думают, что её как не было, так и нет. А пора уж «задуматься над прахом многих полудетстки безобидных народов и племён Сибири, которые, оказываясь часто без вины виноватыми, покорно уступали своё место более сильным в борьбе за жизнь». Ведь аборигены северной Азии могут остаться без наследия. Что это будет за Сибирь?

После первого тома «Чураевых» как-то сама выкатилась «Былина о Микуле Буяновиче». Роман-сказание угодил в момент: русский простак соблазнился лёгкими посулами. Забитый крестьянин пришёл в разбойничью ватагу, потом стал атаманом у «зелёных» и, ослепший в огне, обратился к Богу. Бунт, ожесточение, поиски выхода повели от одной жестокости к другой. Писалось увлечённо, и звучит вещь как баллада.

Видно, старость, подкатывает: всё чаще наплывают картины детства. Прервал работу над большим романом, взялся за повесть о детстве и юности. Лирика особенно нужна там, где забывают родину. Полвека просилась повесть на перо, и вот сама вылилась на бумагу. Раздумье о мудрости низового, замордованного народа. Небо Егорка увидел в весенней луже и ощутил его как обещание бесконечности. Светлы они, видения нищего детства, такой капитал не растратишь. Какие дали виделись, какой взлёт! Теплится надежда на восстановление нормы — утопия Руссо против марксовой утопии. Пройдёт Россия и разъединение, и воссоединение…

Потанин советовал писателям-сибирякам опираться на этнографию. Это народнический прицел. А «Моя Сибирь», в главном, не только этнография — программа преображения края. «Проклятая страна изгнаний, каторги и стонов скоро превратится в благословенную обитель, куда откроется паломничество со всех частей света». На Сибирь возлагается миссия просветления и спасения заблудшего человечества.

Нет, всё-таки не слепой рок забросил сюда, на реку с индейским названьем Помпераг. Новый горизонт для обзора. Приткнулся с радостью к рериховскому обществу: вот люди веры. Но что это за вера? Шамбала сияющая — художество на месте веры. Сам же Рерих упрекнул других: «неиграемым играют». Да, художник выдающий-

ся, изумляющий. Видит Алтай взглядом пришельца из космоса. На Тибет зовёт, пути буддийского благословения всем указывает. И Ленина, творца геноцида, величает братом-махатмой! Стилизованные пророчества — вот что такое ваша эзотерика. Написал как-то: «Ни Горький не заразил меня безумством храбрых, ни Лев Толстой, одобривший во мне призыв сынов народа обратно на работу на земле, и ни Г. Н. Потанин, надеявшийся, что я подниму ядринцевское, т. е. его, потанинское, знамя, – никто не сделал из меня своего честного последователя». А подхватил ведь рериховское знамя, не разделил художника и мыслителя.

В Париже начитанный беженец задал ехидный вопрос:

- Вижу, ваш кержак начитался гностиков.

- А это кто такие?

Ироник опешил: - Как, Вы их не читали? Ни Василида, ни Карпократа? Не может быть. Тогда это у Вас от Блаватской и через Рерихов. Захотели соединить византизм с оккультизмом? Ну-ну...

Захотелось синтеза, вот и загнал сюжет в тупик. Рерих и Потанин несовместимы, на разных путях они. А «Письма с Помперага» написал по Рериху. Но выкачают недра, повалят леса, перекроют реки — и останется Сибирь ободранной, в том же полуколониальном состоянии. И не дадут ей пробудиться, заговорить народным наречием. ...

Вслед за с Н. Рерихом он говорил об исключительной роли Сибири в будущем. Но вот взгляд из Америки: «Надо сказать правду, что большинство сибирского населения привыкло черпать из природы всё в неограниченном масштабе, но совершенно не привыкло глядеть в будущее». Лень от инородцев досталась? Нашли на кого свалить свою вину! И можно не замечать, что «русский быт строился на трёх кощунственно уживающихся между собой основах: церкви, кабаке и матерщине. Там, где вы увидите или услышите один из этих русских признаков, - это ещё не значит русской оседлости, но там, где все три рядом, смело чувствуйте себя в России». И всё же «какое дремлющее, ждущее величие!!!».

«Какое у народа сердце», - не просто ответить. «Народ был всякий: простой и непростой, наивный и лукавый, грубый, ласковый и даже нежный, часто пьяный, часто чуткий, тонкий и изобретательный, оседлый, кочевой, богобоязненный, преступный». А какое у него будущее? Василий, блудный сын и мыслитель, будет схвачен в родной заимке, уже обезличенной, беспамятной. Фёдор Шаляпин нашёл нужные слова: «Хорошими соками напитала вас Сибирь-матуш-

ка, очи зоркие дала и ум наблюдательный, острый и спокойный».

Здесь вот сильная нация пишет смертный приговор слабым племенам, оголяет землю, опустынивает — и гордится этим. А там, дома, всемирная империя навыворот. Возвращение к земле и роду — первая забота погорельцев. А чтобы роздых пришёл, надо душу подвинуть к храму. Понять, куда пути ведут — к богосыновству или к осатанелости.

Жив ли там старый друг Шишков? Пишется ли ему? В Питер уехал Вячеслав, теперь называемый Ленинградом.

* * *

В другой части Земли другой сибиряк по-своему, но тоже в духе жестокого романтизма нарисовал антигероя гражданской войны. Изуверство предугадал он ещё перед революцией в повести «Тайга». Русский бунт рисуют двояко: там — в ореоле героизма, на Западе — как дьявольскую одержимость…

Очистилась Русь?.. Всесметающий пожар устрашает и обещает обновление жизни, а в романе «Ватага» символов очищения нет. Материал – «роговщина», зелёно-красная партизанщина. Роговцы убивали почти всё мужское население городов, насиловали женщин, жгли церкви и богатые дома. Наивность и жестокость позднее автор осмыслил как «форму пугачевщины». Роговщина вывела на роман о Пугачёвском восстании. Без натяжки итожим: замысел трёхтомного романа об Емельяне Пугачёве подсказала гражданская война: «в большом романе мне захотелось развернуть некоторые линии, наметившиеся в повести».

«Ватага» и «Былина о Микуле Буяновиче» созданы в разных странах, а переклички бросаются в глаза. Жуткие расправы Зыкова — это из народных рассказов, такое не выдумаешь. Четыре тысячи жило в уездном городе, в котором венчался Достоевский, — осталось две.

«Да падут попы-никонианцы-табашники и все власти сатанинские от меча карающего». И меч этот – ватага Зыкова. Меч – или пила? Вл. Зазубрин поехал в Кузнецк с проверкой и привёз в Новосибирск пилу, которой распиливали живых людей. И доложил он, редактор «Сибирских огней», областному партийному руководству (а ему быть расстрелянным): «Из четырёх тысяч жителей Кузнецка две тысячи легли на его улицах. Погибли они не в бою. Их, безоружных, просто выводили из домов, тут же у ворот раздевали и зарубали шашками. Особо “именитых” и “лиц духовного звания” убивали в соборе. Редкая женщина или девушка в Кузнецке избегла гнусного насилия».

Поразительна театральность расправ: дорогу, по которой вели об-

речённых, устлали коврами, а по сугробам расставили кадки с фикусами. «Кроваво-кошмарным балаганом» назвал Бунин такие сцены. Он видел их в Москве и в Одессе. Что-то похожее изобразил Шмелёв в книге «Солнце мёртвых». Да разве только они?

Изображение красных анархистов работало на разоблачение «великого переворота». Мотивная перекличка главных произведений Шишкова и Гребенщикова говорит о серьёзном влиянии потанинской литературной школы. Она могла стать основным направлением в сибирской литературе, но была прекращена насильственно.

А. Казаркин

Георгий Марков
(1911 — 1991)

Георгий Мокеевич Марков, как раньше писали, — «русский советский» писатель, и тут слово «советский» стоит по праву.

В предуведомлении к роману «Строговы» (1946) он з метил, что «у читателей всегда возникает законное и вполне объяснимое желание знать об авторе больше, чем его имя и фамилия. Их интересует, почему же он написал именно эту книгу, интересует его жизненный путь...». Поступим согласно его желанию. Родился он в селе Ново-Кусково Томского уезда (сейчас Асиновского района).

Марков подчёркивал, что своим творчеством обязан томской земле: «Чулым, Обь, родные сибирские края... всё, что я написал, написал об этих краях». «Мой отец и дед были охотниками, — сообщал он. — До шестнадцати-семнадцати лет я безвыездно жил в деревне, проводя значительную часть времени в тайге: то на охоте, то на промысле кедрового ореха, то на рыбалке. Отец в поисках лучших промысловых угодий много путешествовал, и вместе с ним я ещё в раннем детстве побывал на Чулыме с его притоками, на Томи, средней Оби, Васюгане, Парабели и других реках Сибири. Когда меня спрашивают, в какой школе я получал художественное воспитание, я отвечаю, что начальной школой и жизни, и искусства была для меня среда охотников, промысловый труд, таёжный костёр и охотничий стан. ...Как правило, охотники хорошие рассказчики, искусные мастера живого слова. ...Я много работал в библиотеках, изучая историю своего края, различные экономические и этнографические исследования о сибирской деревне, волостные архивы, статистические данные, рыночные дневники Томска, Иркутска, Красноярска; ездил по сёлам Причулымья; встречался со старыми большевиками. Изучал также и историю революционной борьбы в Сибири, историю сибирской тюрьмы и ссылки — политические ссыльные оказывали на местное население большое влияние».

В юности он был комсомольским агитатором, в 1930-е — сотрудником молодёжных изданий, во время войны — военкором газеты Забайкальского фронта. Марков говорил: «В основе коммунизма — мечта о социальной справедливости. Значит, понятие «коммунист» прежде всего нравственное, и уже затем политическое». Он считал, что жажда наживы портит людей, поэтому взаимоотношения определяет социально-экономический фактор — по Марксу, — и принцип классовой борьбы вполне оправдан. В «Строговых» история крестьянской семьи соотнесена с историей России с конца XIX века вплоть по Гражданскую войну, политические события воздействуют на формирование сознания героев соответственно их социальному положению, и так подтверждается неизбежная обусловленность победы большевизма как идеологического руководства для рабочих масс. В финале романа Ленин своим появлением освящает простые и быстрые преобразования сложного многовекового общественного уклада. За «Строговых» Маркова наградили Сталинской премией третьей степени.

Строговы стали героями и романа «Соль земли» (1960). Устами персонажей Марков говорит: «Трудовой народ — вот кто соль земли. — Так и Ленин учит». По пояснению автора, сюжетный «конфликт разгорается вокруг проблемы природных богатств... Народ же — местные жители, изыскатели, партработники...» Описанные в романе годы после Великой Отечественной войны Марков связал с «разворотом гигантской работы советского народа и Коммунистической партии... по эксплуатации богатств сибирской тайги и ускорению исследований новых районов Сибири... Само собой разумеется, что романы и «Строговы», и «Соль земли» я не смог бы написать, если не провёл бы детство и юность в тайге, если в течение всей своей сознательной жизни не принимал бы непосредственное участие в социалистическом преобразовании Сибири, если бы систематически не бывал у охотников, рыбаков, рабочих, колхозников, учёных...»

Описанную Марковым ситуацию либерально настроенные критики насмешливо называли «борьбой лучшего с хорошим», — для 1950-х такой шаблон изображаемой проблемы широко воспроизводился и в журналистике, и в художественной прозе. Марков чуть усугубил конфликт, перенеся его в семью, между братьями. Он повествует о том, что секретарь райкома КПСС Артём Строгов не верит в залежи циркония, найденные выгнанным из института аспирантом Краюхиным, однако изыскания по разведке руды поддерживает об-

комовский заведующий отделом промышленности, кандидат философских наук Максим Строгов. В финале недопонимающие осознают свои ошибки. Сегодня утомительно читать написанные языком хозотчётов рассуждении об обеспечении государства древесиной или о необходимости посевов льна с попутными сомнительными заметками про «трогательную особенность людей колхозной деревни: вывешивать портреты Ленина и руководителей партии и государства вместе с семейными фотографиями», — биография Маркова-партфункционера отразилась на его творчестве не лучшим образом.

Он, по его словам, предпринял попытку найти органичную связь для романа «уже нового типа — романа, в котором воплощён и опыт XIX столетия, и опыт нашего, социалистического строительства». Попытка оказалась проигрышной: связать критический реализм и партийную установку не удалось.

Н. Серебренников

ПИСАТЕЛЬ ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Мария Халфина
(1908 – 1988)

Она была известна и за пределами нашего досточтимого города. Её печатал «Огонёк», хорошими тиражами выходили книги. В юности до безумия много смотревший кино, я в 1973 году, конечно, увидел и фильм «Мачеха». Мне понравилась милая Татьяна Доронина, убедительна и правдива была эта история. Я знал, что сценарий по своей повести написала наша томская писательница Мария Халфина. Потом был и не столь знаменитый, но тоже собиравший зрителя фильм «Безотцовщина».

Я был знаком с её сыном Алексеем. Пришёл час, и в начале 70-х мы познакомились с мамой. Мария Леонтиевна была не похожа на тех, кого называли в нашем городе писателями. (Второй такой «непохожий» в моей жизни – Виктор Колупаев). Суждения её были свободны, взгляды широки. Всё это решительно отличало Халфину от тех, кого я успел увидеть и услышать на семинарах и творческих встречах – зажатых, осторожных, «взвешенных» в суждениях.

О чём они говорили с нами? О современной жизни? Но они хорошо держали ушки на макушке и поворачивали нос по ветру, красиво обходя острые проблемы. О «секретах творчества»? А что там у них в багаже? Постановления да наставления советских мастеров.

В ту пору осторожности на грани страха она свободно говорила о Солженицыне, не именуя великим, но называя большим писателем. Кроме прочитанного мною «Одного дня Ивана Денисовича», дала прочесть «Захара-Калиту», очень высоко ею ценимого. В том же ряду любимых ею авторов были Можаев, Белов, Распутин.

Я прочёл ей несколько своих стишков, она отнеслась к ним сдержанно, объяснила, что не берётся судить о рифмованных делах (и слава богу, потому что это было беспомощно и

подражательно). Но когда я принёс ей рассказ о бабушке, она ра-

зобрала его подробно и довольно безжалостно, делая точные замечания. Мария Леонтиевна сумела так сказать о всех провалах моего рассказика, что это меня не размазало, но заставило понять, как много я не знаю и не умею. Она спросила, кого из современных рассказчиков я люблю. Я назвал Казакова и Нагибина. Она кивнула, никак не оценивая мои вкусы, и добавила, что сама высоко ценит Сергея Антонова. Может, был назван кто-то ещё. Да, конечно. У неё услышал я имя Виктора Лихоносова и полюбил, присоединив к самостоятельно открытому Юрию Казакову.

Алексей, устраивая встречи с матушкой, как он её называл, в дни, когда приходил тираж книги, сослужил мне, полагаю, добрую службу. Тогда в моём окружении принято было уделять внимание другой литературе, современные советские «романы воспитания» в наш круг чтения, понятно, не входили. И вполне заслуженно.

Но проза Халфиной была иной. Получив книгу с тёплой авторской надписью, я как бы по необходимости должен был заглянуть в неё. Но прочтя несколько страниц, дальше читал уже без всякого принуждения. Люди – её герои – были живые, не одномерные, ситуации не разрешались авторской волей и не завершались моралью. Замечательно, что истории Марии Леонтиевны прошли испытание временем. Там не было никакой конъюнктуры.

Ничего в них и сегодня не коробит, нет чувства неловкости за создателя этих повестей и рассказов.

Интересно: она ведь не собиралась становиться писателем. Она была хорошим библиотекарем. Окончила Томский библиотечный техникум, и в 1949 году по направлению областного отдела культуры приехала в речной поселок Моряковка (по-другому Моряковский Затон) Томского района, где работала заведующей поселковой библиотекой с 1949 по 1961 годы. Эта руководимая ею библиотека на республиканском конкурсе в 1960-м получила звание «Лучшая библиотека РСФСР». Сегодня здесь хранится архив писательницы, а библиотека носит имя Марии Леонтиевны Халфиной.

Тут много лет проводятся Халфинские чтения. Здесь она написала брошюру «Библиотека Моряковского затона», которую можно считать подступом к её писательству.

Были какие-то наброски, наметки, у кого их нет. А потом Халфина облекла в слова драматическую жизненную историю, и самая читаемая газета страны «Комсомольская правда» её напечатала. Мария Леонтиевна нашла болевую точку. Об этом сказали тысячи

писем. И отступать теперь было некуда. По привычным меркам, писательский путь начала она довольно поздно – ей уже было за 50. Но в её активе была хорошо прочитанная и усвоенная русская и мировая классика. А сколько историй поведали ей простые сельские жители, сколько семейных драм пересказали! Тогда ведь очень много читали, а хороший библиотекарь был и собеседником, и советчиком. И не случайно так сразу, со своим голосом, с вечными темами шагнула она на страницы изданий в те 60-е годы, когда ещё не нужно было подстраиваться, ловчить, «делать, как надо».

С 1961 по 1966 годы Халфина жила в селе Рыбалово Томского района, работая библиотекарем. Именно здесь была написана повесть «Мачеха», с которой Мария Леонтиевна прославилась на всю страну, а одноименный фильм с Татьяной Дорониной в главной роли только умножил эту славу. В 110-ю годовщину со дня рождения писательницы (2018 год) в Рыбалово состоялось открытие мемориальной доски Марии

Халфиной. Инициатором создания такого памятного знака стал Совет ветеранов и актив села.

Мария Леонтиевна называла себя писателем для семейного чтения. Потому, прежде чем надписать мне новую книгу, спросила имя жены. К следующей книге она уже не переспрашивала (а я и тогда, по молодости, запоминал имена-фамилии с третьего раза).

Все её главные вещи – и ставшие фильмами «Мачеха» и «Безотцовщина», и рассказы – о том, как важно людям найти взаимопонимание. Ирония жизни и творчества заключалась в том, что автор семейных повестей и рассказов, к сожалению, не могла убедительно опираться на свой жизненный опыт. Непросто складывались её отношения с Алексеем. И она, и он это переживали. Она даже предала огласке рассказ «Игорь», который едва ли может кому-то что-то подсказать или чему-то научить. Но в нём есть и материнская любовь, и попытки обрести утраченное взаимопонимание. Понять, почему сын, когда-то близкий и родной человек, с какой-то непоправимостью, неизбежностью становится чужим. История эта рассказана с полной откровенностью, читать её больно.

Мария Леонтиевна ценила ум, память и эрудицию Алексея. Знакомилась с современной западной философией, читала то, что любил сын – Сартра и Камю, статьи о Хайдеггере и Ясперсе (и это аукнулось в повести «Одиночество»). Она вполне понимала, что наше высшее образование ему противопоказано и представляла, как выворачи-

вало бы его на лекциях обществоведов. Сделать его «нормальным» членом общества было ей не под силу. Да, наверное, она этого и не хотела. Ей нужны были его любовь и поддержка.

Рассказ «Игорь» заканчивается безысходным замечанием, что сыну нет никакого дела до внутреннего мира матери.

Но, как мне казалось, в жизни понимание между матерью и сыном существовало. Алексей говорил о её прозе с неизменным подлинным уважением: «Матушка пишет хорошо, потому что не врёт. И жизнь знает». Я вполне соглашался. Он мне как-то подсказал: «Так скажи ей об этом». Я сделал это искренне, волнуясь, косноязычно. Но, может быть, это было лучше выверенных похвальных слов.

Последний раз я видел их вместе с Алексеем на юбилейном вечере Марии Леонтиевны в марте 1988-го. Проходил он в Доме творческих организаций. У меня серьёзно болел отец, идти мне не хотелось, но надо было как руководителю областного литературного объединения. Там рядом с ней были моряковские подруги. Я видел, как весело вспоминали они былые годы, да это и сохранилось на хороших фотографиях того вечера. Рядом был благостный и благообразный Алексей. Чистенький и свежий. Приятно было их вместе видеть.

Мой отец умер в конце марта. Мария Леонтиевна ушла в ноябре. Алексей передал её архив и часть вещей в школу Моряковского Затона, заложив там основание музея Халфиной. Мемориальная доска писательнице недавно открыта и на стене дома престарелых на берегу Оби, в так называемой «Лесной даче». Когда-то здесь предоставили Марии Леонтиевне комнату, чтобы она смогла на месте собирать материал для будущей книги о людях, которых привела сюда судьба. Как они тут оказались, что не сложилось в жизни, чего недостаёт сейчас. «Что старикам надо?» – это ведь тоже из тех вопросов, которые её волновали.

В одном предисловии к её книге известный советский писатель уверяет, что автор должен «страстно вмешиваться со своими поисками нравственных начал». И что «человек при всех условиях должен прежде всего помнить о своих нравственных обязанностях». Как хорошо, что Халфина не следует этим пожеланиям, что её рассказы и повести не выкроены по этим лекалам. Иначе, повторю, незавидная судьба ожидала бы их.

Завершая открытым финалом один из ранних своих рассказов «Мои соседи», Мария Леонтиевна оставляет нам одни вопросы, не облегчая поиск ответа.

«Я думаю, думаю, и не могу решить, что же мне делать? Как помочь этим нелепым и очень несчастным людям? Где найти слова, которые заставили бы их понять, как преступно уродуют они свою жизнь и жизнь ребёнка?».

Нет, никто не устроит нашу жизнь лучше, правильнее, если мы сами не приложим к этому усилий. Автор не всемогущ, он только лучше видит эту ненормальность и при поддержке своего таланта делает её наглядней для нас. Только так он может нам помочь. И это вызывает доверие, заставляет сопереживать героям, примеривать сложные жизненные ситуации на себя и самим искать выход, решение.

И её по-женски слабый голос, вопрошающий «Что же такое с нами творится?» будет услышан и подхвачен тревожно, по-мужски сурово Шукшиным: «Что с нами происходит?».

Вл. Крюков

«Живёт рядом семья»

В 60 – 70-е годы Мария Халфина была самым известным томским писателем. Печататься начала очень рано, ещё в 20-е годы, потом был большой перерыв, но когда, в начале 60-х, «Огонёк» стал печатать её бытовые зарисовки, она сразу завоевала популярность. Вл. Лидин, оценивший её одним из первых, писал: «У Халфиной есть всё, что необходимо писателю: внутренняя совестливость, сочувствие к человеку со всеми его бедами и незадачами и со всеми его надеждами и поисками своей судьбы… незачем придумывать характеры и сюжеты, они рождаются из опыта и глубокого познания жизни». Сочувствие к человеку – ключевые слова.

Родилась Мария Леонтиевна на тракте Кузнецк – Бийск в большом селе Пуштулим, где преобладали староверы. Первая публикация в Бийске, там будущая писательница училась в школе-семилетке. Затем окончила Томский библиотечный техникум. Библиотеку в Моряковке сделала лучшей в Томской области, победила в республиканском конкурсе «Лучшая библиотека РСФСР».

Нынешний читатель задаёт естественный вопрос: в чём новизна прозы Халфиной? По существу, она заново открывала давнее, но забытое – простого обывателя. Он же в советской системе не был предусмотрен. Тут на перо просится слово «отчуждение». Оно подра-

зумевает основной продукт нашего революционного скачка – человека-то, просто человека, не различали. А тут житейская психология, пронизанная любовью именно к незаметным людям. Не к ударникам и не к героям войны. Причём рассказы протокольно правдивы, без всякой условности. И, главное, к соцреализму отношения не имеют. Не любовь и верность, а уживчивость детей и родителей, бабушек и внуков. Словом, совместимость поколений.

Семейное чтение в сталинское время, если и теплилось где-то, то для него негде было взять текстов. Разве что из дореволюционной «Нивы», если сохранили дедушкину подшивку. А в передовую советскую литературу редакторы и критики такое «мелкотемье» не пропускали. Но в «оттепельные» 60-е годы этот материал запросился в популярные журналы. А таким и был «Огонёк», приютивший никому не известную сибирячку.

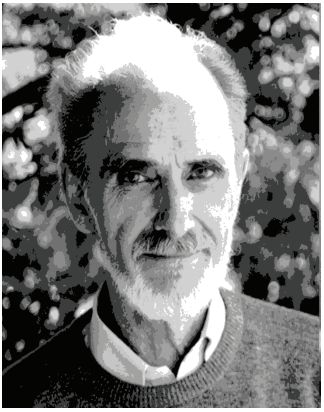
Понятно, это окрылило начинающую, уже немолодую, писательницу. Мария Леонтиевна призналась: «Случилось чудо, я помолодела. Да, да… Причём, не только душой, но и физически. Мне стало как-то легче ходить, дышать, радоваться жизни. А ещё я осознала, что во мне сидит не только беллетрист, но и драматург. Беллетрист трудится в одиночку. Его основные инструменты – тема, сюжет, воображение… А драматургу этого мало. Ему ещё сцену подай и слово, да не письменное, а вслух, разговорное... не зря говорится: не поймал карася – поймаешь щучку». А успех-то пришёл... накануне семидесятилетия.

Семейные рассказы Халфиной педагогичны – без поучений. Композиция их незатейлива и, прямо скажем, предполагает нетребовательный эстетический вкус. Вот об этом шли споры с сыном. В советской литературе семейные конфликты были под негласным запретом, как и «вечные темы». А собственное поле Марии Халфиной – как раз семейный быт. Выбор её надо понять исторически. Он, хоть отчасти, объяснит загадку её популярности. Говорить о каком-то художественном открытии тут не приходится. Скорее возвращение забытого. Но будущие историки могут использовать «простые истории» Марии Халфиной в изучении социальной психологии страны, рванувшейся «к вершинам коммунизма» и забывшей человека.

А. Кержак

О ВРЕМЕННОМ И ВЕЧНОМ

Василий Казанцев
(1935 - 2021)



Эти песни – не плач и не гимны.
Это выше, чем плач или гимн.
Мне навеки остаться таким бы.
…Если можно остаться таким.

Василий Казанцев с первых шагов хотел сохранить верность изначальному. И это ему удалось: лишних слов нет. Конечно, не просто понять завершение пути значительного поэта, но это обязанность критики, прежде всего сибирской. Василий Иванович Казанцев не дожил трёх дней до восьмидесяти шести лет (1935 – 2021). Для поэта жизнь на зависть долгая. А так ли уж баловала его судьба? При жизни по достоинству ценили его немногие.

Столичным борзописцам в 60-е годы его лирика казалась несовременной. Его экологического беспокойства не расслышали. И путь поэта, перемены в стиле – тоже не увидели. Писали только о ранних стихотворениях, убеждая себя, что эволюции-то в манере Казанцева нет. Каким пришёл, мол, таким и уходит. Поэт, мол, отстранён от основного литературного стрежня, обходит главные темы – научно-техническую революцию и сталинские «перегибы». А отца-то его расстреляли в 1937 году! Понуждали к газетным возгласам, а он писал по-тютчевски. Отчасти, в духе позднего Заболоцкого. Вот эту критическую глухоту простить никак нельзя.

И к какому направленью отнести его – тоже было не ясно. По происхождению, вроде бы, - к «деревенщикам», но где картины села? Да, Василий Иванович Казанцев родился в маленькой деревне Таскино Чаинского района Томской области в крестьянской семье. Окончил Томский университет, по филологии, работал в школе и газете. В Томске, в 1962-м году, вышел сборник его стихов «В глазах моих небо», с которым он и принят был в Союз писателей. Следом выходят: «Лирика» (1962), «Прикосновение» (1966), «Поляны света» (1968), «Дочь» (1969), «Русло» (1969), «Равновесие» (1970), «Прощание с первой любовью» (1971), «Стихи» (1971), «Талина» (1974), «Порыв» (1977),

«Дар» (1978), «Выше радости, выше печали» (1980), «Свободный полёт» (1983), «Рожь» (1983), «Прекрасное дитя» (1988), «Стихотворения» (1990), «Новая книга» (200), «Смысл» (2000), «Счастливый день» (2004). А затем – «Избранное» (Томск, 2011). В. Казанцев на успех не нацелен, и «шума времени» как будто не слышит. И пишет, кажется, всё об отошедшем.

Меж пшениц, меж овсов, меж кустов утомлённых лежит
Полевая дорога, кривится, в низину сползая.
Равномерно качаясь, коса мне плечо тяжелит.
Тяжело на косьё опустилась рука – как чужая.
Убывает, сужается света вдали полоса.
Над полями заглохшими месяц встаёт круторогий.
Наливается мглой, растекается след колеса.
О как памятно пахнет вечерняя пыль на дороге!..

Хорошо узнаваемый национальный образ мира. Это надо подчеркнуть особо. Душа русского человека прикипела к родной природе. И к душе-женщине обращается поэт: «Ты припала к низинной, туманной Стороне смоляной, ледяной. К зеленеющей, сжавшейся, малой – Беззащитной былинке лесной». Но скажут: в каком веке это написано? Разве можно писать о вневременном после бурных камланий шестидесятых годов! И эту полосу надо было пережить. Остаться верным себе, при ограниченном признании, - это совсем не легко. В детстве и отрочестве миром его был Нарым. Он дал душевную закалку, научил побеждать угрюмость. «Оседлать» общую дисгармонию Василий Казанцев, кажется, никогда и не пытался. Да и чем её одолеешь? Криком крики перекрывать? Вон как быстро обесценились вирши-выкрики Вознесенского. Тут впору вспомнить наставления Бунина: всё модное стареет мгновенно.

«Это никогда не надоест – Листьев неумолчное плесканье, Мреющих, бессмертных звёзд блистанье *И*ль, как раньше говорили, звезд». Избыток искусственности выбрасывает жизнь на поверхность, а поэзия в замешательстве. Стихи сразу не шли в ногу с бардовскими и «эстрадными». Они и тоньше, и глубже. А по чувству точнее, искренней. И потому выбор манеры был явно не прост.

Ты пой, как сердце петь велит.
— Но мир такого не расслышит.
— Ты пой, как сердце петь велит.
— Но мир другим живёт и дышит.
— А мир одним, одним лишь, друг,

Одним единственным лишь дышит:
Когда же он чистейший звук,
Звук сердца, счастья звук расслышит?

И неправда, что мир Казанцева недвижен. Путь-дорога – из любимых его образов. Движение он любит и пространство изображает умело. «Я ехал огромной страной. Пространство дрожало, гудело. Как белый огонь, надо мной Тяжёлое солнце летело… Пространство – ревущее – мчалось, Стеной – подымалась земля. Громадное – небо качалось…».

Но его любимые, неброские дороги и тропы требуют тихого созерцания, по ним душа возвращается к себе домой. Из дома шёл «тропой отлогой», а «дороги последние – круты». Наверняка нелегко далось переселение из сибирской тишины в мегаполис: «Я Москвы не увидел сначала. Я увидел огромный вокзал». А привёз он сюда ароматы родной речки Чаи. «Почему же речка – Чая? Потому что цвета чая. В ней берёзовый настой, И смородина, и верба, Сама Родина, наверно, Растворилась в речке той. Я живу вдали от Чаи. Пароход давно отчалил *О*т лесистых берегов. Но со мною запах кедра, Но со мною свежесть ветра, Горький привкус ивняков». И вот с этим нарымским «туеском» – в московские тусовки!? Нет, в них он не участвовал. Не поучал, не урезонивал, никого не ставил на место. И заявок на участие в конкурсах не подавал. И, при его-то скромности, был человеком твёрдых жизненных принципов.

О ранних стихотворениях В. Казанцева проницательно высказался ещё в начале 60-х И. Фоняков: «Предмет его поэзии – глубинные, тонкие, подчас неуловимые движения человеческой души. Тонкие – но не мелкие, неуловимые, но не маловажные. Как часто ”мелочи жизни”, попав в поле зрения стихотворца, остаются всё-таки мелочами! Рождаются многочисленные стихи-частности, вызывающие справедливый упрек в мелкотемье. Не то – у Казанцева. Поэт убеждает нас в серьёзности и значительности того, о чём он пишет: “Он в руки ей давал тетрадку, Она тетрадь брала из рук. И разговор их пальцев – краткий, Как замыканье, - вспыхнул вдруг. И удивленно друг на друга Они глаза перевели. Глаза мгновенно голос рук их *Н*а свой язык перевели. И только самый совершенный *И*з всех возможных языков, Язык словесный, совершенно Был к переводу не готов”... Вопреки мудрым критикам, советовавшим остерегаться смелых оценочных эпитетов, берусь утверждать, что Василий Казанцев – один из лучших лириков своего (нашего!) поколения».

Василий Казанцев был самым молодым из первых членов томского отделения Союза писателей, а их для открытия областного отделения надо было набрать не меньше пяти. Вспоминает С. Заплавный: «Время показало: Василий Казанцев действительно обладает особым поэтическим даром, и дар этот по достоинству оценён многими крупными писателями и критиками. На взгляд Кожинова, Казанцев “стал тем поэтом, без которого нельзя представить … современную поэтическую культуру”».

Да, Вадим Кожинов включил стихотворения сибиряка в сборник «Страницы современной лирики». Поставил в один ряд с крупнейшими поэтами-традиционалистами послевоенного времени. Вот этот ряд: Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Владимир Соколов, Глеб Горбовский, Алексей Прасолов, Анатолий Жигулин, Станислав Куняев, Анатолий Передреев, Алексей Решетов, Олег Чухонцев, Эдуард Балашов. Охотно сопоставляли Казанцева с Рубцовым, не замечая, что общее у них только материал, а в осмыслении бытия они расходятся. Рубцов был обречён на слом в «бурливом веке» и сам чувствовал эту обречённость. В. Казанцев знал и верил: чтоб жить здесь долго, надо заглядывать за горизонт, надо верить в коренное, самое важное для Земли. Кожинов первым отнёс стихотворения сибиряка к традиции философской поэзии. И сказал о сомнительности понятия «тихая лирика». Оно, скорее, от беспомощности критики. «Но, если окинуть единым взглядом все собранные здесь стихотворения, они отнюдь не оставят ощущения какой-либо “тихости”». И ещё неожиданный вывод: В. Казанцев преодолевает противоположность крестьянской и дворянской поэзии. Такой уж у него «ландшафт души»: «Долетает лишь отзвук, лишь отзвук, Что и тоньше и чище, чем звук». Кредо это кажется несовременным Поэзия, казалось бы, давно ушла от этой культуры полутонов. Ушла… оторвалась и от песни-музыки, и от живописи. Или нет – вот же вернулась, снова у себя дома.

О здравствуй, здравствуй, лес свистящий,
О здравствуй, здравствуй, лес пищащий,
Рокочущий и шелестящий,
Лепечущий и говорящий,
Щебечущий и свиристящий.
Лес плещущийся, лес блестящий!

Стихотворение с неподдельно детским чувством написано в позднем возрасте: 2008 год.

Известный филолог М. Пьяных, специалист по Серебряному веку,

укрупнил классическую линию в стиле поэта-сибиряка: «В лирике Казанцева особенно ощутимы традиции Тютчева, связанные с проблематикой “двойного бытия” человеческой души: дневной и ночной… В этом отношении знаменательно название книги стихов “Порыв” (1977), в которой поэт готовится к душевному порыву к “двуединой высоте”, но одновременно и сдерживает себя, боясь нарушить напряжённое душевное равновесие и оторваться от предметной, чувственной реальности жизни, грубой вещности земной... настоящие стихи большого поэта»; «Он не многословен и удивительно по-стариковски тих…».

Твердили: стихи Казанцева просты. Но вот одно из самых странных стихотворений – о войне:

ОДИНОКИЙ СОЛДАТ

В нахмуренной чаще глубокой,
Где ели прямые стоят,
В землянке, во тьме одинокой
Живёт одинокий солдат.
В еловой глуши затаённой,
В насупленном хвойном кругу,
Он держит один оборону –
Умрёт, но не сдастся врагу.
Над лесом гроза пролетает,
Рокочет, гудит высоко,
А он, непокорный, не знает,
Что фронт отступил далеко.
Над лесом гроза умолкает
Глухая стоит тишина,
А он, непреклонный, не знает,
Что кончилась в мире война.
Что в тесной землянке лежит он,
Где так непроглядно темно,
Что прочно землёю укрыт он,
Что умер, что умер давно.

Простота эта прошла искушение сложностью. Голосом солдата говорят природные стихии. И благополучие мира обусловлено равновесием стихий – таков философский подтекст в лирике Василия Казанцева. И сюжет стихотворений больше в подтексте, чем на поверхности. И, хотя держится он на повторах и контрастах, главенствует принятие мира. Грусть, конечно, есть, но это чувство без-

гранично длящейся жизни. Редкое у торопливых современников, и потому нелегко им войти в мир Василия Казанцева, в его высокую отрешённость. А некоторые критики укорили поэта как раз за это – за «олимпийскую» отстранённость от своего века. Но поэт отбрасывает эти надуманные доводы: «Слов чистейших вещество *Н*е из чистого колодца Или там ещё чего, А из воздуха берётся». Философская лирика без назойливой метафизики.

«Мудрость» – слово забытое. Нынешний «цивилизованный человек» сформирован в отвращении к ней. Откуда же взяться философской лирике при такой-то беспочвенности? Вот она и кажется несвоевременной. Да ещё и «Восторг бытия» – сборник стихов, один из последних. В стихотворении «Так славно пишешь ты природу…» есть едва уловимая самоирония. Идеальная поэзия – что-то не существующее. Такая пройдёт мимо природы и мимо человека с его страстями. Казанцев, поэт света, видит, как мало осталось в людях доброты. А для него тут смысл творчества. Иначе оно затемнит мир: «…И коль есть в мирозданье ошибка, то во всём виноваты слова!». В старой терминологии, это натурфилософская лирика. Без риторики и без наукообразности. Поэт учит нас ценить каждый миг, но и не забывать о вечном.

Эта лирика, целительная, как озон, - противовес вялым виршам о бессмыслице жизни. И беспочвенному бодрячеству, отучившему чувствовать ухабы на дороге жизни. Как говорили в древности, долгая память – в тех, кто смотрит из глубины. Стоическая неслиянность с веком – вот лейтмотив. Лирика В. Казанцева – не «залядыванье в глубину», а взгляд из глубины. Поэт пришёл с простой и прочной верой. Вынес её из «глубинки», с нею прошёл сквозь чужой-свой век. Остался провинциалом в столице. Лес, поля и дороги говорят ему то же, что говорили в детстве. И потому в нынешней разноголосице голос его – совершенно особый и узнаваемый. А читатель всегда был, хоть и не массовый.

Взяв в руки «Избранные стихи» Казанцева, хочется повторить слова Фета (по поводу выхода сборника Тютчева): «Вот эта книжка небольшая томов премногих тяжелей». Но юбилеи поэта прошли незаметно. Настоящее открытие его – как не стороннего, а центрального лирика отошедшей эпохи – это ещё впереди.

А. Казаркин

Виль Липатов
(1927 - 1979)

Виль Владимирович Липатов родился в Чите. Отец, из ссыльнопоселенцев, работал в областной газете, мать преподавала литературу в школе. Перед войной родители будущего писателя развелись, и он с матерью оказался в селе Новокороткино Колпашевского района, а в 1941-м — в Тогуре. В городе, названном им «Ромском», Липатов учился в пединституте, здесь, ещё студентом, начал печататься в газетах, здесь сделал и первые шаги в писательство. Повесть «Чужой» (1964) подняла тему советского мещанина и вызвала дискуссию. Она и привлекла внимание к Липатову, а широкую известность дал цикл рассказов «Деревенский детектив».

Обские просторы, таёжные посёлки Притомья, дремлющие захолустные городки — вот она, сибирская картина мира. Создать её мог только человек, здесь сложившийся. С «порядочным куском Азии», по его выражению, – с Обью и Кетью, Нарымом – связаны сюжеты почти всех произведений писателя.

Мелькнёт иногда и подлинное название посёлка: «Любовь в Старокороткине». Моральный облик сибирской глубинки, духовный потенциал её — всё это давно просилось в литературу, и вот выплеснулось, стало узнаваемым. Приобье, Притомье — это мир Виля Липатова. Лучше всего удавалось ему описанье нравов сибирского посёлка, оно не лишено элегического звучанья, и здесь перед нами, кажется, традиционалист-«деревенщик». Поначалу писатель равное внимание уделял быту «медвежьих углов» и конфликтам, порождённым современностью. В литературу он пришёл в эпоху Оттепели, и осмыслял ту же реальность, что и Шукшин, Ю. Казаков или Ю. Трифонов, хотя не достиг такой же глубины.

Работая журналистом, он познакомился с разными областями Сибири. Но «деревенщиком» не стал. Виль Липатов подчеркнул: «О Сибири буду писать долго. Это моя родная, чудесная, таёжная земля». С 1965 по 1967 годы жил в Брянске, а с 1967 года – в Москве, где ра-

ботал специальным корреспондентом газет «Известия», «Правда», «Литературная газета». Здесь, по памяти, написал повесть «Деревенский детектив». И лучшую свою повесть, «Ещё до войны», закончил здесь же в 1971 году. В 1953 году он заведовал отделом писем и культуры в районной газете «Причулымская правда» (Асино); потом, 1951—1957, — в областной газете «Красное знамя». Здесь опубликованы первые его рассказы. И сразу — внезапный и, кажется, необъяснимый взлёт. Журналиста-сибиряка, неизвестного в Москве, приютил Валентин Катаев, редактор журнала «Юность». В 1956 году в этом молодёжном журнале напечатаны рассказы «Самолётный кочегар» и «Двое в тельняшке». Первое время Липатов значился в рубрике «молодые прозаики».

В 1958-м году вышла его первая книга. А в 1960-м году редактор «Нового мира» Твардовский принял повесть «Глухая мята». А настоящую известность принесли писателю директор Прончатов и милиционер Анискин — в этих образах он закрепил социальные типы, каких раньше называли «знакомыми незнакомцами». С 1967 года писатель жил в Москве, тексты выдавал как с конвейера.

Популярность пришла к Липатову с повестью «Сказание о директоре Прончатове» и с романом «И это всё о нём», а закрепил её «Деревенский детектив». Ну, конечно, и киносценарии о милиционере Анискине: «Деревенский детектив», а затем ещё «Анискин и Фантомас», «И снова Анискин». Вышедший в 1977 году роман «Игорь Саввович» популярности уже не добавил.

Внешняя канва жизни Виля Липатова – благополучный функционер. Советский писатель – не географически, по месту жительства, а как раз идейно-тематически. В этом причина его стремительного восхождения на тогдашний литературный Олимп. Он хорошо исполнял заказ власти – на производственную прозу. Соцреалист, но наблюдательный и, похоже, напряжённо думавший. А вопрос о правде жизни, спрятанный в подтекст, для большей части читателей так и не всплыл, не обнажился. Сделать карьеру на правде? При застое общественной мысли? Десять лет лежал в столе роман «Лев на лужайке», в котором автор показал правдолюбца. А когда напечатали, уже после смерти автора, — роман остался незамеченным.

Сценизм обыденной жизни и анализ рабочей среды — достоинство повестей «Глухая мята», «Сказание о директоре Прончатове». Вырубка лесов, темпы добычи нефти и газа... Но нынешний читатель не может отделаться от впечатления невыраженности главного.

Много писали о современности его книг: «время требовало», «срочный заказ эпохи», «пульс пятилетки». Роман этот, «Лев на лужайке», начатый в 1978 году, Липатов дописывал в 1979-м, в больнице, откуда уже не вышел. Виктор Лойша посчитал: в этом романе писатель сводит счёты: «В соцреалисты он угодил позже, на последнем этапе работы. Освоившись в Москве, заматерев и забронзовев, уважать себя заставив, Виль Владимирович взялся за монументальные полотна... Олимпиец Липатов небрежно мстил (!) всем, кто когда-то как-то его обидел...». Журналистика ударная, но малодоказательная. Можно найти в романе искусственность и недоговорённость, но не мстительность.

Проблемы и типы романа «Игорь Саввович» говорят о хорошем знании провинциальной элиты, о попытке критики социальной системы и — об ограниченности этой критики. Герой романа «Игорь Саввович» — молодой человек, увядший на корню в условиях общественного застоя. Талант и молодость в конфликте с административно-командной системой? Но конфликта не видно. А в последнем романе убраны конкретные приметы времени, есть лишь история талантливого журналиста, идущего своей дорогой.

Изредка герои рассказов Липатова чудаковаты, как и у Шукшина. Их обоих интересовал человек, выбившийся из колеи. Тип маргинала, человека социального промежутка, появился в рассказах «Мистер Твистер», «Самолётный кочегар», «Двое в тельняшках», «Зуб мудрости». Тема распада личности, алкогольного вырождения — в основе повести «Серая мышь» (1970). Нравоописание и социальный анализ, ирония и элегия привлекательны в повести «Ещё до войны».

Основа цикла «Деревенский детектив» — сочетание драматизма и иронии в изображении простых, но внутренне неблагополучных судеб. Детективный сюжет — верхний слой, настоящее открытие — парадоксальность поведения, неоднозначность характеров, казалось бы, самых заурядных людей. Через повторы и сопоставление ситуаций автор приближал читателя к пониманию общего советского двойничества. Прозаик наблюдал перерождение советского человека, потребности которого оказались обыкновенными, прозаическими — благополучие, достаток, семейный уют. «Красный мещанин» — фигура, в сущности, гротескная, но сатирической тональности прозаик избегал. Вглядевшись в основную советскую массу, он отметил мимикрию: поведение в малом кругу и в большом коллективе, со своими и на виду у всех, резко различалось.

И в прозе Липатова появилась своего рода жанровая мимикрия. «И это всё о нём» — по внешней канве — детектив, по материалу — производственная повесть, а итог расследования, вывод спрятан в подтекст: ритуал прикрывает реальность, замалчиваемую суть общественных отношений. Морально-психологическая изнанка социализма – то, о чём думать в ту пору было запрещено. За это сажали на «психушку». Есть видимый слой жизни, и есть скрытый. В повести «Глухая мята» дан не столько классический конфликт отцов и детей, сколько разлом в сознании одного человека, усомнившегося в узаконенных идеалах. К этому слою Липатов только притрагивался, до настоящего анализа не доходил. Внешняя занимательность — своего рода отвлекающий манёвр, важнейшее читатель должен был додумать. Автор сделал ставку на запасники анекдота, последнего фольклорного жанра, очень активного в позднесоветское время.

Проза Липатова делится на два типа: производственные повести и романы и социально-психологические рассказы очеркового типа. В первых он больше всего «у времени в плену», в них герои двух узнаваемых советских типов: ударники и приспособленцы-конформисты. Всё-таки он был советским человеком: главную опасность видел в перерождении, в потребительстве. И тут уж главная ставка — на советский энтузиазм. Евгений Столетов, герой романа «И это всё о нём» (1974), погиб будто бы «в результате несчастного случая». В характере Столетова есть книжная идеальность: пока где-то на земле есть несчастные люди, он не может быть счастливым. Он непримирим к недобросовестным рабочим, чувствует себя главным в жизни посёлка. Хотел стать инженером — стал трактористом в глухом лесопункте, но званием рабочего человека гордится.

Так кто же он, Столетов: Донкихот брежневского времени? И каков исток его конфликта с Гасиловым? Гасилов нашёл нехитрый способ эксплуатировать саму советскую систему её же методами приписки и раздувания успехов. Вчерашний уголовник Заварзин задаёт вопрос: «Кто ты, Столетов, что хочешь добровольно больше положенного ишачить?». Ответ — из лозунгов советской эпохи: «Я не буду заботиться о высокой производительности труда, кто же будет заботиться?» Знакомо: если я гореть не буду, если ты гореть не будешь...

Пожалуй, Липатов не столько обличал приспособленцев-обывателей, сколько изображал новые «ролевые игры». К «эпохе застоя» каждый приспосабливался как мог. Конфликт увиден, но насколько

широко он истолкован? Вл. Лакшин восстанавливает (по памяти) беседу Твардовского с Липатовым: «Вот А. Т. прочёл вёрстку повести Виля Липатова „Чужой“ и пригласил его для объяснений. — У вас обширный опыт, — говорит А. Т., — но вам не хватает писательской культуры... — Вы пишете и не переделываете. Всё остаётся, как в первый раз писалось». И сравнил его, сибиряка, с Юрием Казаковым, за которым — фигура Бунина.

Нельзя сказать, что родом писатель из деревни, но он жил в ней, и лучше всего удались ему сельские картины. Переклички с Шукшиным бросаются в глаза. Сельский маргинал, живущий как-то не в своей тарелке, — это у них общее. Правда, надрывного финала жизни, трагического фиаско — этого у Липатова нет. Тема конформизма волновала Липатова. В кулуарах он говорил: «Раньше как было? Каждый монарх считал счастьем для себя процитировать писателя. А сейчас выступает Марков».

Итак, известность писатель получил как мастер «производственной» прозы. Но по-настоящему интересен он подтекстовым анализом скрытых конфликтов эпохи. В. Липатов избежал героизации раскулачивания, не пытался напрямую изображать войну: этот путь обрекал на вторичность. Честные люди вынуждены ловчить – для пользы дела. Уже после смерти писателя столичные критики заметили, что ярко положительный комсомолец Столетов обречён на поражение. Тут встаёт вопрос о конечном результате, об эффективности системы. Итог, вывод: ритуал лишь прикрывает реальность, не меняя сути жизни.

В повести «Глухая мята» дан не столько классический конфликт отцов и детей, сколько разлом в сознании одного человека, глухо сомневающегося в узаконенных идеалах. Есть попытка критики, явно ограниченной, - социальных ролей, но не системы. Мимикрия дала новые образцы отклоняющегося поведения. Повесть «Серая мышь» страшна своей непридуманностью, поминутной фиксацией распадающегося сознания. Многочисленные антиалкогольные кампании не помогли. Виль Липатов и сам знал этот недуг.

Так в чём же главный успех прозаика? Его заинтересовал тип маргинала, человека социального промежутка. Настоящее открытие – парадоксальность поведения, неоднозначность характеров, казалось бы, самых обыкновенных людей. Читатели видели в мире Липатова больше, чем позволяла себе констатировать критика.

А. Казаркин

«Пожить в двух веках»

Борис Климычев

(1930 - 2013)

Проект «Томская классика» засвидетельствовал: в «Сибирские Афины» возвращается литературная слава грани XIX и XX веков. Всё казалось ясно и просто, пока не дошло до современности. Споры начались вокруг наследия Бориса Климычева. Читатели Климычева разделились на два стана: одни восторгаются, другие находят огрехи. Одни перебирают в похвалах, другие недопонимают. Критики же писали большей частью в связи с юбилеями и в тоне панегирика. Это всё о человеке, о внешней биографии, а надо — о художественном мире. «Почему всё так страшно и дико?» — вот какой вопрос задал нам герой романа «Прощаль». И автор подсказывает ответ: «Время — великий жулик». Это, скорее, тоже вопрос, а не ответ.

На склоне лет Борис Климычев сказал: «Мне довелось пожить в двух веках», «...довелось самому повидать многое». Родился до великой войны, увидел развал Советского Союза, и имел право сказать тютчевскими словами: «Во всём величьи видел ты закат звезды его кровавой». Правда, ничего величественного в этом закате не оказалось. Гнетёт вопрос о ложной вере и сломанных судьбах. Мотив прощания с эпохой и выражен странным словом «прощаль».

О своём пути – писатель сказал со всегдашним юмором:

Заполняя длинные анкеты,
Не лауреат различных премий,
Я, не избиравшийся в советы,
Вспомнил, сколько в жизни было терний.
Вот вопросы: был ли за границей,
Знаю ль языки, имею ль степень.
Помню, как мороз в Усть-Куте злится,
Как пылают в Казахстане степи.
…. Воду пил из бочажка, из бочки,
Ночевал по старым баням летом,
В землю я вписал посевов строчки,
Вот анкеты были, так анкеты!

Борис Николаевич Климычев – почётный гражданин Томска, лауреат премии «Мой край родной».

Родился писатель в Томске в рабочей семье, отец ушёл на фронт в начале войны и вскоре погиб. Мать болела, постоянно работать не могла. С 13 лет Борис добывал средства жизни, учился по вечерам в школе рабочей молодёжи. В 1944 году семья переехала в Казахстан, где выжить оказалось легче. Там Борис устроился в геологоразведку и в 1948 году напечатал в местной газете первую заметку о бурильщиках. Потом служил в армии и участвовал в ликвидации последствий страшного землетрясения в Ашхабаде. Там после армейской службы поступил в Туркменский университет, начал печататься в молодёжной газете. В 1963 году вернулся в Томскую область, работал в районных газетах, потом – в областных «Красном знамени» и «Молодом ленинце». Первые книги – стихотворные сборники. Книга «Красные тюльпаны» издана в 1958 году. Со времени литературного дебюта выпустил более десятка стихотворных книг. Был большой перерыв – выбор пути. Сборники следующих лет: «Валторна за стеной» (1976), «В час зари» (1980), «Город юности» (1984), «Ключ любви» (1985), «Своим дыханием» (1986), «Возвращение земли» (1988), «Томские праздники» (1990), «Есть ли в Томске медведи?» (2005). Б. Климычев – единственный томич, чьи стихотворения включены в антологию «Русская поэзия. XX век». Печатались они и в «Антологии сибирской поэзии», а также за рубежом. В союз писателей принят в 1977 году. В 1996—2006 годах был председателем Томской областной писательской организации, руководил юношеской студией «Родник».

Высоко оценил стихотворения Климычева Николай Старшинов: они «живописны и пластичны… наивысшее достоинство их во внутреннем свете, который они несут читателю, в отзывчивости, в доброте, в подлинности переживаний». А вот прозу Климычева так однозначно не оценишь. Величье и уродство ушедшей эпохи — в этом ключ к его романам. О стихотворных его книгах спор всерьёз не начинался.

К прозе Климычев приступил в зрелом возрасте: книгу «Часы деревянные с боем» (1981 год) закончил в пятьдесят лет. Романы написаны на разном уровне, и ничего странного тут нет. Никто не должен писать одинаково, особенно автор, ищущий свою манеру. Видимо, от первой прозаической книги через «Томские чудеса» (1994) и «Мой старый Томск» (1995) путь был не простой. Этапы пути: поэт, журналист и романист. Стихотворец и историк-краевед плохо уживаются друг с другом, и конфликт их углублялся. И вот «Маркиз де Томск» преподнёс читате-

лю захватывающие «страсти-мордасти». По отдельности эти события в Томске, конечно, могли быть, но такое сгущенье, экстракт такой в романе художественно-краеведческом вызывает преткновения. Город-то наш, и люди с такими именами известны, но томская ли это история? Да, сибиряки такие бывают, но не только ведь такие. И не отмахнёшься от «Прощали», где жуткие фантасмагории начала XX века обусловлены сибирским характером. То бишь чалдонской заскорузлостью.

Сибирские критики охотно пишут о его романах, а вопрос о направлении так и не поставлен. О романе «Кавалер де Вильнёв», вошедшем в номинацию «Российский бестселлер», В. Горшенин написал хвалебный отзыв: «Роман многопланов, многоголос, многонаселён. В то же время это достаточно прочно сцепленный, хорошо выстроенный художественный организм, где события и характеры, действия, поступки персонажей и фон, на котором они разворачиваются, находятся в органическом единстве». В журнале «Сибирские огни» Б. Климычев был желанным прозаиком. Владимир Яранцев назвал его «писателем замечательным, ярким, многообразным в своём творчестве... Рассматривая три последних его романа, в которых его необычный реализм достигает определенных высот («Кавалер Девильнёв», «Прощаль», «Надену я чёрную шляпу…»), можно заметить их несомненное единство, позволяющее объединить их в трилогию жизни трёх поколений Томска… Но в целом писатель, по сути, говорит о сибиряках и сибирской породе как уникальной общности, народе, сочетающем в себе суровый характер жителя малоосвоенных земель, резко континентального климата и неунывающее озорство человека предприимчивого, мастеровитого и бездонно талантливого...».

Свой жанровый эксперимент прозаик вёл с 90-х годов, углублял условность до игры в историю. По выражению В. Яранцева, в романах «рождается тот неповторимый климычевский стиль, который делает его романы грандиозными авантюрами в старинном (фольклорном или даже средневековом) значении слова». В них, говорит критик, «положительное и отрицательное, плохое и хорошее слиты так нераздельно, как это бывает только в жизни». Найдено ключевое определение: «грандиозные авантюры». Но «как в жизни». Поэтическое явно подавляет историко-краеведческое начало, крепкое в первых повестях Климычева.

В высшей степени одобрительно высказался о нашем земляке известный писатель Ст. Золотцев: «Старейшина сегодняшней сибиркой литературы Борис Николаевич Климычев за последние полтора деся-

тилетия написал целый цикл романов и повестей, который является, по существу, художественной историографической панорамой не только Томской земли, но и того сложнейшего процесса, что зовётся освоением Сибири...». Эта попытка выйти в ширь истории особенно ценна.

И всё же не только ранние, но и последние книги писателя можно объединить под названием «Томские тайны»: «Любовь и гнев вора Подреза», «Маркиз де Томск», «Сибирский кавалер», «Странные приключения скромного томича», а продолжение, «Надену я чёрную шляпу», рассказывает о дальнейшей судьбе уже знакомого героя Глебика. В стороне – «Мраморная женщина», «Ребро Адама», «Долина рычащего тигра». В этой книге писатель взялся за судьбу «великого кормчего» Мао Цзэдуна.

На томском материале и не без авантюрной приправы написан роман «Корона скифа». Исторические гиперболы в нём не так значительны, на грани возможного. Потомок знатного шведского рода Улаф Страленберг получил бронзовую пластину с изображением оленя, привезённую прадедом из Сибири. Из записок прадеда, участника Полтавской битвы, пленником оказавшегося в томской ссылке, герой узнал о скифской короне, спрятанной где-то в Томске. Улаф решает исполнить волю покойного – найти клад через сто тридцать лет после захоронения. Но вскоре становится ясно, что не он один знает о сокровище, а Сибирь – это очень далеко...

Первое впечатленье: это проза поэтического происхождения. Опыт стихотворца, до определённого момента нужный прозаику, искусителен. Отдаленье от эпохи может вылиться и в сгущенье печали, и в развлеченье. В исторической романистике неуважительное отношенье к истории стало модой. Вместо дотошного исследования — «шутовство истории». Смотреть на уходящую эпоху с иронией — это так понятно. И вот добрый старый Томск оказался населённым кувшинными рылами. «Кавалер Девильнев» — в основе сюжета миражная интрига. Монахиня-хлыстовка (?!) зачала на радении ребёнка. Расхожая легенда о сектантах-христоверах, ни одним документом не подтверждённая. Тут и скопцы, и прочие изуверы в узком пространстве. Есть и разбойное распрямленье раба-художника, и неотразимая притягательность в монастырском блуде прижитой Даши, и тупая давильня государства, которую в своих масонских прожектах хочет преодолеть Девильнев. Его работа над новой людской породой — предмет авторской иронии: европеец-гуманист в тёмной Сибири умер как-то обидно. Очевидно, от запора — объелся черёмухой.

Что русскому пустяк, то «фрянчуженину» — смерть. Но как притягательно это пёстрое полотно!

Да, автор имеет право на вымысел; это всё мы проходили. Но в какой контекст это вписывается? Если преподносят нам «скифскую летопись» (а такой азбуки не было), если всерьёз изображают поход Александра Македонского в Томск или уверяют, что Томск и есть идиллический подземный город Грустина, — тут пора остановиться. А при чём тут Климычев, опять же спросит Некто. А при том, скажем, что не было корон у скифских царей. И с чего бы это Страленберг, первым описавший Томскую писаницу, оставил здесь корону. Он ведь только проехал через Томск. Посетить Томск ещё раз он, пленный, не имел шанса. Изумленье как метод исторического изученья.

Когда желанье изумлять сменилось желаньем понимать? И точно ли сменилось? Э. Бурмакин, ровесник Климычева и коллега по «писоргу», заметил: «Я восхищаюсь прозой Бориса Климычева, посвящённой Томску. И если бы — употреблю современное слово — «раскрутить» его, его книги стали бы бестселлерами. Акунин отошёл бы в сторону». Эталон весьма сомнительный. Фабрика по имени Акунин работает по принципу конвейера. А если искать пример поближе, есть в Сибири свой «маэстро» псевдоисторического романа: А. Бушков. Он — автор книги «Россия, которой не было». Никакие монголы, мол, ни из каких там степей не приходили, это русские князья передрались. Иван Грозный — ещё один фантом, и было их сразу четыре. Вот тут дошло уже до края. И что ждёт поколение с таким историческим «наследием»?

Борис Климычев – мастер сложных перипетий и сюжетных «загогулин». С этим не спорит никто из читателей. «Кавалер Девильнев» — XVIII век в Томске, время «бироновщины». Томас де Вильнев ехал в Россию с надеждой на карьерный взлёт, но его арестовали как шпиона, тайного агента. Выпущенный на свободу он стал офицером, а затем комендантом города Томска. Умный и образованный управитель, романтик, мечтающий добыть философский камень, он полюбил крепостную девушку. Стольник Григорий Плещеев–Подрез оказался в городе Томске, в сибирской тайге…

Материал романа «Поцелуй Даздрапермы» автор знает близко – писательская среда в провинциальном городе. В застойное время город с умственно искалеченными людьми, орущими лозунг «Да здравствует Первое мая!». И тут смысл исторической эпохи – химера, бессмыслица. Всё называется не тем, чем оно является, и почти все приняли это как должное. Вопросы о смысле и бессмыслице, о вере

и безверии никого не бередят. Все живут не у себя дома, не понимая времени. Да, такими мы были недавно. И ещё не подвели итоги, даже не оглянулись, чуть высунувшись из «котлована».

В романе «Прощаль» первоначально как будто действуют люди середины 19-го века, хотя речь идёт о начале 20-го. В сиропитательный дом подброшен младенец, его назвали Николаем Зимним. Роман посвящён Гражданской войне в Сибири, её кошмары укрупнены до предела. В её горниле исковерканы судьбы главных героев – сына сибирского купца и его друга, сироты-подкидыша. Действие происходит в основном в Томске предреволюционной поры и в гражданскую войну. Её кровавый хаос, по-видимому, и позволил автору перемешать реальное и фантастическое. Исторические персонажи: Г. Н. Потанин, ставший президентом независимой Сибирской республики, братья Пепеляевы, верховный правитель России адмирал Колчак. Некоторые картины романа совершенно невероятны и не всегда художественно оправданы. В пору развала белой сибирской армии Колчак будто бы прилетел на аэроплане в Томск и обвенчался с любовницей Тимиревой в Спасске, тогда ещё не Коларове. Но он же венчался в Иркутске, и жена его бежала в Париж от красного террора.

Но кто сказал, что писатель непременно должен быть краеведом? Что вымысел и домысел не дозволяются? Доморощенные критики пытаются вернуть автора в пройденный им этап. Город, мол, наш, и сибиряки с такими фамилиями известны, но происшествий таких быть не могло. Да, сибиряки бывали и такие, как у Климычева. Хотя, конечно, жуткие фантасмагории «Прощали» обусловлены не только «сибирским характером», но и беспечным замахом.

Коля Зимний – жертва истории, предельный случай «маленького человека». Даже погрозить пальчиком, на манер пушкинского героя («Ужо тебе!»), он не может: предельная беззащитность перед свирепым хаосом эпохи. Жуткая атмосфера абсурда, алогичность истории. Тут не с чем спорить: Россия радостно ухнула в национальную катастрофу. Вопрос, однако, в другом: к чему, при столь тяжком материале, надуманные «загогулины»?

Больше всего поражает в «Прощали» соседство достоверных краеведческих деталей и фантастических. Живём-де мы в городе неизмеримой древности: под нами – благословенная Грустина. Баловство? Но и дебилизация молодёжи: после такого пряного чтива реальная история не увлечёт, не заинтересует. Псевдоисторическая развлекаловка вытеснила историческую прозу на обочину. Понятно,

это отрыжки постмодернизма, который в Сибирь долго не проникал. Старый вопрос о правде и вымысле в нём решительно снят. На изломе советской эпохи в мир пришло поколение без истории. Так его воспитали: всё прошлое – небыль, шутовство. Вот такая мода.

А вопрос о направлении так ведь и не задан. Борис Климычев, работавший в районных газетах, «деревенщиком» не стал. К «городской» прозе (интеллектуальной), пожалуй, отнесут его с большим допуском. Романист-историк? Здесь допуск ещё крупнее. Пряно и красочно? Да, авантюры захватывают, потрясают воображенье, от реальности уходят в вольный полёт. Это, конечно, дело вкуса. Но когда пряностей много, а хлеба и воды маловато, на таком пайке долго не протянешь. А в нынешних условиях разрыва и раздрая одна у нас ставка — трезвость, духовно-историческая взыскательность. Сам же Климычев сказал, что «по большому счёту, в литературе никого не обманешь».

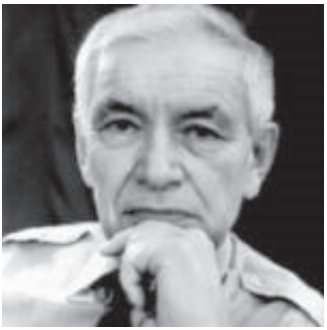
Не упустим главное — момент завершения творческого пути: в романе «Прощаль» балаган сменяется трагедией. Вот, наверно, литературное завещание прозаика, а не саркастический «Поцелуй Даздрапермы». Атмосфера абсурда, жуткая алогичность истории. Центральный символ, футуристическая картина «Прощаль» — символ химерного прожектёрства. Философствовать же ни сам автор, ни герои его не склонны. И религиозные вопросы их совсем не волнуют. Но доктрина человека в его романах, конечно, сложилась, и она отдаёт мизантропией. А для смягченья, для приправы — позиция «папы Карло в костюме антиквара» (В. Яранцев).

Признаю: я сделал крен в сторону гиперкритики. Тест на звание классика — из всех тестов самый трудный. А спор о художественном мире Климычева только начинается. Но я говорю не о стиле Климычева, иногда виртуозном, не о композиции романов, а лишь об авантюрных сюжетных извивах. Что-что, а роль слова в искусстве Климычев понимал хорошо. Может быть, даже фетишистски преувеличивал её, что свойственно поэтам. В этих фантасмагориях, в исторических балладах с обратным знаком преобладают эпохальные монстры и диковинные стыковки. Тут есть о чём думать, есть предмет спора. Его романы издаются в Москве и в Сибири. Это уже немало: значит, не одно только модное поветрие. А теперь надо нам прочитать его заново, если мы хотим понять уходящую реальность. Не сомневаюсь — Климычев настоящий художник, и на вопросы пришедшего поколенья даёт свои, оригинальные ответы.

А. Казаркин

Второе дыхание

Вадим Макшеев (1926 – 2019)



Вадима Николаевича я впервые увидел на одном из семинаров молодых литераторов в конце 1970-х. Он совсем недавно стал ответственным секретарем Томской областной писательской организации. Видел я его только на открытии семинара, потом он работал в секции прозы, а я обсуждался со стихами. Но и при этом кратком общении отметил его внимательные глаза, негромкий голос. Говорил он немного, но по делу, доброжелательно, серьёзно. В то время я прочёл несколько его рассказов о жизни послевоенной деревни. Видно было, что это не просто «на тему», что автор хорошо знает то, о чём пишет. И написано было хорошо.

Какой-то год спустя началось в Томске дело читателей там- и самиздата. Я был в их числе. С работы погнали, на всякие публикации простёрся запрет. Увиделись мы снова через много лет на одном из заседаний «Мемориала». Макшеев стал членом Совета этого общества почти при его создании в конце 1988-го, я несколькими годами позже.

После прочтения повести «И видеть сны» мне открылся другой Макшеев. До этой публикации в журнале «Октябрь» жил в нашем городе автор добротной деревенской прозы. Наверное, он так и писал бы на том же хорошем уровне на ту же тему, если бы в нашу жизнь не вошли перестройка и гласность, если бы не случился прорыв в общественном сознании на рубеже 90-х… И писатель Макшеев словно обрел второе дыхание. На рубеже нового века были изданы книги, открывшие нам новые грани его дарования.

Проза Вадима Макшеева всегда была автобиографичной, но только сейчас он смог рассказать о своем эстонском детстве и последующих трагических событиях своей судьбы. Затем последовал ряд замечательных рассказов, повесть «По муромской дорожке». Написано это было талантливо, и впечатления, воспоминания очевидца обретали всеобщую значимость, за событиями частной жизни вставали события отечественной истории.

Было это теперь уже почти 20 лет назад. Уже под ночь я закончил читать книгу Макшеева «Последнее перепутье» (Повесть, рассказы, очерки. Томск-Москва, 2003). Помню, отложил книгу, погасил свет, но сон не шёл. Вспоминал скупые рассказы мамы, тёти Дуси, тёти Мани, бабы Марфы, переживших насильственное переселение с освоенных земель в дичь и глушь, за Нарым. А растревожила мою память хроника одной крестьянской семьи, названная просто и страшно – «Гонение». Это свидетельства близких автору людей, для которых хождением по мукам стала ссылка из Прииртышья на Васюган. Рассказы ссыльных переданы с максимальной достоверностью. Да и не могло быть иначе. Вадим Николаевич и сам был сослан на дикий север в детском возрасте. Но завершается хроника не проклятьями, а глубоко печальными вопросами: «Зачем всё это было? За что было гонение? Господи, ну за что же?».

Нигде не прорывается ярость, даже та, «благородная». А ведь здесь, на Васюгане, умерли от голода мать и сестрёнка, отец канул в уральском концлагере. Что же, автор простил всех обидчиков, отнявших близких людей? Нет, сегодня просто не до них.

Время собирать камни, вспомнить тех, кто оставил светлый след в душе. Вспомнить родителей, которые не по своей вине ушли так рано. Вспомнить о тех днях, когда все были вместе, о «давнем, сбережённом памятью как нечто трогательное и светлое».

Я написал об этой макшеевской книге. Приведу фрагмент моей газетной рецензии:

«Летом 1940-го отец Вадима закопал возле их последней квартиры в эстонском рабочем посёлке стеклянную банку со своими офицерскими погонами. Он мог это сделать один, но позвал мальчика, чтобы тот знал место. Надеялся, что придёт время, когда не надо будет что-то скрывать и прятать?

Как не скоро оно пришло, это время…Что говорить о погонах русского офицера. В сталинскую пору и даже после смерти тирана надо было скрывать своё происхождение, прятать и хранить в душе самое сокровенное об отце и матери. Он сохранил, и сегодня поделился с нами дорогими воспоминаниями.

Да, сам автор говорит о дымке, в которой расплываются черты дорогих лиц. И всё-таки мы хорошо видим и слышим это ушедшее время. Мы вдыхаем вместе с мальчиком запах паровозного и махорочного дыма на станции и другой, домашний запах – туалетным мылом пахнут сложенные в комоде наволочки и простыни.

Поездка в Таллинн с отцом на маленьком грузовом пароходике пасмурным днём, которому дым из трубы ещё добавляет зыбкой серости. Но можно увидеть ту поездку по-другому: белый пароход, чистое небо над голубым морем, «похожая на маму женщина в шляпе с широкими полями... И мы с сестрёнкой где-то там. И нет впереди ничего страшного».

Но невозможно обратить время вспять и что-то изменить в былом. Можно лишь вернуться памятью в давние дни и годы. Воссоздать прошлое до деталей, так осязаемо и ощутимо – в этом почерк мастера. А может быть, говорит Вадим Макшеев, «это потаённая боль моих родителей, может, это их память продолжает жить во мне?».

Он разглядывает старые снимки. «Возникает во мне ощущение, будто я знал всех этих людей, вдыхал запахи давно исчезнувших мезонинов, дач, отцветших цветов, давным-давно исчезнувших духов...». Автор уже слышит раскаты грома той грозы, которая всё это испепелит. И никто не ответит на этот мучительный вопрос: «Неужели дано быть вместе только раз, один только раз?».

Но есть благодарная человеческая память, противостоящая разрушению и забвенью».

Вадим Николаевич прочитал мой отзыв и сказал благодарные слова. Мы стали общаться больше и говорить подробнее после заседаний комиссии по помилованию при губернаторе области. А на этих заседаниях он постоянно старался вникнуть в судьбу каждого заключённого, обратившегося с просьбой помочь. Помню несколько случаев, когда он заставил нас, коллег, вернуться к делу, которое казалось очевидным, и рассмотреть его внимательнее, проявить понимание и сочувствие.

Бывал я у него в Академгородке редко, но встречались мы сердечно. Доброжелательность его была неподдельной. Надо сказать, кот Вадима Николаевича этой чертой не обладал. Смотрел на меня холодными, недобрыми глазами. Но и вполне обоснованно: я отнимал у него (хотя бы на время) хозяйское внимание. А Вадим Николаевич до последних дней сохранял интерес к тому, что творится вокруг – и в глобальном смысле, и к тому, что происходит рядом: что пишут коллеги, как издаются. Ему трудно было читать, и он расспрашивал о том, что я узнал из новой отечественной прозы. Я представлял ему последние вещи Прилепина, Сенчина, Варламова, Улицкой. Не знаю, насколько мне это удавалось, но слушал он внимательно, кивая, порой переспрашивая, делая точные замечания.

Мы пили чай на кухне. Хозяин выставлял на стол рижский бальзам – он был привезен для него оттуда, из Прибалтики.

В Эстонии, откуда маму и малых детей привезли в Сибирь и выбросили на Васюган, знают имя Макшеева. Знают его «Нарымскую хронику», посвященную памяти эстонских спецпереселенцев – людей, безвинно пострадавших в годы репрессий. О высоком уровне этого повествования говорит то, что «Нарымская хроника» была издана в серии «Исследования новейшей истории» под редакцией А.И. Солженицына. В 2011 году посол Эстонии в России вручил Макшееву орден Креста Земли Марии четвёртой степени за то, что он отдаёт столько времени и сил исследованию и отражению в творчестве этой трагической темы, этих печальных и страшных страниц нашей истории.

Некруглую дату – 92 года – ветеран писательского цеха встретил спокойно, без шума. Встретил в добром здравии (с поправкой на солидный возраст). Но и к этому дню рождения подгадал хороший подарок. В 2009 году в эстонском издательстве «Александра» вышла его книга «Несите ей цветы». В канун 92-летия он получил по почте еще одну книгу на эстонском языке: «Дамоклов меч» (издательство «Таллинн», 120 страниц). Она содержит десять рассказов. Среди них известные нашему читателю «Венчальные свечи», «Прости, отец» и другие.

Помнят и почитают Вадима Николаевича и на васюганской земле, где он прожил два десятка лет, которая поневоле стала второй родиной. Помнят, любят и называют «наш Макшеев». Он – Почётный гражданин Каргасокского района.

Ещё на рубеже 80-90-х годов Вадим Николаевич призвал увековечить в бывшем райцентре Новый Васюган память погибших здесь спецпереселенцев. Люди помнили о той трагедии, но в сложное время начала 90-х, согласитесь, было не до памятников. И всё-таки в конце концов осенью 1997 года такой памятник был установлен.

90-летие писателя было широко отмечено в школах и библиотеках района. Замечательно, что все эти вечера и встречи были ориентированы на подрастающее поколение васюганцев – оно должно знать и помнить горькую правду тех проклятых лет. Для сегодняшних молодых достойная жизнь земляка может стать примером, поможет противостоять той шушере, которая уже окрепшими голосами «учит нас жить», приговаривая: «Хватит о репрессиях! Надоело! Хотим гордиться великой страной, а вы разрушаете её образ!». Кни-

ги Вадима Николаевича Макшеева – наши союзники в противостоянии демагогам.

Творчество писателя автобиографично. Рассказывает Макшеев о послевоенной деревне: о брошенных поселках, исчезнувших с карты Томской области, о людях, с которыми он вместе пережил ссылку, войну и тяготы послевоенных лет. «Я пишу печальные вещи. Такая моя биография. Но страдание, сострадание – это стимул к творчеству», – говорил писатель.

Как-то, отвечая на вопросы, что он любит и ненавидит, о чём мечтает, Вадим Николаевич сказал: «Люблю томскую землю, на которой живу более 60-ти лет. Было за эти годы в моей жизни много печального, горького, но и светлое тоже было… Жизнь с ощущением ненависти разрушает душу. Поэтому заменю слово «ненавижу» на «не приемлю». Не приемлю жестокости, высокомерия, наглости, лицемерия, тупого упрямства. А мечтают в молодости, когда все еще впереди. В моём возрасте остаётся лишь на что-то надеяться. Надеюсь, что жизнь в моей России станет отрадней. Сбылось бы хоть это…».

… У меня на полке несколько книг с дарственными надписями моего старшего товарища-писателя. Там есть разные обращения – «моему давнему знакомому», «собрату по перу». Но с особым чувством я открываю одну из его последних книг «Последнее прости», подаренную мне в одну из последних встреч (сколько «последних» здесь сразу сходится), где Вадим Николаевич написал: «Другу моему Владимиру Крюкову на память эту невеселую книгу. В. Макшеев. P. S. Даст Бог, страшное не повторится».

Вл. Крюков

«Такая моя биография»

Макшеевы – дворянский род. Отец – офицер, участник Первой мировой войны, в Гражданской войне был не на стороне красных, эмигрировал. «Покидая Эстонию, немцы звали русских эмигрантов с собой. Они говорили, что скоро войдёт Красная Армия и бывшим белогвардейцам не поздоровится. А наш отец сказал: “Никуда не поедем. Пусть наши дети живут в России. Неужели с нами будут сводить счёты?”» Отец погиб в концлагере, а Вадим вместе с матерью и сестрой оказался в нарымской ссылке. Вскоре остался сиротой: «красная империя» ликвидировала всю его семью.

Об этом главная его книга. «Всё проходило не по Шолохову. Кто, кроме меня, расскажет и напишет? Это мой долг. Звучит высокопарно, но это так. В “Архипелаге ГУЛАГ” немного написано о крестьянах, всего одна глава. Солженицын объяснил: “Меня завалили рукописями заключённые“. Это была интеллигенция. Люди, которые могли о себе рассказать. Но были тысячи и тысячи людей, о которых вообще никто ничего не писал. И они, крестьяне, сами не могли написать».

Вадим Макшеев состоял на учёте в комендатуре до амнистии 1954 года. В районной газете «Северная правда» опубликовал свои зарисовки и рассказы. В 1960 году Вадим Макшеев, ещё недавно беспаспортный, был принят в Союз журналистов. «Пробовать силы на литературном поприще начал, когда мне шёл уже пятый десяток, и первые мои рассказы были о послевоенной деревне… Но была в тех рассказах и моя затаённая боль о трагедии тысяч несчастных женщин и детей, привезённых с Запада на берега Васюгана». И это качество его памяти особо оттенил Виктор Астафьев: «Неся в сердце любовь и горькую память, Вадим Макшеев высветляет и эту горькую память свою, и сердце. Он, как и я, проживший годы, недожитые родителями, верит, как и я хочу верить, что их ещё надолго хватит».

М. Чудакова, известный литературовед, отметила: «Главное содержание исследования “Спецы” – картина гибели русского крестьянства от рук собственной власти <…> Тот, кто прочтёт эту книгу, уже не сможет, мне кажется, остаться равнодушным к истории своего народа, к судьбам миллионов». Тут можно пожать плечами при словах о собственной власти.

Как сказал сам автор, это о «сибирских деревнях ли, посёлках ли, которым не сказано последнее “прости” <…> Там на крутоярах таёжной реки прошла и моя подневольная юность. Рвался оттуда – не отпускала комендатура, затем не отпускал колхоз, уехал лишь через двадцать лет». Что же помогало выстоять? Память детства и надежда – так отвечает сам писатель: «Усталая зрелость, пролетевшая молодость, горькая юность. И такое короткое детство. Начало жизни, когда нет тоски о прошлом и страха перед будущим, когда бытие кажущееся вечным, безоблачное утро. Пробиваюсь к его свету, теплу, к маминой ласке. Сквозь боль, сквозь годы, которые уже не прожить лучше, безгрешней. Но относит, относит обратно неумолимое время, и нет сил преодолеть его течение».

В Томске в 2010-м году изданы «Избранные произведения» в 3-х томах. Первый том («И мы поедем домой в Россию») – это скорб-

ная элегия, память о безоблачно-счастливом детстве, оборванном инфернальной силой. На фоне семейных фотографий. Том второй: судьбы и характеры ссыльных на фоне природы Нарыма. Книга-исследование «Спецы» – том третий. Его можно назвать ещё исповедальным: в нём «Записки провинциального писателя». Здесь и о печально знаменитом Колпашевском яре, страшная память которого была замолчана партийными инстанциями. Автор поведал: «По свидетельству капитана теплохода, некоторые трупы попадали под бешено вращающиеся винты, кости дробило и разламывало, но большую часть мертвецов волна относила от берега. Завидев с лодки плывущий труп, ликвидаторы подплывали к нему, накидывали мертвецу на шею петлю и выезжали с ним на фарватер. Там приматывали проволокой к покойнику кирпичи и топили».

Достоверность – неоспоримое достоинство прозы Макшеева. Она выигрывает даже при сравнении с солженицынским «Архипелагом», где всё-таки есть преувеличения, - по-видимому, из рассказов и писем бывших зэков. Макшеев говорит только о том, что видел сам. И в этом, не только в документальности, но и в отступлении от канонов литературы, секрет их убедительности.

«Сначала я просто читал документы, потом начал делать выписки, думая написать роман или повесть, но вскоре отрешился от этой мысли: понял, что трагедия тех лет ясно прослеживается в тех самых документах. Решил было просто опубликовать эти выдержки из документов, но потом подумал, что за канцелярскими фразами, разрозненными фактами читатель не ощутит всей горечи, не увидит того, что называется «невидимые миру слезы»... И потому дополнил сухие факты воспоминаниями. И своими, и присланными мне, как писателю, такими бывшими ссыльными». Об этом же, о судьбе эмигрантской семьи, и повесть «Разбитое зеркало»: «К сожалению, приходится объяснять такие простые истины, что прошлое – это урок на будущее, что люди и молодые, и средних лет, и даже мои сверстники, знающие только понаслышке о тех страшных событиях, должны знать правду про массовые репрессии, спецкомендатуры и спецпоселения, десятки тысяч погибших от голода и холода только в Томской области»; «Сейчас настала не менее интересная эпоха, надо суметь о ней написать. Теперь черед других авторов рассказать о своем времени и современниках».

Но не надо думать, что Макшеев умел только свидетельствовать и всё брал из собственной памяти. «Я встретил Вас» – книга исто-

рических очерков. Её героини - Екатерина Первая, Надежда Дурова, Екатерина Дашкова, Марина Мнишек, Мария Бочкарёва, Елизавета Кузьмина-Караваева (мать Мария), Марина Цветаева, Надежда Плевицкая, Анна Керн. Эти женщины оставили свой след в русской истории. Здесь же и о женщинах, скрывавших своё имя под псевдонимами, и о писателях-мужчинах, взявших женские псевдонимы.

Есть много свидетельств личностного, человеческого, влияния писателя на молодое поколение. Валентина Чубковец признаёт себя ученицей В. Макшеева: «Не сломался, не озлобился!.. Мой милый, дорогой учитель!!! Я счастлива, что Вы у меня есть!!! У нас!!!».

Есть справочное издание: «Вадим Николаевич Макшеев: биобиблиографический указатель» (Томск, 2004).

А. Казаркин

Братья Колыхаловы

Владимир Анисимович Колыхалов (1934 - 2009) родился и вырос в Каргасокском районе Томской области. Рано остался без родителей и, вместе с младшим братом Вениамином, рос в детском доме на Васюгане. Об этой труднейшей поре он и рассказал в своём первом романе. После школы строил дороги, работал в геологических партиях на Дальнем Востоке, корреспондентом в газетах. Первая книга рассказов - «В долине Золотых ключей» - напечатана в 1962 году в Благовещенске. За нею последовали ещё три книги близкой тематики – разведка и освоение природных богатств. Они были одобрены на Читинском совещании молодых прозаиков, и с ними Вл. Колыхалов был принят в Союз писателей СССР.

В 1968-м издательство «Молодая гвардия» выпустило его роман «Дикие побеги», принесший автору известность. Роман был сразу включён в серию «Молодая проза Сибири». В 1969 году уже признанный прозаик закончил высшие литературные курсы при Литературном институте, после чего вошёл в состав редакции журнала «Наш современник». Затем вернулся в Томск и в 1978-м был избран секретарём Томской писательской организации. Роман «Дикие побеги», награждённый премией имени Островского, был перепечатан в «Роман-газете» огромным тиражом. С тех пор он не раз переиздавался, включён в антологию «Томская классика». Владимир Колыхалов создал ещё ряд интересных книг, наиболее известные из них – «Июльские заморозки», «Урманы Нарыма», «Кудринская хроника», «Сухой гром». О прозе Владимира Колыхалова оставили благожелательные отзывы Сергей Залыгин, Виктор Астафьев и Валентин Распутин.

Детство оставило особую, саднящую память. Но сразу видишь, насколько хорошо автор знает быт нарымского детдома, как выпукло лепит портреты, чувствует колорит края. По старой терминологии, это роман воспитания, образцов его много в русской литературе. Среда была разной – и дворянской, и чиновничьей, и крестьянской. Здесь основа – образ молодого человека из народа, его душевное

взросление в труднейшей обстановке. Война далеко, но и здесь, в глуши Нарыма, она высасывает все силы из стариков и женщин, даже из подростков.

Сам Вл. Колыхалов так сказал о себе: «Много раз я задумывался над тем, что не будь у меня трудной, полной лишений жизни (голод, война, сиротство) – стал бы я тогда писателем или нет?.. видимо, справедливой остаётся та мысль, что чем труднее судьба будущего художника (в данном случае – литератора), чем больше ударов он пережил, перенёс, тем с большим правом можно считать, что эти невзгоды, лишения пошли ему на пользу…». Конечно, большое значение имели и рабочие специальности, личное становление в нелёгкие 60-е – 70-е годы. Этот жизненный опыт настроил на достоверность, на бытовую и психологическую точность в книгах. Самой значительной из них остался первый роман. В предисловии к нему, изданному в серии «Молодая проза Сибири», Сергей Залыгин, в частности, отмечал, что у Колыхалова «точный глаз, тонкий слух, ясное слово». На взгляд Залыгина, роман имеет большое педагогическое воздействие: «Тот край уже далеко не тот, каким он был совсем недавно. Даже поучительно – как там жили люди до прихода геологов, строителей, пилотов и радистов. И этот недавно минувший быт, недавняя жизнь и как бы предчувствие крутого поворота в жизни переданы в книге молодого писателя Владимира Колыхалова “Дикие побеги”... Книга страница за страницей развёртывает пред нами трудную, сиротскую судьбу Максима Сараева... И мы уже чувствуем, знаем, какой это будет человек. Мы верим в него, догадываемся, что в нынешнем Нарыме это строитель. Строитель городов, железных дорог, а главное строитель жизни».

Эту мысль продолжил Лев Пичурин в статье «Сын Нарыма: «Роман Владимира Колыхалова был одной из книг, восполнявших пробел. Наш суровый Север, Нарым, реки, озёра и болота, остяцкие и русские деревушки, в которых уж для России раз отдали делу защиты страны лучшее из того, что имели, - сибирских мужиков. А тыл, женщины и дети? Автор ничего не выдумывал, ибо он, деревенский мальчишка-сирота, воспитанник Усть-Чижапского детского дома, сам испытал все тяготы своего времени...»

Автор нашёл ёмкий символ для названия: дикие побеги – всходы, одолевающие непогоду. Дикоросы становятся столами, обретают крепкие корни. Роман не просто о трудном детстве, это портрет поколения, а ещё, можно сказать, нарымский образ мира. И читатель

испытывает радость погружения в полузабытый говор, вникает в бесчисленные подробности, известные только северянину. Любовь автора к хмурому болотно-таёжному северу неподдельна и выражена достоверно. Для романа воспитания труднейшая задача – завершение хроникального повествования. Это пороговая ситуация, проверка суровой реальностью. В романе «Дикие побеги» это первая в жизни Максима охота на медведя – испытание охотника на зрелость. Дальше начнётся юность, детство, отрочество – позади.

Владимир Колыхалов подчёркивал, что всегда искал правду жизни. В. Астафьев, увидевший переклички с его «детдомовской» книгой «Кража», высоко оценил умение Колыхалова изобразить души подростков, коллективизм и жизнестойкость северян в тяжкую пору войны. В 1988 году вышла книга «Урманы Нарыма», документально-очерковая по материалу. Здесь – раздумья о родном крае, о ремёслах и жизненном укладе «чалдонов».

Читатель не может не заметить в книгах Вл. Колыхалова точного и любовного изображения сибирской природы. Автор, сын лесника, сказал об этом сам: «Когда я покинул Сибирь и уехал на Дальний Восток, чтобы прожить там пятнадцать лет, то всё, что окружало меня (горы, прекрасный Амур, необычная, пышная тамошняя растительность), - всё это я воспринимал, как ни странно, через своё отношение к Сибири, к Оби. Могучий разлив весеннего половодья, запах ила, свист крыльев утиных стай каждый раз возвращали меня на родную нарымскую землю. Я и писать-то начал под впечатлением тоски о нашем Нарымском крае...»

Нельзя не согласиться и с Вадимом Макшеевым: «Можно сказать, что всё написанное Владимиром Колыхаловым – это своего рода художественная хроника родного края. Начиная с романа «Дикие побеги», в котором автор возвращает нас в тяжёлые сороковые годы, и кончая «Урманами Нарыма», где время действия – годы восьмидесятые». Есть и горечь от увиденного на малой родине. Особенно ясно это чувство в книге «Урманы Нарыма» - о судьбе тайги и старожилов Нарымского края. Без преувеличения можно сказать: самые удачные и душевно тёплые места в прозе Вл. Колыхалова – где речь идёт о тайге и таёжниках.

Самое значительное произведение Вл. Колыхалова, созданное в последние годы жизни, – «Кудринская хроника». Вещь примечательна и по языку, и по историческим деталям, и по психологизму. Основной фон – тайга, и в центре её – охотник-промысловик Хрисанф

Савушкин, человек, легко читавший трудные страницы таёжной книги. Вековые навыки охоты на лося и соболя, давно устоявшийся быт таёжного села Кудрино, в которое врывается новое – буровики с машинами. Сохранится ли тайга, останется ли место для охоты и крестьянской жизни – эти тревожные вопросы сами собой встают в финале. Жизнь охотника и его помощников в тайге – собаки и коня – выписана с любовью и элегией. А вот новый уклад такого лада не сулит. Не репортажным, а щемящим стилем завершает автор своё повествование. И это общий тон крестьянского традиционализма, кустарно названного «деревенской прозой». Последние книги Вл. Колыхалова дают право говорить о его вкладе в экологическую прозу Сибири.

Роман «Когти Дьявола. Тайны томского двора» вызвал неоднозначные отклики земляков. Некоторые посчитали несправедливой критику «томского двора». Обласканный обкомом писатель теперь сводил счёты с этим самым «двором». Хотя в перспективе критики советской элиты это нужное произведение. Оно встаёт в один ряд с «прощальными» Текстами В. Липатова и В. Афонина, посвящёнными тому же материалу.

Писатель избавился от двуцветного изображения человека, на что нацеливал соцреализм. В повести «Тающие облака» изображён работяга (бакенщик) и браконьер со своей философией хвата: «Охраны бояться — рыбы не есть…», «От природы надо взять всё»; «Я вор непойманный, а непойманный — не вор». Но это, скорее, ёрничество, ещё не самая суть его мироотношения. Так жили здесь предки, таков был круг судьбы, теперь разорванный: «Как это так? Мы спокон веку живём здесь, у воды, и мы же не тронь рыбу? Нас штрафовать, а то и в тюрьму сажать? А вот за то, что рыбу в громадных количествах травят нефтью, ещё ни один человек не поплатился…» В повести создан сложный, противоречивый, но убедительный характер чалдона, раздражающий и чем-то привлекательный. Вот она, уходящая натура. Скоро в Нарыме таких не останется, будут ордой нагрянувшие временщики. А уж они-то опустошат край основательно и непоправимо. Сходный мотив был в «Кудринской хронике»: «Как местный коренной житель, Хрисанф Мефодьевич этому радовался. Но и настороженность к новизне жила в нём. И как ей не быть, настороженности, когда где-то рубили и жгли ненароком, из чистого ротозейства, леса, портили реки, озёра. Он был не против вторжения сюда свежих ветров, но хотел во всем видеть порядок, рачительный

глаз хозяина». Здесь опасение выражено резче, определённей. И слово найдено: «безответственность». «Иметь бы вам совесть!» - говорит он покорителям тайги.

Вениамин Анисимович Колыхалов родился в 1938 году в селе Кандин Бор Парабельского района, в семье спецпереселенцев - алтайских крестьян. Условия жизни были невыносимо трудные, и братья потеряли родителей. Стали сиротами, воспитанниками детского дома в селе Усть-Чижапка.

После службы в армии Вениамин перепробовал несколько профессий: грузчик, слесарь, монтажник-верхолаз, ассистент кинооператора, воспитатель в детском доме, корреспондент в газетах. Работал в отрядах геологов, гидростроителей и нефтяников. Корреспондентом побывал на всесоюзных ударных стройках в Сибири. Его стихи и рассказы приняли журналы «Москва», «Знамя», «Сибирские огни», «Октябрь», «Смена». Закончил в 1968 году Литературный институт имени Горького (отделение поэзии). В Союз писателей СССР принят в 1976 году. Автор романов «Тыловики» и «Тот самый яр...», нескольких стихотворных сборников, в том числе для детей.

О семье и трудном детстве писатель говорит с болью: «Я ездил, став взрослым, на Алтай, откуда семью мамы сослали, искал в архивах, писал запросы. Мне отвечали, что раньше документами печку растапливали, может, поэтому ничего не сохранилось. Смутно помню, что меня ещё маленького возили в Бийск к бабушке, кажется, ее звали Раиса, она такого цыгановатого вида была. У мамы я ничего узнать не успел, не спрашивал. Возможно, она в гражданском браке жила. Но когда мы пошли в школу, нас записали на ее фамилию — Колыхаловы. Отец у нас Анисим Иванович Бабинцев. Говорили, что у него был брат — известный железнодорожник, расстрелянный в 1937 году».

Выделим книгу «Парабельская ярмарка: Стихотворения для взрослых и детей». В ней много тёплых слов о малой родине.

Родина моей судьбы – Кандин Бор.
Парабельская тайга – дивный хор.

Подпевают каждый раз небеса.
Широко разносятся голоса.

Поэма «Парабельская ярмарка» – красочная акварель. Боле пышной картины северного народного празднества, нарымского размаха, пожалуй, и не найти: «Важно смотрятся кадушки – Деревянные подружки... Поспеши, честной народ, на болотный огород... Сибиряк бруснике рад, Чтит таёжный виноград». Тут и чалдонский юмор: «Под осинами, берёзами Все друзья растут тверёзыми. Но засолят, подадут – сами к рюмочке идут». Резкий контраст с тоном более поздних стихов, отразившим реалии грани веков: «Обласок. Всплеск весла. Зорька тихая, алая. Радость сердцу несла Моя родина малая. А теперь посмотрю – Всё вокруг скособочено. И ни му, и ни хрю. *Вороньё на обочине. Занимает сосняк Отведённую нишу. Обживает ивняк Обомшелую крышу. Воет ветер – прохвост. Догнивает колодина. Обветшалый погост. Заунывная родина*».

Вл. Чивилихин, сибиряк по рождению, одним из первых похвально отозвался о творчестве младшего Колыхалова: «Вениамин Колыхалов, обладая чутким писательским слухом и острым зрением, очень по-своему видит людей и жизнь. Герои его – сибирские мелиораторы, геологи, строители – делают трудное своё дело хорошо и просто, без громких фраз, но как-то по-особому преданно и со смыслом». Казалось бы, биография наводила писателя на «производственную тему», но она не стала ведущей в его творчестве. Гораздо больше увлекает его недавнее прошлое родного края.

Роман «Тот самый яр…» – о мрачных 30-х годах века минувшего, о страшных событиях, развернувшихся в городке Колпашеве, в то время центре Нарымского края, туго-натуго набитого ссыльными. В 1979 году обвалился крутой обской берег, и обнажились трупы, уложенные слоями. Было приказано размыть берег, и мыли его несколько теплоходов. «Трупы были целые, разной величины». Они поплыли по реке, застревали в кустах.

В 70-е годы старики ещё помнили, что в Колпашеве «была большая площадка, обнесённая высоким забором, там была вырыта яма, куда можно было подойти по специально устроенному трапу. В момент расстрела исполнители находились в укрытии, а при подходе арестованного к определенному месту раздавался выстрел, и он сваливался в яму». Эту яму «чикисты» называли на своём жаргоне «свалкой тюремного мяса». Автор «Колпашевского яра» приводит диалог: «- Ты что кричишь во время выстрела? - Разное... Вот тебе,

сука!.. Получай, контра!..» Повествователь итожит: «Иго внутреннего врага отличалось жестокостью, отъявленным цинизмом». Расстрельщикам ежедневно привозили ящики водки.

Свидетельствует В. Ханевич, сотрудник Томского мемориального музея истории политических репрессий: «На сегодня известны 1400 фамилий, которые были представлены в 1989 году к реабилитации как жертвы Колпашевского Яра. Однако, общая численность людей, прошедших по печально известной 58-статье статье через Томскую и Колпашевские тюрьмы хорошо известна. Это почти 24 тысячи человек».

О красном терроре написано немало, от В. Зазубрина до Солженицына. Вен. Колыхалова заинтересовала психология рядовых исполнителей. Пришедшие «по комсомольскому призыву в органы» «фальшивое сознание принимали за настоящее». Нередко вчерашние палачи, даже из верхнего эшелона, становились жертвами. В 1937 году тройкой с участием главы Запсибкрая Эйхе по сфабрикованным делам репрессировано около тридцати пяти тысяч человек. А потом под эту гильотину пошёл и сам Эйхе, говоривший о «зверином лице» классового врага: «Для какого чёрта, товарищи, отправлять таких людей в ссылку? Их нужно расстреливать». Это конец 30-х годов, когда курс «перековки человеческого материала» был отвергнут. Политбюро выработало лимит на репрессии «по первой категории» (расстрел) и на заключение. «Чикист» Воробьёв чикает «по закону революции» вчерашних друзей.

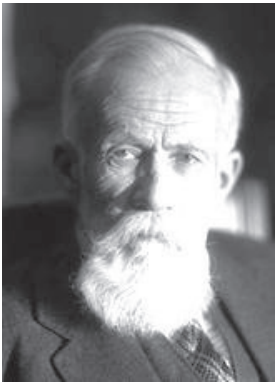
Взгляд на национальную трагедию из двух эпох – очень ценная попытка. Конечно, тему послереволюционного террора не исчерпает никакое произведение. И в отношении к этой теме мы, современники, - расколотое общество.

Отметим: по-разному развивались братья Колыхаловы. Владимир лучшую свою вещь написал в молодости. Вениамин – в позднем возрасте. При очень близком жизненном опыте, жанровый спектр и набор тем у них разный.

А. Кержак

Фантасты

Было бы странно, если бы в Томске, городе первых сибирских вузов, не завелись фантасты. Они здесь жили, формировались, их было несколько поколений. И все в литературу шли от науки и преподавания. Правда, в прогресс верили по-разному, не все были футуристами. Некоторых больше влекло прошлое. Иные уходили в область иносказаний, условной исповеди. Другие хотели по-своему решить старые вопросы о времени и пространстве. И все расширяли горизонты вымысла, границы фантастики. А интерес к ней в мире то возрастал, то падал.



Первый из них – Владимир Обручев (1863 - 1956). Он одиннадцать лет проработал профессором Томского технологического института, с нуля создавал здесь горное отделение. А до этого прошёл десятки тысяч вёрст по нехоженым местам: Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток, Монголия, Тибет. Заметный след – пятитомная «История геологического исследования Сибири», трёхтомная «Геология Сибири», а ещё двухтомник «Полевая геология». И ещё десятки книг, а самой известной стала «Занимательная геология». Из семидесяти книг и тысячи статей Обручева эта книжка для школьников оказалась самой читаемой. А когда выпускник реального училища Обручев выбирал, куда поступать, геологию наукой ещё не считали. Теперь целые разделы её изучают по Обручеву. На всё это подвинула Сибирь – кладовая, безмерная, ни с чем не сравнимая. В Томске сложились замыслы его романов и повестей. Мир перевёл их на разные языки, их читают на Востоке и на Западе.

Геологическая система Сибири! Долго-долго ни у кого не получалось описать её. Найди древнейшие пласты, доосадочные – вот точка отсчёта. А дальше этажи, ступени напластований. Потрясающее открытие той поры – движенье континентальных плит. Догадку об этом высказал немецкий геолог Вегенер, но идею бродячих тектонических плит стали высмеивать. Чтобы континенты поползли по планете, - что, мол, за бред! Так рассуждали преподаватели со званиями. А самый молодой профессор Томского технологического, автор уже

нескольких книг, заявил, что тектоническая гипотеза многое объясняет. В эти же годы его, главного геолога Восточной Сибири, выставили из Томска: Обручев-де политически не благонадёжен.

Неоглядная Сибирь преподнесла много сюрпризов. В бассейне Лены золотая лихорадка собрала десятки тысяч рабочих. Оказалось, выгоднее добираться до глубинной россыпи шахтой и там, под землёй, создавать проходы-штреки. Летом рабочие спускаются во тьму в валенках и полушубках и разжигают там костры. Вот где Золотое дно! Дороговизна там запредельная, а особо дорогой товар – водка. Привозить её запрещено, а для жуликов – навар. Дельцы устраивают свои мнимые штольни возле больших драг и шахт и скупают у рабочих краденое золото. Старатели отдают его за водку. Жулик, скупщик краденого, выдаёт чужую добычу за свою. Добывать из глубоких шахт – мелкому владельцу это не по карману. Прииск его – фиговый листок бесстыдного заведения.

Г. Н. Потанин пригласил молодого геолога в очередное свой путешествие, но смерть жены, верной спутницы в экспедициях, оборвала намеченный маршрут. Пришлось одному, с проводником, почти не знавшим русского языка, пройти Монголию, часть Китая и Тибета. Кто бы мог подумать: пустыня Гоби была когда-то цветущим краем! Откуда крылатые змеи на монгольских знамёнах? Кочевники видели в пустыне устрашающие скелеты ящеров. Гоби крепко запечатала свои тайны, на миллионы лет.

В Томске попал в литературную среду. 1912-й и 1921- й годы – цифры зеркальные: в двенадцатом выставили из Томского технологического института, в двадцать первом стал членом-корреспондентом Академии наук. Вскоре и полным академиком. А ведь главные открытия к тому времени ещё не обобщил...

В Томске написал первую повесть – «На столбах». Она о Красноярских столбах, о любви, о планах на дальнее будущее и о предательстве. А когда был безработным, после отъезда из Томска, захотелось пересоздать книгу Жюля Верна. В ней, в «Путешествии к центру Земли», есть несуразица. Считалось, что Земля – пустотелый шар. Но в центре, конечно, скопились самые тяжёлые металлы. У Жюля Верна к центру Земли спускаются по жерлу вулкана. В «Плутонии» Обручева в гигантской пещере живут монстры-ящеры. Да ещё и пещерные люди нашлись там. Ну, в общем, разные ступени жизни. Забава? Нет, путь к занимательной геологии. Без такой книжки юные сердца не повлекутся к истории Земли.

Привлекательна и северная легенда о Земле Санникова. В Ледовитом океане есть тёплый остров, на него летят весной птицы. Адмирал Толль искал этот оазис жизни, и погибла его группа где-то на островах. Как и в «Плутонии», путешественники погрузились в тёмную жуть и вернулись обогащённые знанием. Читателей у «Земли Санникова» оказалось даже больше, чем у «Плутонии». Забава? Нет, путь к занимательной геологии. Без такой книжки не загорятся юные сердца, не повлекутся фантазии к истории Земли. Собираются лететь на чужие планеты, а свою понимают плохо, поверхностно — не по-сыновьи и не по-хозяйски…

«В дебрях центральной Азии» — ещё один опыт в стиле: пришлось ввести приёмы приключенческой повести. А в основе-то своё, личный дневник путешественника. Чуть-чуть задел китайские предания о кладоискателях, чуть-чуть древние мистические страшилки. Хорош материал у Пржевальского и Певцова, но о читателе они не думали. А самый главный читатель — какой он? Молодой, его надо уметь завлечь. Он ищет как раз то, чего учёные мужи боятся, - «сгущения красок», смертельно опасные ситуации. Вот и понадобились заманки: «Возьмите это сочинение, - сказал мне старик, - жена моя по-русски неграмотна и у неё тетрадь пропадёт. А вы, может быть, найдёте в ней интересные вещи, поправите и напечатаете рассказы о том, как Фома Кукушкин в пустынях Азии искал и находил клады». И главы: «Воскресшие рудокопы старого рудника», «Клады в развалинах древнего города Кара-ходжа», «Клады в городе Нечистых духов», «Клады в мёртвом городе Хара-хото», «Сокровища храма Тысячи будд».

Тектоника Сибири по-своему ответила на вопрос: что же такое северная Азия. А для этого пришлось пройти тысячи вёрст по пустыням, по горам, по тайге. Дал Бог здоровье и выносливость. Девяносто три года прожил – век без малого. Удостоен высших наград, трижды лауреат государственной премии. Но для мира важны не медали и звания, а открытия.

В двадцать лет пришло юношеское разочарованье: «Шуми, вечное море, шуми! Моё счастье, моя жизнь уже отшумели». Казалось, поздно родился, всё важное уже открыто. А это как горизонт: шагай — и он отодвинется, взойди на гору — даль необъятная. Рассказы и повести писать начал тогда же, в двадцать лет, а первый фантастический роман выпустил только в шестьдесят.

Обида юности прошла быстро: есть ещё на Земле места, где нога

геолога не ступала. А после двухгодичного путешествия — почти одинокий путь через Китай в Тибет — пришла мировая известность. Четырнадцать тысяч вёрст пешего хода с геологическим молотком! Семь тысяч образцов, и среди них больше тысячи отпечатков ископаемых животных. Поражались коллеги: вот везунчик, удача за удачей. Баловень судьбы! А вы попробуйте пройти окаменелую пустыню вдвоём. На южной окраине Гоби ураган гальку по земле катит. Вот и задумаешься о стойкости жизни.

Что показывают окаменелости? Жизнь на Земле длится три с половиной миллиарда лет. Ну, в архее смотреть не на что, а вот дальше стоит заводить машину времени. Застывают расплавленные граниты и базальты, основа земной коры. Дальше начнётся отложенье осадочных пород, тут геолог найдёт себе занятие. Протерозой — примитивные водоросли, сине-зелёные. И бактерии были, конечно, но они видимых следов не оставили. Хотя нет, как же, а железная руда-то! Залежи её — след их работы. Железобактерии отделяли рудные массы, создали запасы для человека, а он появился через полтора миллиарда лет.

Странное дело, окаменелости подстёгивали фантазию, устремляли мысль в иные пределы. Недоброжелатели шептали по углам: в детство впал от величия, в фантастику ударился. Зачем-де геологу фантастика? А лететь в архей, в начальную пору Земли, ведь не решился ни один писатель-фантаст. Четыре миллиарда лет прошло, никаких следов его на поверхности. Кипит лава, тяжёлые металлы вглубь опускаются, потом будут выходить наружу через вулканы. Потом осадки вздыбятся, и морское дно станет горным хребтом. Потом каньоны разрежут горные цепи, и кое-где можно заглянуть вспять на миллиард лет. Урал, например, был высоченной горной цепью с вечными снегами... Учёному от фантастики один, мол, вред. Как бы не так. А что вы можете сказать об ядре Земли? Как оно формировалось, как отделялась мантия - тут мы гадаем.

Основной мотив в прозе Обручева – путешествие. А путешественником он был страстным и отважным. Перемещение в пространстве оборачивается, однако, путешествием вор времени. И этот мотив подсказала историческая геология. Да, история Земли волновала сильнее всего. Её страницы — в десятки миллионов лет, главы — на миллиарды. Геологи уходят в далёкое прошлое, а фантасты — в будущее. Но академик Обручев, уравновешенный долгожитель, в будущее не заглядывал. Толи опасался, толи мыслил слишком предметно. В отличие от фантастов последующих поколений.

С Томском связаны первые творческие опыты Александра Петровича Казанцева (1906 - 2002), известнейшего писателя-фантаста. По окончании Томского технологического института он работал инженером-механиком и изобретателем в научно-исследовательском институте электромеханики. Дебютировал в фантастике в 1930-е годы со сценарием фантастического фильма. Этот сценарий («Аренида») лёг в основу романа «Пылающий остров». Роман опубликован в 1940-е годы, исправления и дополнения – в 50-е, 60-е и 70-е. Литературный путь Александра Казанцева оказался продолжительным – более 60 лет. С первых месяцев войны писатель в армии, был командиром спецчасти, сделал несколько изобретений, важных для обороны, стал главным инженером военного завода, ставшего научно-исследовательским институтом. Участвовал в тяжёлых боях в Крыму, инженер-полковником вошёл в Будапешт и Вену. После войны участвовал в экспедиции к месту взрыва метеорита в Тунгусской тайге. Там возник замысел книги «Гость из космоса». Совершил два арктических рейса на ледоколе, и это дало материалы для нескольких романов – «Арктический мост», «Мол „Северный“», «Полярная мечта», «Льды возвращаются». Их назвали фантастикой ближнего прицела. Есть в них и черты «антиимпериалистической» фантастики.

Особенно спорной выглядит социальная фантастика Казанцева, отразившая дух «советской эпохи». «Пылающий остров» – остросюжетный роман об опасности некоторых открытий, если они попадут в руки маньяков. Предостережение от ошибок изобретателей, пророчество о конце света, о планетарной катастрофе. Американский учёный Фредерик Вельт посвятил свою жизнь поискам формулы, позволяющей за считанные месяцы погубить всё живое. «Пылающий остров» переписал 14 раз. Вырабатывал свой стиль, искал свой путь в научной фантастике. Один из вариантов больше года печатала «Пионерская правда», газета с многомиллионным тиражом.

Не все романы и повести Казанцева можно отнести к фантастике «ближнего прицела». Наибольшую известность принёс ему роман «Планета бурь», экранизированный в 1962 году. Роман «Фаэты» –

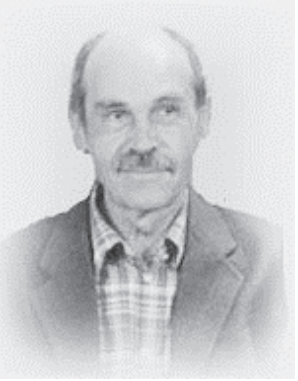
о гибели пятой планеты Солнечной системы от ядерного взрыва, о судьбе уцелевших потомков. Пространство и время в фантастике – особая статья. Время действия в романе «Фаэты» – сотни тысячелетий, а время действия – вся Солнечная система. Планета Фаэтон, говорит автор, погибла по из-за беспечности и самоуверенности. На её месте – пояс астероидов. А на Земле – десятки гипотез. Произошёл термоядерный взрыв океана – вот к чему может привести упоение линейным прогрессом. «Внуки Марса» – гипотеза о происхождении человечества в солнечной системе. Дилогия «Возвращение в грядущее» состоит из романов «Тайна нуля» и «Донкихоты Вселенной». Размышление о возможности межзвездных полётов со скоростью, близкой к световой, при которой течение времени замедляется тысячекратно. В духе «реалистичной фантастики» предсказал (в книге «Льды возвращаются») несколько изобретений и возможность их использования в международном терроризме. Как предостережение написана дилогия – книги «Озарение Нострадамуса» и «Ступени Нострадамуса».

В спорах о путях советской фантастики инженер-исследователь и писатель Казанцев занял консервативную позицию: фантастические повествования должны быть связаны с ближайшими проблемами науки и техники, даже подсказывать изобретения. К «линии партии» он относился одобрительно, «оттепельные» изменения в литературе не принял, к активному творчеству вернулся лишь в брежневское время. В 1981 году писатель опубликовал «Пунктир воспоминаний» – документ о собственной жизни, изложил свои представления о науке и литературе. А.П. Казанцеву принадлежит термин «инопланетяне», и его называют основателем отечественной уфологии. Рассказ «Взрыв», опубликованный сразу после войны журналом «Техника – молодежи» излагает авторскую гипотезу: взрыв в районе Подкаменной Тунгуски – это катастрофа космического корабля, пришедшего с другой планеты. Дискуссии об этой гипотезе продолжались десятки лет, возобновляются и в новом веке. Тема палеоконтактов стала модной после полётов землян в космос.

В конце жизни он писал романы «Сильнее времени» (1973), «Фаэты» (1974), «Купол Надежды» (1980), холодно встреченные критикой. Хотя издаётся он широко, выходят собрания его сочинений, его называют создателем школы советской фантастики. В эти годы Казанцев пробует силы в исторической прозе, издаёт романы «Острее шпаги» (о Пьере Ферма) и «Клокочущая пустота» (о Сирано

де Бержераке). В эти же годы создана дилогия «Иномиры» и романы о судьбе утопистов «Тайна нуля», «Донкихоты Вселенной» и «Спустя тысячелетие». В этом контексте выделяются историко-фантастическая дилогия «Звезда Нострадамуса» и автобиографический роман «Фантаст».

В советской критике можно найти как хвалебные рецензии, та и негативные оценки наследия А. П. Казанцева. Ещё при жизни его обогнали в славе Александр Беляев и Иван Ефремов, а затем братья Стругацкие. К концу века интерес молодого читателя к фантастике «ближнего прицела» угас. Роль писателя в развитии отечественной фантастики бесспорно значительна, хотя мирового признания он всё же не добился.



Манеру Виктора Колупаева (1936 – 2001) назвали гуманитарной фантастикой. Наследие В. Колупаева не так уж велико – три романа, восемь повестей и около пятидесяти рассказов. Но международной известностью он превзошёл чуть ли не всех писателей-фантастов послевоенной Сибири: переведён на английский, немецкий, японский, французский, испанский, венгерский, шведский, польский, чешский, болгарский, словацкий, португальский, сербохорватский, эстонский и молдавский. Как новизну стиля Колупаева критики отмечали сказочность и лиризм повествования.

Виктор Дмитриевич Колупаев родился в Якутии, детство и отрочество провёл в Якутске и Красноярске. А самым родным городом считал Томск. Здесь он окончил политехнический институт и работал сначала в конструкторском бюро а затем в физико-техническом институте, в лаборатории биокибернетики. С середины 60-х пробовал свои силы в томских газетах, а в 1969 году журнал «Вокруг света» напечатал его рассказ «Билет в детство». Печатался журналах «Техника - молодёжи», «Уральский следопыт». В Москве издано его трёхтомное собрание сочинений.

Первый рассказ, «Неудачная экспедиция», напечатал в газете «Молодой ленинец». Из- него, по словам автора, «выкатилась» впоследствии повесть «Фирменный поезд “Фомич”». Широко известный журнал «Вокруг света» опубликовал рассказ «Билет в детство».

Манеру Колупаева высоко оценил его прославленный земляк – А. П. Казанцев: «В рассказах Виктора Колупаева читатель встретится с самой, казалось бы, обыкновенной жизнью, с нашей современностью, со столь близкой мне, былому томичу, Университетской рощей или Лагерным садом, но... Эта обыденность у Колупаева пронизана фантастическими допущениями. И через волшебную оптику вдруг увидится, что всё может быть по-иному, можно найти счастье рядом, оживить, казалось бы, ушедшее... Для Колупаева фантастика не самоцель, а средство изображения действительности, человеческих чувств и стремлений».

Самые запоминающиеся его произведения – «Фирменный поезд “Фомич”», «Качели Отшельника», «Толстяк над миром», «Зачем жил человек?», «Жизнь как год», «Ошибка создателя». Они вне укоренившейся традиции «естественнонаучной» фантастики, в них перемешано реальное и невозможное. Автор говорит, что с самого начала «стал писать о том, что хорошо знал, о самом простом и обыденном, о том, словом, что каждый раз видел тысячу раз». Но порой, конечно, с причудливым остранением, в непривычном повороте. И закончил он свой творческий путь сочинениями, изобилующими знаками современности: «Пространство и время для фантаста», «Безвременье», «Сократ Сибирских Афин».

Чистые фантасмагории, оторванные от вопросов обыденной жизни для него не интересны. «Жилплощадь для фантаста» — текст в тексте, повесть внутри повести. Герой Колупаева, фантаст Приклонов, рассказывает о путешествии во времени. При этом он испытывает настоящие мытарства, отстаивая своё право на жильё, документально уже выданное. На вопрос, о чём его рассказ, отвечает: «про пытку жизнью… про ответственность». Рассказ «Зачем жил человек?» тоже о писателе. Толи он отстаёт от времени, толи оно его обтекает. Что он ни напишет, за него печатают другие. Телепатия, ноосфера в нас и вокруг? Чесноков смиряется с этой ролью литературного донора, не спешит, не бегает с своими рукописями. Судьба текстов его не волнует, важен сам творческий акт. А вот рассказ «Фильм на экране одного кинотеатра», где быт и фантастика неразделимы. Герой видит фильм о себе, о сером прозябании. Это прозрение подталкивает героя выйти из механического круга жизни. В этом и есть сила искусства: даже иллюзией оно воздействует на реальность.

Прозаик вспоминал, что как о фантасте говорить о нём заставила повесть «Фирменный поезд “Фомич”». В действительности же, счи-

тает автор, признание заслужили более поздние вещи – «Толстяк над миром» и «Год, как жизнь». Чем? Философской плотностью повествования. Жизненная реальность темы в них сочетается с притчевостью. Центральный герой, по признанию автора, везде человек одного типа. «Я вполне мог бы сделать героем всех новелл одного человека, но зачем столько чудес на одну простую человеческую душу. А вот однажды в жизни человека чудо должно встретиться обязательно. Оно у каждого своё. У кого любовь, у кого работа, цветы или дети. Чудес не перечесть». Виктору Колупаеву, пожалуй, ближе всех манера Рэя Бредбери. Аркадий Стругацкий сказал даже, что Виктор Колупаев пишет интереснее, чем Рэй Брэдбери. Видимо, это полемический выпад против обвинений во вторичности и подражательности.

Ещё в повести «Качели Отшельника» (1972 год) писатель обратился к традиционный для фантастики теме – экспедиция на другую планету. Оказалось, что у «инопланетной цивилизации» следы земного происхождение, и, следовательно, надо выяснить, кто предки, кто потомки. «Дзяпики» – повесть о межпланетном контакте. Набившая оскомину научно-фантастическая тема. Но есть и актуальные вопросы о последствиях «контакта», их автор опустил в подтекст. Путешественники во времени оказались в каменном веке, в племени дзяпиков. Эти троглодиты подражательно копируют форму поведения членов экипажа. И копируют только плохое, характерное для «эпохи застоя» — ложь, очковтирательство, склочничество. Они подражают командно-бюрократической системе, подхватывают культ «Всеобъемлющей, Непорочной Девы Инструкции». А мы-то уверены, что контакт – это катапульта в чудесное будущее, когда все приникнут ко благам более прогрессивной цивилизации. Как будто наша природа сразу станет другой. После контакта с первобытными людьми исследователи заметили, что сами они «тоже дзяпики… Чуть другие, но всё же дзяпики». Вирус первобытного застоя можно принести домой. О провалах нездоровой современности – эзоповским языком! «Петля времени» задаёт вопрос о смысле прогресса.

«Толстяк над миром» относят к типу романов предупреждения. Толстяк несёт агрессию против Планеты (Природы), и она оборачивается для корабля самоликвидацией. Экипаж не успевает ничего понять. Повесть «Жизнь, как год» автор назвал «фантастическим повествованием», но фантастическое здесь – чудо жизни. Испытание чудом становится проверкой нравственного уровня человека.

Пожалуй, этим парадоксальным сдвигом обыденного и чудесного и привлекательна зрелая проза Колупаева. Не случайно же название одной своей книги он заимствовал у Пришвина – «Весна света».

Итогом многолетних раздумий стала книга «Пространство и Время для фантаста» (1994), вышедшая малым тиражом. В «лихие девяностые» она осталась незамеченной. «Что бы я ни делал, о чем бы ни думал, старая загадка постоянно напоминает о себе, тревожит, радует и мучает меня. И вторым словом сознания (подсознания?), что ли, я размышляю о Времени. О Пространстве и Времени... О быстротекущем времени, о невозвратном времени, о невозможности остановить его или хотя бы растянуть думает, конечно, каждый. Отсюда и печаль, грусть – самые информационные для меня человеческие чувства. В таком состоянии мне хорошо думается... Я не знаю, каким образом Вселенная может выйти из сингулярного состояния. Скорее всего, эта проблема не просто физическая. Но предположим, что скорость фундаментального воздействия начинает уменьшаться и Вселенная выходит из сингулярного состояния. Это происходит не в шуме и грохоте Большого взрыва, а в тихом Сиянии и Славе». Возможное объяснение: мотивировано это ощущением долгого безвременья. Ведь большой спрос на фантастику, не только хорошую, но и среднюю, в первую очередь этим и объяснялся. Зададимся вопросом: состоялась ли томская школа фантастов?

В. Колупаев, руководитель томского Клуба фантастов, воспитал учеников. Таковыми признали себя Александр Рубан, Сергей Смирнов, Татьяна Мейко. Некоторые из них ушли в сказово-игровую прозу, в фэнтези. Только Дмитрий Федотов хочет быть верным духу фантастики. Но вот какого она сорта? У последователей Колупаева есть тихий культ учителя. Но остался ли томский писатель победителем, решившись обнажить конфликт реальности и фантазии? На этот вопрос дают диаметрально противоположные ответы. Нет ли здесь разочарования в науке, шире – в идее линейного прогресса? Грань-столетий-тысячелетий для фантастики время не питательное: разочарование в правоте общества, спазм мысли. Современная фантастика, почти вся, - где-то между жанрами, стилями и типами творчества. Её «новизна» бросается в глаза – эклектика, смешение всего со всем. Большую часть её научной можно назвать лишь с натяжкой: пишут о сверхъестественном, много сказочно-магического. А ещё фантасты нового поколения стали выявлять в человеке срамное и непотребное. Это общее веяние постмодерна, везде и всюду

переходящего меру, границы здравого смысла.

Складывается и быстро рушится мода, что характерно для всех форм массовой культуры. А значит, нужна и элитарная фантастика – для тех, кто хочет мыслить. Но и здесь обнажается противоречие: человек мыслит, как Сократ (так ему представляется), а живёт-то в серой стандартизации. Вот его реальность, не замечать которую – значит оторваться от почвы. Виктор Колупаев задержался как раз на этом. А у его преемников есть и бегство от реальности, и сведение счётов с нею. Фантастика динамична, за одно поколение пересекает недавно найденные границы и бросается в противоположную крайность.

Очень уж безрадостными стали «сны человечества», а прежде были такими сладкими! Молодое поколение упёрлось в мироотрицание: реальность – это, мол, абсурд. Если это не декаданс, то спазм мысли. Во всяком случае, растерянность. Послесоветское поколение ещё не сумело взглянуть на себя критически. К реальной истории оно как бы не причастно, выпало из неё.

При областной писательской организации есть Томский клуб фантастов. В этом «фантадроме» дело поставлено на поток. Приглашаются все желающие, и сами о себе пишут «литературоведческие» обобщения. Здесь фантастика заслуживает звания массовой литературой. Эта гибридная продукция – творчество внешне многообразное, но стилистически одномерное. Тем не менее, нельзя не замечать столь многочисленные тексты. Выродилась и традиционная научная фантастика, и пришедшая ей на смену релятивистская, отметающая все ограничения. В пространство фантасмагории часто заглядывал и Владимир Шкаликов. Его проза, почти вся, под знаком эксперимента. Трудно сказать, чем закончились искания, кроме жанровой и стилевой эклектики. Впрочем, это общий уровень современной прозы – смесь литературной сказки-фэнтези и околонаучной фантастики. И много текстов, о которых можно сказать, что они нулевой художественности.

Дмитрий Федотов автор повестей «Ветер смерти», «Злое золото» (в соавторстве с В. Царицыным), «Огненный глаз Тенгри», «Аберрация», «Транзита не будет», «Они среди нас», «Поединок отражений», «Нужные дети» относит свои произведения к научной фантастике. Правда, большая часть его сочинений – детективная фантастика. О себе Дм. Федотов, врач по первой профессии, говорит: «Участвовал в работе творческих семинаров ВТО МПФ в Минске,

Ялте, Москве. Был участником 9-го, последнего, Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, 1989). Руководил семинаром фантастического рассказа на Всесоюзном фестивале фантастики и приключений “Зелёная планета” (Бийск, 1988). В 1991-1993 годах вместе с членами Томского клуба фантастов и областной писательской организацией выпускал первую в России “Фантастическую газету”, а также сборники фантастических произведений сибирских авторов: “Вполне порядочный мир”, “Сказки Мегаполиса”… первая книга вышла не в 1993-м, как планировалось, а в 2001-м. И не в Томске, а уже в Москве… В 2002 г вышла вторая книга “Ветер смерти”».

Александр Рубан (1955 - 2015) – стихотворец и прозаик-фантаст, всю жизнь проведший в Томске. О своём творческом подходе писатель заметил в свойственной ему игровой манере: «Для литературы я живу. Сочиняю фантастику в прозе и в стихах. Реализмом брезгую». Фантастика для него - искусство, противостоящее давно надоевшему реализму. Он - участник семинара молодых фантастов Сибири и Дальнего Востока (1987). Участвовал в семинарах в Днепропетровске и Ялте. Руководил томской детско-юношеской студией, издавал газету «Штудия». Фантастический мир для его героев – более желанная реальность. Здесь надо выжить, а там можно отдохнуть. Рубан напечатал полтора десятка книг прозы и добился признания у любителей фантастики. Произведения его удивляют пестротой и разноликостью: «Сон войны», «Пещера гнома», «Взаймы у вечности», «Каникулы Творца», «Могила чудес, или Плач по уфологии», «Русский Марс», «Пыль под ветром», «Все имена богини».

«Разархивируйте меня» – так назвал сборник своих стихов А. Рубана. «Может быть, я и впрямь кем-то заархивирован? И на самом деле человек – гораздо больше, чем он занимает места в файловой системе мироздания? Разархивируйте меня! Или вы боитесь, что я – вирус?» В литературе?.. Ирония Рубана близка ко всеядности, прикасается ко всему верхнему и ко всему нижнему. «Я просто реагировал на то, что видел. Это как насморк: простыл — чихнул... Я чихал на реальность, данную мне в ощущениях». Или так:

Что такое глубина?
Это – далеко до дна,
не от чего оттолкнуться
и не видно ни хрена.
Значит, мысль у дурака —
запредельно глубока!

В этом смысле показательны и названия его произведений: «Глумы», «Чистая правда о том, чего не было», «Мироздание по мне», «Четыре четырки». Есть у него и опыты в историко-фантастической прозе: «Весна в Гиперборeях», «Лукреция и Секст», «Феакийские корабли». Иногда фантастика превращается в самопародию. То есть проклёвывается реально-здравое отношение к жизни. Это поле экспериментов, и «гамбургский счёт» здесь ещё невозможен. Время утрясёт и процедит.

Пример Рубана говорит, что фантастика может быть и бегством от мутной современности в пространство мнимостей, и попыткой взглянуть на мир «со стороны». И тут нельзя давать однозначные оценки. В решении реальных жизненных конфликтов мнимая свобода ничем не поможет, и «чистые» фантасмагории вряд ли будут удостоены долгой жизни. Хотя, конечно, схематичное решение не годится для сложного вопроса. Литература становится всё более усложнённой, а жизнь и так уже перегружена сложностью. Однако читателю приходится выбирать из водопада текстов фантастики. После смерти писателя издательство «Престиж Бук» выпустило трёхтомник его сочинений.

Юлий Буркин (родился в 1960-м) – томский писатель-фантаст и поэт-песенник. Окончил отделение журналистики Томского государственного университета, работал в газетах Томска и в Казахстане (Алма-Ата). Свой первый фантастический рассказ, «Пятна грозы», Ю. Буркин опубликовал в 1988 году в Минске (журнал «Парус»), а первую книгу, «Бабочка и Василиск», выпустил в 1994-м. Лауреат журналистской премии «Акула пера». Редактировал журнал «Сибирские Афины». Один из организаторов конкурса фантастики в Томске. Ещё студентом Ю. Буркин написал повесть «Мир вдребезги». Первая книга («Бабочка и Василиск») вышла в 1994 году. Написанный в соавторстве с К. Фадеевым роман «Осколки неба» посвящён группе «Битлз». Увлечение музыкой этой группы сказалось и в дальнейшем творчестве: в романе «Бриллиантовый дождь» – о судьбе популярной рок-группы будущего. Действие романа – конец XXI века. Автор создал ещё несколько произведений с подобной тематикой.

Многие произведения Буркина написаны в соавторстве. «Цветы на нашем пепле» (2000 год) – первый роман, написанный без соавторства. Автор награждён престижной премией «Странник». Юлий Буркин – писатель плодовитый, публикует серии повестей и романов. В жанрах фантастики это не редкость. «Королева белых слони-

ков», «Бабочка и василиск», «Изумрудные росы», «Мама, я люблю дракона!», «Год принцессы букашки» – эти тексты трудно отнести к известному направлению. Это следует сказать и о цикле романов «Остров Русь», «Осколки неба». Заметна зависимость от подиума – рок-бард желает удержать внимание аудитории. Вероятно, здесь сказывается и общий кризис литературы. Юлий Буркин, мастер «тусовочной» литературы», выпускает свои книги вместе со звукозаписями.

Известность Буркину началась с повестью «Бабочка и Василиск» (1991), впоследствии переведенной на несколько языков. «Звёздный табор, серебряный клинок» – атмосферу этого «исторического романа» критик-традиционалист назовёт «вселенской смазью». В XXV веке идёт борьба за престол Российской империи, уже межпланетной. Фракция, желающая свергнуть Рюрика, оживляет барда Романа Безуглова – единственного наследника дома Романовых. Его выкрали цыгане, и он, кочуя с табором, обзавёлся семьёй, у него появился наследник – будущий император. А бездарный Рюрик терпит поражение за поражением. Фантазия не столь уж значительного уровня. Лихой критик тут скажет: Отдыхай, Акунин. Но у Акунина есть иронико-пародийные отзвуки – продукт неуважительного отношения к русской истории. А что такое история для Буркина? У него появляется конферансье, напоминающий булгаковского Жоржа Бенгальского: «А теперь, уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается опус *№ 126*!» Рассказ об опере «Чапаев и Пустота» говорит о зависимости от постмодерниста Виктора Пелевина. Дядюшка Сэм уверял, «что потомкам это крайне необходимо». Сам же автор говорит о стиле книги: «Язык облагороженного подстрочника. Я воспитан на переводной литературе». И добавляет, что в романе «Звёздный табор, серебряный клинок» он «полностью отпустил свои дурные литературные наклонности». Откуда берутся эти «наклонности»? Автор умалчивает о царящем масскульте. «Королева полтергейста», «Бабочка и Василиск» – фантастика ужасов. Этот стиль – «цветы на пепле» русской литературы.

С Томском связано начало творческого пути известного сибирского фантаста Геннадия Прашкевича (родился в 1941 году). Он закончил Томский государственный университет, был активным членом литературного объединения при нём. Любовь к Томску писатель сохранил надолго:

Томск – любовь, звезда, бессмертник,

Смертна жизнь, но не пуста,
Город смертен, вереск смертен,
Даже мастер не бессмертен,
Но бессмертна красота.

В справочных изданиях мы встречаем указание: «Г. Прашкевич – новосибирский фантаст». Но фантастика не может иметь местной прописки, и выражение, скажем, «томский фантаст» – это отдаёт ироний. Хотя и полная безадресность выводит за пределы искусства. Прашкевич очень рано вышел в финал международной премии «Странник», где оказался конкурентом именитых фантастов. На премию выдвинут его роман «Малый Бедекер по НФ, или Повесть о многих превосходных вещах». Он удостоен также международной премии АВС, премии «Бронзовая улитка», «Спираль веков», лауреат литературных премий «Аэлита» и других. Издавался в Магадане, Новосибирске, Москве, Донецке, Харьков. Наиболее известны произведения «Пес Господень», «Секретный дьяк или Язык для потерпевших кораблекрушение», «Ставшие ветром», «Шкатулка рыцаря», «Великий Краббен», «Колонизация сферы Дайсона», «Уроки географии», «Разворованное чудо», «Парадокс Каина», «Носорукий», «Возьми меня в Калькутте», «Кот на дереве», «Война за погоду».

Книги Геннадия Прашкевича изданы в Англии, Германии, в США, Польше, в Болгарии, в Югославии, в Румынии, в Литве. «Разворованное чудо», «Царь-Ужас», «Носорукий», «Кормчая книга», «Теория прогресса» признаны классикой отечественной фантастики. В этом ключе оценивают и другие его книги: «Вокруг Сатурна», Самая холодная звезда галактики», «Грааль бесконечного мира», «Дитя пустоты», «Сила гравитации», «Странник с Земли», «Сделка с космосом». Живёт Новосибирском академгородке.

Геннадий Прашкевич – прозаик разносторонний. Ему удаётся и фантастический детектив, и социально-философская фантастика. Его опыт показывает, что фантастика не жанр, а нечто более широкое. Ведь в ней есть романы, повести, драмы и поэмы. О своём опыте писатель говорит: «Смысл большой литературы помог мне постичь замечательный советский палеонтолог и фантаст Иван Антонович Ефремов. Я переписывался с ним еще в мои школьные годы, работал по его просьбе в Кузбассе, на меловых отложениях, выезжал в знаменитую Очерскую экспедицию 1957 года на Урал. Честно говоря, статьи Ивана Антоновича волновали меня даже больше, чем его фантастика».

Оценивая современность, писатель отмечал, что «научной фантастики в прежнем (классическом) понимании сейчас нет. Причины просты. Работа в этом жанре предполагает обязательность научного, точного взгляда на мир.... Но в 1990-е в СССР произошёл чудовищный слом культуры. На книжный рынок хлынул поток неряшливых безграмотных переводов. Начался уход в мистику, сказку, фэнтези, демонстративное забвение всех научных истин... Рано или поздно жизнь снова заставит обратиться к законам природы и забыть про упырей и оборотней». Да, в советской литературе бросается в глаза мыслебоязнь, и вот – рывок, катапультипрование.

Оперативный простор формальных игр безграничен, и тем строже должен быть автор в выборе формы. Но пишущие инженеры о стиле думают далеко не в первую очередь. Поэтому фантастика остаётся где-то на обочине искусства слова. Историки литературы вспоминают о ней лишь тогда, когда к ней обращаются выдающиеся мастера слова – Булгаков, Платонов, Грин, А. Толстой. Будем надеяться, что такие ещё появятся. Новейшую, «чёрную», фантастику часто, по инерции называют научной. А нового в ней – бестемье и бесстильность.

Кризис в фантастике – часть общего кризиса. Она ударилась о дно, какое сама же и создала, а затем, устремившись в безграничность, покушалась на смысл бытия, на возможность положительной веры. О перспективах её надо рассуждать, лишь имея в виду судьбу литературы. Речь тут о положении художественного слова в мире стандартов и в развлекательной культуре.

А. Казаркин

Текущее настоящее: 21-й век

«Теперь тебе не до стихов, о слово русское родное» – сами всплывают в памяти эти слова Ф. Тютчева. Оценивать литературную современность всегда было трудно, а о нынешних обстоятельствах говорить без стеснения сердца невозможно. Нельзя не согласиться с оценкой современности В. Распутиным: «Это даже не литературный процесс. Это поминки по литературе». Что же, русской словесности больше не будет, искусство угасает? Но можно ли представить великую провинцию Сибирь – обезголосившей?! Будем надеяться, что здоровая эстетическая потребность вернётся.

Некоторые критики смело расставляют писателей-современников по рангам, но вспомним слова М. Бахтина, выдающегося литературоведа: «В оценке своего дня, своей современности люди всегда (!) склонны ошибаться (в ту или другую сторону)». Или завышают оценки, или занижают – по сравнению с потомками. Но и суд потомков должен длиться бесконечно. И первая забота – понимание масштаба, ступенек контекста. И болевых точек эпохи.

Самобытность и провинциализм – в каком они отношении? Повторение пройденного? Но провинциалы иногда ведь побеждали: вспомним судьбы А. Вознесенского и Н. Рубцова. Будет суждение и о нас после нас. И второй вопрос: а что понимать под современностью? Только годы нового века? Отвечают языком авгуров: «плюралистическое состояние отечественного слова». То есть – какофония?

А что с критикой в томской литературной среде? Как-то не видно её и не слышно. Рецензий и тех не стало, простейшего, с чего начинается критика. Раньше хоть читатели присылали письма в редакцию, теперь этого нет. Но возможно ли движение без осознания его? Ведь критика – самосознание литературы, хотя бы и местечковое.

Свой след в региональной критике оставила Римма Ивановна Колесникова (1928 – 2009), доцент ТГУ, автор книг и статей по сибирике. Её критико-исторический труд получил парадоксальное название: «В книге судеб ошибок не бывает» (2005). Потому парадоксальное, что книга эта – о тёмных и трагических страницах литературной истории. Р. Колесникова нашла утерянную повесть Вл. Зазубрина «Щепка» (автор был расстрелян за него). Второе её открытие – истолкование трагической судьбы Фёдора Тихменёва, половину жизни проведшего в советских лагерях. Не то, чтобы его совсем не знали, - она показала судьбу этого организатора советской литера-

туры в Сибири в большом масштабе, в раме эпохи. Исповедальная книга Тихменёва названа «Через непонятное», Римма Ивановна многое в его судьбе объяснила, понимая характер пролетарской революции в крестьянской стране.

Она писала и о классиках сибирской литературы - Шишкове, Обручеве, Астафьеве, и о литераторах двух следующих поколений – Н. Бабушкине, В. Макшееве, Б. Климычеве, В. Казанцеве, Э. Бурмакине, Т. Калёновой, и о совсем молодых – В. Брусьянине, Б. Овценове и других. Достоинство критики Колесниковой – внимание к масштабу, склонность к сопоставлениям. Критику теперь понимают как рекламу. Отбор имён и новейших сочинений – это бесконечный спор, и последней точки в нём просто не может быть.

Заметим по ходу дела: не стало общесибирского литературного сознания. Во всех областях *свои* пишут о *своих*. Красноярские – о красноярских, барнаульские – о барнаульских... А оценки без крупного масштаба – потакание амбициям областных *корифеев*. Для юбилейных докладов это простительно (и то отчасти), но не далее того. Критика, она ведь она полезнее как «жало мудрыя змеи». Иначе – избыток литературщины. Но, даже отсеивая, нередко добиваются однообразия-усреднённости. А что такое пресловутая литературщина? Всё, что прикидывается искусством, не дотягивая до него. Словом, имитация.

И наиболее трудный вопрос: что с поэзией? Читатель не ждёт ни ярких имён, ни броских открытий. Всеобщего интереса к лирике уже нет, отошла она на третий план. И всё же чуть не половина журналов занята стихами. Каково же их качество? Как они выражают своё время? Кто-то спросит: а это обязательно – выражать такое время? А если повернуться к нему спиной? Но что же тогда выражать – вселенскую метафизику? Так она быстро набьёт оскомину. Как, впрочем, и расхристанность, и вседозволенность.

Чем питаться поэту в эпоху безверия? Возможна ли хорошая поэзия, когда умерла песня и нет здоровой музыки? Поэт уходит в игру, облегчённые слова скользят по поверхности. Одни предпочитают мнимую сложность, другие – простоту, которая «хуже воровства». Оставаться в детско-юношеских ассоциациях – ещё не значит быть поэтом. Удавшаяся простота – классическая редкость.

Самое показательное в литературной современности – интерес молодого читателя к ползучему постмодерну. Но постмодерн в Сибири, он весь завозной, совсем уж беспочвенный. Не утончённые

гурманы потянулись к нему, а потребители массового чтива. Проще сказать – влияние попсы. Всё здесь в кучу: мистическое двоеверие, новое язычество и движение вспять. А главное – разрушение почвы-традиции, подкоп под национальный образ мира. Не видно любви ни к природе, ни к человеку, ни к духовным порывам. Отказ от серьёзных задач литературы – вот основа. Вторичность «побеждают» литературной попсой.

Стремительную убыль разнообразия – вот что должна бы отметить критика. Вот общий фон любой областной словесности. Одна надежда: время кого-то укрупнит, кого-то уменьшит. Так будет... если только останутся потребители поэзии. Если она целиком не уйдёт в ёрнические кувырки. А эпоха-то в лоб задаёт тяжёлые вопросы. И довольствоваться малым масштабом нельзя.

Совсем не слышно диалога поколений. А как обрести свой голос без диалога? В столицах, там другая крайность: поедают друг друга и тем завоёвывают «площадки». Поэт ищет своего читателя, а читатель – своего поэта. И самое тяжёлое последствие – в пиар-акциях и рейтингах нивелируется язык. Но такова уж подоплека нынешней массовой культуры.

Валентин Решетько (1936 – 2020) стал известен книгами «Черноводье», «На таёжных тропах», «Тяжкий крест», «Журавлиная песня», «Лавина». Творчество писатель посвятил Васюганью, с которым связано его детство – часть трагической истории советского периода. Он знаток северной природы, её изображал он точно и с большой любовью. Жизненный опыт прозаика разнообразен.

Родился Валентин Михайлович Решетько на берегах реки Васюган в семье раскулаченных. После окончания школы-семилетки уехал в Томск, окончил топографический техникум, работал топографом в Хакасии, в Горной Шории и Якутии. Отслужив в армии, на флоте, учился в Томском государственном университете на юридическом факультете, работал оперуполномоченным в колонии строгого режима. Затем оставил университет и поступил на вечернее отделение Томского института радиоэлектроники и электронной техники, стал радиоконструктором. В оборонном предприятии «Полюс» прошёл путь от техника до

ведущего конструктора.

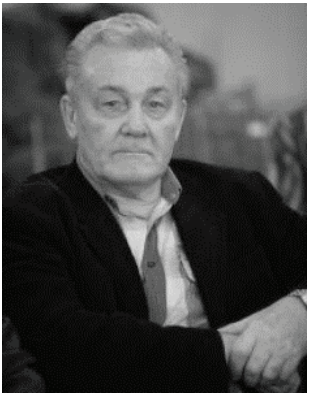
Рассказы о Васюганье он начал писать в конце 1970-х годов. Некоторые рассказы из этого цикла принял журнал «Наш современник». Затем их печатали журналы «Сибирские огни», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Начало века», «Простор». Первая книга В. Решетько, «Тяжкий крест», издана в 1995 году, в 1997 году — вторая («На таёжных тропах»).

Валентин Решетько, родившийся и выросший в посёлке «спецпереселенцев» на Васюгане, сохранил сложное чувство к родному краю. Он пишет только о том, что знает досконально. Мало кто так любит и понимает северную тайгу. В этом отношении, по наблюдательности и точности пейзажных зарисовок, его можно сравнить с Вл. Арсеньевым. Но это лишь фон для изображения жизни ссыльных, которую автор знал с детства. Рассказы и повести Решетько стали исследованием.

«Где же твоя справедливость, Осподи?» спрашивают крестьяне в повести «Лавина». И этот вопрос обречённых остаётся без ответа. Жестокость людского мира отчасти уравновешивает неяркая северная природа. Тяжкая участь – выживание в суровом краю болот и в суровое время (ссылка и война). Но человек ко всему привыкает, и есть заключение-парадокс: «Жизнь в аду страшна только со стороны». И гиблое место постепенно превращается в обжитый и даже любимый край. Автор всюду сохраняет крестьянский взгляд: «Размокла постепенно земля, тяжело обвисли листья на черёмушнике и кустарниках, на которых копится влага и, созрев, прозрачной каплей срывается с конца листа, бесшумно исчезая в травяной подстилке. Сеногной, классический сеногной».

Над романом «Черноводье» прозаик работал несколько лет, хотя хорошо знал материал по семейным преданиям. Название отсылает к топическому сказанию о Беловодии – по контрасту. Роман посвящён раскулачиванию сибирских крестьян и судьбе их, сосланных, в Нарыме. Роман выходил дважды в Томске и был отмечен Губернаторской премией, а затем переиздан в Москве в серии «Сибириада».

Сергей Заплавный (родился в 1942-м) – прозаик, публицист и поэт. Член Союза писателей СССР с 1974 года. Почётный гражданин Томска. Закончил историко-филологический факультет ТГУ, по окончании университета – литературный сотрудник газеты «Красное знамя», затем редактор газеты «Молодой ленинец», старший редактор Западносибирского книжного издательства.



Начинал Заплавный как поэт. В 1966 году вышел его стихотворный сборник «Ступень», а в 1968 году – «Весна сбывается». В начале 70-х опубликовал повести «Музыкальная зажигалка» и «Марейка» (с предисловием Виктора Астафьева). В 1975 году вышла повесть «Земля с надеждой», а затем «Рассказы о Томске» (1980), «Полдень» (1983), «Узоры» (1984), «Запев» (1986). Произведения Заплавного печатались в различных литературно-художественных газетах и журналах: «Молодая гвардия», «Неделя», «Литературная газета», «Наш современник», «Литературная Россия», «Сибирские огни», «Сельская молодёжь», «Урал», «Смена», «Вокруг света».

В Московских издательствах вышли исторические романы «Укрепи мою память», «Клятва Тояна», «Мужайтесь и вооружайтесь!». В 2012-м году в «Библиотеке альманаха «Тобольск и вся Сибирь» изданы «Избранные произведения» Заплавного. Особо выделяются историко-документальные книги Заплавного: «*Рассказы о Томске*», «Неистовый Ростислав», «*Укрепи мою память*», «*Томск изначальный*» (2020). Последней автор дал жанровое определение: «Историческое повествование». К истории Томска он обратился давно, и этот текст завершает предыдущие. Использовано много документов: отписки воевод, царские указы, челобитные казаков. Третья часть книги: «Как Поломошные Сибирь обживали».

Этот путь сам писатель считает основным: «... лишь к пятидесяти годам осознал, что всё это не более чем подступы к исторической прозе, художественное задание которой строится на кропотливом научном исследовании, требует значительно больше сил, времени, труда». Это важно понять на фоне современной профанации исторической прозы.

«Мне чужда та “новая литература”, что вломилась в нашу жизнь на волне рыночного либерализма и псевдодемократии. Она разрушает отечественную культуру мистикой, словесным трюкачеством, агрессивностью, охаиванием отечественной истории, восхвалением иноземных порядков, ценностей, идолов, а главное – крайним индивидуализмом и бездуховностью. Я по сути своей – традиционалист и

надеюсь, что мой читатель смотрит на мир с тех же позиций».

Высоко отозвался о Заплавном Валентин Распутин: «Его “Рассказы о Томске” — художественная и увлекательная энциклопедия родного города, написанная изящно и исследовательски глубоко, которой пользуются и будут ещё пользоваться долго. Отличительная черта этой книги в ряду краеведческой литературы – промыслительная и духовная неизбежность, вместе с исторической, появления и расцвета одной из важных российских крепостей на востоке страны».

Последняя работа С. Заплавного повесть «Возвращение Сибири» - частично опубликована в журнале «Начало века» (2022). Это сплав художественного очерка, исследование-эссе, объединенный сквозным сюжетом. Повествование троится вокруг раздумий о Ермаке.

Сергей Алексеевич Заплавный – лауреат литературных премий имени Н. Островского, Н. Карамзина и В. Шишкова. Лауреат Международного славянского литературного форума «Золотой витязь», действительный член Петровской академии наук и искусств. Почётный гражданин города Томска.

Тамара Калёнова (родилась в 1941-м году) – прозаик и публицист. Окончила историко-филологический факультет ТГУ. Первый рассказ - «Окна розового дома» - опубликован в 1961 в «Сибирских огнях», а через год в альманахе «Алтай» появилась её повесть «Цветы на камнях». Первую книгу – «Нет тишины» (1963-й год) создала ещё студенткой. Вторая книга названа задиристо: «Не хочу в рюкзак», третья – более строго: «Временная учительница». Обе повести напечатаны и в Москве, и в Новосибирске, а «Временная учительница» издана в Берлине на немецком языке. Т. Калёнова, уже принятая в Союз писателей, вскоре издала повесть «Деревянный маузер». После этого она взялась за исторический роман «Университетская роща». Роман переиздавался несколько раз (Новосибирск, Томск, Москва).

Судьбы сибирских ботаников П. Крылова и Л. Сергиевской позволили отразить важную часть истории Томска, проследить становление чтимых в Сибири деятелей Макушина, Потанина, Обручева, Шишкова. Несколько лет Т. Каленова работала ин-

спектором отдела социальной защиты и на этом материале создала документальную повесть «Долгие сумерки». Ряд очерковых книг написала в соавторстве с Сергеем Заплавным: «Крылатый конь», «Тайна Серебряного ключа», «Пятая стихия бытия». Есть тёплые читательские отзывы о её книгах «Временная учительница» (1970), «Деревянный маузер» (1974), «По следу Рыбки» (1986), «А рядом – море» (1988).

О своём подходе Тамара Калёнова сказала так: «С историческими фигурами нельзя обращаться вольно. Писательские догадки должны укладываться в рамки возможной достоверности. Это как бы реконструкция (в художественной форме) предмета исследования по отдельным фрагментам. Если нет реконструкции, а есть слишком много фантазии, это уже другой жанр».

Сейчас говорят и пишут о дефиците положительно начала в жизни. Вперекор нынешним настроениям Т. Калёнова сказала: «Положительных героев много – и в далёком, и в недавнем прошлом; думаю есть и сегодня… И когда произошел обвал эпохи, больше всего меня поразило забвение этих героев, отказ от них. На мой взгляд, это так же подло, как предавать детей. Сейчас в ходу антигерои, уголовники и похожие на них “менты”, “денежные мешки”, дельцы вместо деловых людей…»

Тамара Александровна Калёнова – заслуженный работник культуры Российской Федерации. По рейтингу «Литературной России», вошла в число 50 ведущих прозаиков страны, пишущих на исторические темы.

Витольд Донатович Славнин (1943 — 2012) — археолог, этнограф и прозаик, автор историко-краеведческих книг. Окончил ТГУ в 1967-м году, преподавал в Томском политехническом. Издал книги по истории Томска: «Томск сокровенный» (1991), Томск: от крепости к городу» (1995), «Где твой брат Авель? Из давних полевых дневников» (2000), «Заячий остров». С художественной стороны интересны его рассказы «Шутник», «Куколки», «Самострел на тропе».

Но основной творческий импульс в раздумьях Славнина – предания рода: «По мужской линии мы сибиряки со времён Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, из ссыльных Долгоруких. Вообще семья – наглядный исторический срез заселения Сибири в разные эпохи»; «Я прекрасно знал, что Колчак не только белогвардейский адмирал, но и близкий знакомый деда, прекрасный учёный-океанолог. Отец, в свою очередь, рассказывал, что лоциями Колчака он пользовался,

работая в Севморпути». «Томск сокровенный» был одной из самых читаемых книг про наш город, Витольд Донатович Славнин напомнил нам, сколько поколений замечательных людей тут жили.

«Прадед мой по женской линии был тобольским вице-губернатором, а его двоюродный брат вице-губернатором в Томске». По-своему Витольд Славнин пытался понять наследие областников: «Никто из них не говорил о политическом отделении Сибири. Речь шла об экономической автономии. 50% налогов должны оставаться в Сибири. И всё». Славнин даже мечтал о возрождении духа областничества. Но «Томск сокровенный» стал отзвуком этого этапа сибирской мысли и литературы.

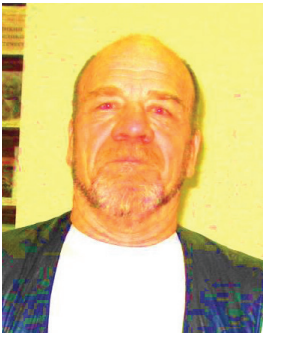
В этой связи интересен Владислав Кулемзин (1938 – 2021) – видный этнограф, оставивший заметный след в сибиреведении. От ранней книги «Ззнакомьтесь – ханты» (а соавторстве с Н. Лукиной) до академического исследования «Мифология хантов», где В. М. Кулемзин руководил коллективом авторов. О своём пути учёный рассказал в книге «Записки этнографа». Есть у него интересные опыты и в беллетристике: «Ни аршином, ни умом», «Чумай – малая родина». О загогулинах русского ума – рассказы «Исповедь», «Надеревенской дороге», «Чумайская ведьма». Самопознание идёт об руку с музой иронии, стык науки и искусства даёт многообещающие плоды.

Галина Ивановна Климовская (родилась в 1933-м) – исследователь и литератор. Окончила историко-филологический факультет Томского государственного университета. Доктор филологических наук, профессор. Автор учебных пособий, книг по теории стилистики. В Москве переизданы «Лингвопоэтика», «Толковый словарь устойчивых словосочетаний современного русского языка», «Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста».

В 1999 году выпустила первую книгу стихов «Светлые аллеи», а через год — вторую: «В разрыве облаков». В 2001 году опубликовала повесть «Синий дым Китая», после нее — повести «Согра» (2002) и «Онка» (2003). А затем романы «Вот и всё…» и «Уфо» (вошли в сборник «Синий дым Китая» (2013). Автобиографичная проза Климовской интересна как

свидетельство эпохи. Она преследует достоверность фона, бытовой колорит. Об этом и говорит автор во вступительном пояснении: « Давным-давно один довольно дальний родственник сказал мне: “Напиши про нас… Про нас никто, кроме тебя, не напишет… А ведь мы были…” Вот и пишу о близких и не близких. Быть может, мне и дан такой долгий век затем, что бы успеть рассказать что-то важное о них и об ушедшем времени».

Вопросом о писательской репутации Климовской никто не задавался: мешает «профессиональное пограничье». Становление филолога не стало предметом её литературного интереса. Куда сильнее память отрочества и юности, открытие мира. Это особенно заметно в повести «Синий дым Китая» (2013). Место действия – Сибирь, события, на первый взгляд, незаметные, но прямо связанные с «совдействительностью», все герои, что называется, из местных. «Но если автору удалось согреть читателям душу тем почти материальным теплом, что идёт и идёт во все времена, даже тяжкие и очень тяжкие, из глубин российской народной жизни, то скажем те же слова, но уже с совсем другим чувством: чай, в России живём!»



Казаркин Александр Петрович (родился в 1941-м году в крестьянской семье) – литературовед, критик, доктор филологических наук, автор историко-краеведческих рассказов. Преподавал в Томском и Кемеровском университетах, член СП СССР. Статьи и рассказы опубликованы в журналах «Сибирские огни», «Наш современник», «Огни Кузбасса», альманахах

«Каменный мост», «Начало века». Автор книг: «Пульс времени» (Кемерово,1985); «Литературно-критические оценки» (Томск, 1987), «Где та земля чистая?» (Кемерово,1988), «Истолкование литературного произведения) (Кемерово, 1989), «Литературное краеведение в Кузбассе» (Кемерово, 1993), «Русская литературная классика XX века» (Кемерово, 1993), «Русская литература и философия Серебряного века» (Томск, 2001), «Русская литературная критика XX века» (Томск, 2004), «Посвящённый от народа. Путь Николая Клюева» (Томск, 2017).

К художественной прозе приступил поздно: «Неотпетый род» (Томск, 2011), «Как открывали Сибирь» (Томск, 2013), «Ермаки-Кучумы. Рассказы краеведа» (Томск, 2018), «Сибирский тракт» (Томск,

2021). Последняя книжка включает две повести – «Кержаки» (по мотивам семейных преданий) и «Тохтамыш–хан, или Орда на закате». Автор из рода староверов – вот мотивировка выбора материала. О кержаках обыватель средней руки рассуждает так: отстали от прогресса, застряли в своём средневековье. А они предчувствовали страшные потрясенья XX века, раскол на верующих и атеистов. Победа безбожников возвращает к жизни апокалиптику. Это основная линия натяженья в XX веке. А недавний распад великой империи сделал актуальной темой закат орды. Эту параллель видят немногие. Здесь автор имеет право сказать себе словами Тютчева: «*Во всём величье видел ты закат звезды его кровавой*». Никакого величия, правда, не было, как и при закате Римской империи, как и при развале орды. А были разрушенные семьи, и море лжи, и самооправдание, и месть вчерашним друзьям. Вот что ещё повторяется: пережившие катастрофу не понимают её истоков, винят кого угодно, только не самих себя и не вождей-ханов. Роль Тохтамыша в развале Золотой орды исключительно велика, но мы об этом и знать не желаем. А сколько во всех русских татарской крови? Вот и автор, татарин на восьмушку, задумался об этом лишь в поздней зрелости. Задумался об очевидном: судьбу свою мы несём в генах.

Николай Серебренников (родился в 1954-м году) – историк, литературовед, поэт и прозаик. Поступил на филологическое отделение ТГУ, а закончил исторический факультет (через двадцать лет после поступления), причём дипломную защищал по истории философии. Работал грузчиком, сторожем, плотником-бетонщиком.

О своём не простом жизненном пути он рассказал в воспоминаниях «Повторение пройденного». Подвергся принудительному лечению за инакомыслие, психиатрическим репрессиям. Об этом – его повесть «Чем жить?». Преподавал литературоведение в Новгородском и Томском университетах, а также в Томском политехническом университете. Доктор филологических наук, профессор, автор книг по истории русской литературы и критики: «Литературная критика: областническая, религиозно-фи-

лософская» (2002), «Опыт формирования областнической литературы» (2004). Редактор-составитель сборников статей и документов: «Шпет в Сибири: ссылка и гибель» (1995), «Хомяковский сборник» (1998), «Дело об отделении Сибири от России» (2002), «Вячеслав Шишков и Сибирь». Участвует в подготовке полного академического собрания сочинений А. С. Хомякова. Библиография трудов Н. В. Серебренникова насчитывает около 300 названий. Основное внимание уделяет коренным основам русской культуры – славянофилам, областникам, почвенникам. Как историк вёл лекции по первобытной культуре, этнологии, страноведению, фольклористике. Председатель издательской серии «Сибирский архив».

Как поэт печатается под псевдонимом Н. Бренников. Автор сборников стихотворений «К морю от медведя», «Апокриф», «Повторение пройденного». Ирония Бренникова задевает многие несовершенства нынешнего мира, включая себя самого:

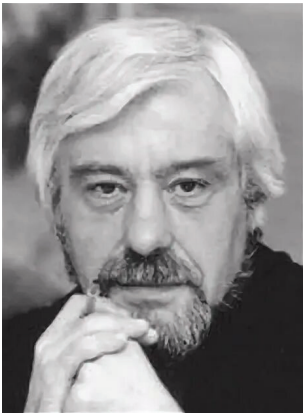
Глаз у меня чёрный,
хлеб у меня чёрствый,
нрав у меня вздорный,
нож у меня острый.
Жил бы себе в пуще,
Спал бы себе в чаще –
полюбили б пуще,
вспоминали б чаще.

Н. Серебренников – автор сборника прозы *«Чем жить?»*, исторической повести о гражданской войне в Сибири *«Дурак*, или Люди лета 1920-го» (отмечена премией журнала «Сибирские огни»), книги «Случайные люди».

Александр Иннокентьевич Казанцев (1952 – 2007), поэт и прозаик, родился в Восточно-Казахстанской области. В 1975-м окончил Томский политехнический институт, специалист в радиационной химии. Студентом вошёл в литературное объединение «Молодые голоса», опубликовал стихи в альманахе «Поэзия». С 1980 руководил литобъединением «Томь». В союз писателей СССР принят в 1984-м, с 1987-го по 1995-й – ответственный секретарь Томской писательской организации, редактор альманаха «Сибирские Афины».

Автор сборников стихов «Стиранные вьюгами поля» (М., 1978), «Рассветное чувство» (Новосибирск, 1981), «Радость и тревога» (М., 1984), «По закону сохранения любви» (Новосибирск, 1984), «Трудный возраст» (Томск,1987), «Из жизни дождя» (М.,1991); «Адамово

ребро» (1997), «Приворотное зелье» (М.,1998), «Ласковая наглость» (2000), «Первый снег» (2002), «Поздний свет» (2005), «Между нами» (2006). Издал сборники рассказов: «Послушницы любви», «Озарения Нострадамуса», «Князь ласковый», «Месть шамана», «Слепой ангел». Написал три книжки для детей. Член-корреспондент Академии поэзии.



Мир А. Казанцева контрастен, часто рядом несовместимые чувства – вера и разочарование: «А когда я ушёл от колодца, Оглушённый сырой тишиной, Вдруг услышал: колодец смеётся – Жуткий смех у меня за спиной». Мир природы – также через страстное переживание. Несовместимые эмоции – основа картины современности:

И в этом диком урагане,
Смешавшем прошлое и новь, -
Костры и водка, и цыгане,
Стихи, Россия и любовь.

А. Казанцев умел выразить чувственную сторону жизни, особенно в теме любви. В ней особенно заметны его взлёты и «пролёты», срывы. Цикл стихотворений о любви называется «Колдунья». «Ты помнишь вешнюю полянку *В* цветочной искренней гульбе, Где кандыки все наизнанку, Лишь бы понравиться тебе». Но из «сети колдовских чар» герой не может освободиться, и сказка завершается несчастливым финалом. Обнажается иллюзия любви, и вот с чем остаётся герой-автор – с одиночеством.

И умиротворённая природа не даёт душе гармонического равновесия, в этом мире поэт мучается в безысходности.

Как осторожный леопард,
Крадется в город листопад.
Уже над сгорбленными крышами
Поднята лапа его рыжая.
А листья падают и кружатся,
И незаметно лето рушится.
Уже который день подряд
Осколки жёлтые летят.

Александр Казанцев несколько лет возглавлял писательскую организацию в Томске. Он саркастически измерил свои стихотворе-

ния: «Нет в них мощи “девятого вала”, Не сжигаются страсти дотла: В них поэзия не ночевала…Преспокойно живёт, *как жила*».

Стихи его не безупречны в этическом отношении, но он добился популярности в молодёжной среде броским стилем, иногда вызывающей тематикой. А. И. Казанцев свёл счёты с жизнью в апреле 2007. Посмертно изданы книги: «Дневник сумасшедшего года» и «История любви».

Михаил Андреев, томский и московский поэт-песенник, написал о своих текстах целую книгу, переизданную несколько раз. Он отметил: «*Меня поёт даже Стас Михайлов*».

Поэт-песенник родился и вырос в Чаинском районе, в селе Подгорном. «Там я 10 классов в школе окончил. Вначале траву косить научился, а потом уже стихи писать... Песня так сделана, что спина выпрямляется, когда она звучит».

Окончил высшие литературные курсы. Автор стихотворных сборников «Лиственный свет», «Подранок», «Фотография на память». Автор хитов группы «Любэ» и «Иванушки-International» говорит о любимых многими песнях «Тополиный пух», «Трамвай-пятёрочка», «Самоволочка»: «Красные рубят белых, белые рубят красных. Но на самом деле — русские рубят русских». Песня «Отчего так в России берёзы шумят» настолько популярна, что авторство её приписывали разным знаменитостям, её исполнявшим.

Свою жизнь признаёт благополучной: «А о чем мне ещё мечтать?.. Я стал членом Союза писателей СССР в 27 лет... Я люблю в меру пофилософствовать, понимая, что поэзия должна быть немного лукавой, артистичной, с элементом иронии или самоиронии».

Но не все стихотворения М. Андреева «хитового» склада. Есть и раздумья, правда, не частые: «Жизнь не идёт сама собой, и мало зрелищ нам и хлеба. Всё неотступней пред душой стоит безвыходное небо». Картины неблагополучие в природе также доступны его вниманию:

Кедровник начисто срубили,
А были кедры хороши,
Когда рубили, говорили,
Что рубят на карандаши.
Дымят встревоженные дали,

Ворчит обугленная даль.
Карандашей-то настрогали,
А что же ими рисовать?

Владимир Брусьянин (1953 – 2000) – творец из крайне оригинальных. Учился на филологическом факультете ТГУ, перепробовал много профессий, но, по отзывам друзей, мог быть только поэтом. Как положено «гению захолустья», нищенствовал. И любил застолья. «*Когда в кармане – ни гроша И гложет голод в голых стенах, Тогда поймёшь, что тленным телом Жива нетленная душа*». Он работал кочегаром в Семилужках и написал об этом памятном селе у начала кандального Иркутского тракта. При жизни Брусьянин издал три небольших поэтических сборника: «Ветви грозы» в 1993 году, «Обрешётка кровли» в 1994-м, «День третий» в 1997- м.

В стране Поэзии состоятельность поэта измеряется горькой судьбой – способностью платить собой за слово высокой пробы:

Я, как нищий с мошной, поползу по дорогам
Чуть заметной букашкой под розой ветров
От порогов, пророков к порокам, морокам,
От крестов до крестов, от костров до костров.
Побреду наугад. Вехи – ветер да вечер.
Край пути – за холмом... С узелком на плече
Я пойду к синеве – ослепительно-вечной
Меж сосновых стволов и стволами лучей
В череде облаков... Дай-то Бог...

Четвёртая подготовленная им книга стихов появилась уже посмертно, в 2001 году. В её выпуске участвовал его друг Владимир Костин, включивший в сборник и старые стихи, и новые из наследия Брусьянина. В. Костин написал о нём: «...увидев раз, забыть эту колоритную личность было невозможно. Он напоминал лося – лося, попавшего на Красную площадь во время парада»; «Разговаривал он только о литературе, о поэзии – о жизни говорил мало, потому что в стихах у него получалось лучше, точнее... Он был подлинным человеком и поэтому большим поэтом. Поэтическое слово Брусьянина узнаётся немедленно, по одной тираде... Он не рвался в победители каких-либо конкурсов или в Союз писателей, ни к наградам

от каких-либо властей – он всегда оставался собой». В его исключительной независимости – вызов, порой в отношении к литературной среде – нескрываемое презрение. «Шепчите разборчивей!.. Плохо – Смотреть на других свысока? По-вашему, тухлым болотом Должна притвориться река?» Он жил поэзией и в ней был самодостаточен. Овладев трудной формой, он тут же стал её разрушать. Жизнь его оборвалась, когда удалось пробиться в столичные журналы.

Ирония Брусьянина коснулась священного для русской поэзии – деревни: «Сивка-Бурка щиплет сено Деревушка на мази. Красно солнышко присело, Чуни хлюпают в грязи». Поэт искал гармоничного разрешения «проклятых вопросов» и не нашёл его.

Да, если деревья полягут,
всю пустошь затянет паршой!..
Нам выпало гиблое время.
По роже не бьют – хорошо,
а плюнут – утритесь газеткой,
и ладушки-лады... Но мне
как быть, если пьяной соседкой
ощерилась Муза в окне?

Но он замечал красоту и в обыденных вещах. И выразил представление о высочайшей роли литературы: «Поэзия достраивает мир». Хотя в его мировидении есть несовместимые начала: «Прекрасное прекрасно тем, что живо... Прекрасное прекрасно тем, что лживо».

Ясно, что в этой лирике отложилось кризисное время, неблагополучное для поэзии. Это неблагополучие – основной мотив лирики Брусьянина: «Что если, стоя в центре – я лишь на шаг от края? Вдруг не гребу к цели – только веслом играю?»

Олег Афанасьев (1939 – 2002) - поэт, актёр, режиссёр. Окончил Высшее театральное училище имени М.С. Щепкина при Малом театре и вместе с однокурсниками поехал поднимать целину Казахстана. Награждён медалью «За освоение целинных земель». В 1961 - 1972-м – актёр и режиссёр Павлодарского театра драмы. Был также актёром драмтеатра в Туле. С 1972 года жил в Томске, был актёром и режиссёром Томского театра драмы, а в 1993 - 2002 годах – актёр и режиссёр Театра юного зрителя в Томске.

Олег Алексеевич Афанасьев снялся в фильмах «Тайна Золотой горы», «Сыщики петербургской полиции», «Покушение на ГОЭЛРО». Заслуженный артист России (с 1980-го). Лауреат нескольких премий.

С середины 1960-х годов печатал стихи в различных периодических изданиях Казахстана, Москвы, Томска. Первая книга, «Новые стихи», вышла в 1969-м в Алма-Ате. В Томске при его жизни опубликованы три сборника «Из неизданных книг» (1996), «Во времена «тире»» (2000), «Стихи» (2002). Олег Афанасьев сформировался в 60-е годы, но в стихах его мы е находим «оттепельного недержания». Преобладают не претензии к эпохе, а жизнелюбие.

Как актёр он выбирал полярные, несовместимые роли. Контрастность – приметная черта литературного стиля Афанасьева.

Да, мы шуты, и я не скрою,
предпочитаю роль шута,
пока не устают герои
толкать народ туда-сюда.

Мы видим, как людей калечит
их бытия нелёгкий груз,
и не хотим, чтоб им на плечи
легла ещё и наша грусть.

Мы прыгнули без парашюта
и вниз летим, что я, что ты –
летим, летим и шутки шутим –
всегда так делают шуты!

Владимир Бельчиков (1944 – 2011) – поэт, член союза писателей России с 2004 года. Окончил в 1973 году факультет автоматики и электромеханики Томского политехнического института. Участник «Дней поэзии ТПИ». Работал инженером и ведущим конструктором в различных отраслях. Автор сборников стихов «Любимая, останься на века!» (Томск, 2002); «Гоняю в прошлое коней» (Томск, 2004); «Это всё моя грешная жизнь» (Томск, 2005). Был желанным автором в коллективных сборниках «В политехническом опять звучат стихи» (2003); «Политехники — родному Томску» (2001); «Планета Политех» (2005); «Сто десятая весна» (2006); «Томские писате-

ли» (2008).

Сам Бельчиков так осмыслял свой путь: «Всё ещё мечтая о Литературном институте, я попал в Политехнический». И с первого курса посещал литературное объединение «Молодые голоса». Ещё не закончив политехнический институт, участвовал в «Днях поэзии ТПИ». Затем инженер-конструктор на приборном заводе, где руководил литературным объединением. Поняв, что «лирикой себя не прокормишь», работал до пенсии инженером.

Пожалуй, больше всего ему удавались пейзажные зарисовки. Но по видимости статичные картины всегда совмещаются с динамичными психологическими портретами.

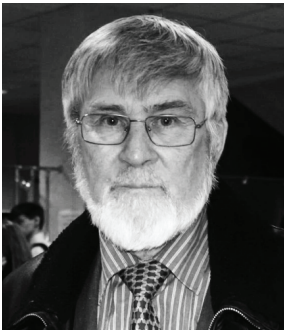
Лес теплотой твоей дышал.
Среди берёз и елей стройных
Так был к лицу тебе пожар
Цветов оранжевых и знойных,
И этот неба лёгкий гул,
И шорох леса осторожный...
Но я не знал, что этих губ
последний раз коснусь тревожно...

Философская нагрузка стихотворений возрастала от сборника к сборнику, хотя к зрелости Бельчиков двигался трудно. Увеличился вес подтекста. И, главное, он умел соединять темы сиюминутного и вечного, радость жизни и мысли о смерти.

Любимая, останься на века!
Стелиться стану степью к изголовью.
От радости заплачу, и река
Наполнится прохладой и любовью.
Любимая, нет краше и родней
Просторов наших, утром белоснежных!
И дым печной, и скрип саней,
И гроздь рябины на морозе свежей...

А в изображении любви – только штрихи-намёки. Эротические откровения его явно отталкивали. И мотивы покаяния, собственной вины: «А во взгляде – леденящий ветер Северный, знобящий до костей. Может быть, за это я в ответе, Без тебя живущий средь людей». Надо упомянуть и о музыкальности стихотворений Бельчикова, что говорит о неподдельности лирики.

Геннадий Скарлыгин (родился в 1950-м) — поэт и журналист. Окончив геологоразведочный техникум, работал геофизиком, учил-



ся на геологоразведочном факультете Томского политехнического института, был членом литобъединения «Молодые голоса» и участником Дней поэзии ТПИ. Затем окончил филологический факультет ТГУ (отделение журналистики). Печатался в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Российский колокол», «День и ночь». В Союз писателей России принят в 2005 году. Соредактор журнала «Начало века». Председатель Томского отделения Союза писателей России с 2006 года, секретарь правления Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор сборников стихотворений: «Ветер скитаний», «Судный крест», «Шальное сердце», «Всё унесёт река», «Утренний человек», «У заветного камня», «Невидимый причал», «Стихотворения». Произведения Скарлыгина вошли в Антологию русской сибирской поэзии. Издал книги для детей: «Егоркины причудки», «Плыл по озеру карасик».

О творчестве Скарлыгина тепло отозвался Василий Казанцев, оценивая одну из книг: «На всех её страницах ярко выраженный сибирский отпечаток. И вот уж чего о ней на скажешь, так это то, что автор плохо знает жизнь». Да, трудное детство, нешуточная работа в геологических партиях, предприимчивость и упорство в достижении цели – это черты его характера, редкие у поэтов. Сдержанно-скупые краски – это можно сказать о картинах деревенской жизни, так любимой поэтом.

Геннадий Скарлыгин – последователь рубцовской линии в русской поэзии, убеждённый традиционалист. Установка его – видеть мир в простоте и ясности: «Всё становится проще. Всё, что мы усложняли, Когда звонкие рощи Ещё лист не роняли». Но где найти гармонию в нынешнем мире? Пожалуй, лучшие стихотворения его – о трудном, нищенском детстве, память о бабушке, вырастившей его.

Бабушкин взгляд и руки:
Мелькнут по судьбе–избе.
Словно и нет разлуки,
Словно в святой излуке
Я снова иду к себе.
Бабушкин взгляд и руки:
Снов колыбель моих.

Лекари и подруги -
Эти простые руки
Ладили за двоих.
Да за троих работали,
Небо, их вознеси.
И под своими сводами
Их освети заботами,
Да сохрани, спаси.

Публицистические мотивы нередки в лирике Скарлыгина. Иногда он усложняет их раздумьями о большом времени. «Помолись за несжатые нивы, За бескормицу в отчем краю. Слышь, в лесу топоры наточили. Это жизнь вырубают твою». К удачам его надо отнести стихотворения с экологической тревогой. Проблема эта сильно беспокоит Скарлыгина. Да, «всё унесёт река», не только мусор, но и жизни наши. Но теплится надежда: что-то важное всегда остаётся. И что стихи сберегут даже «щемящее мгновенье этой жизни».

Сергей Яковлев (родился в 1953-м) – поэт из тех, чьё творчество принято относить к «тихой лирике». Но он не живописец деревни, а предпочитает пейзажные зарисовки. Окончил литературный институт в Москве. Выпустил сборники стихов «Краснопогодье» (1987), «Дикая роза шиповник» (1991), «На острие свечи» (2015). В союз писателей принят в 1991 году. Руководил университетским литературным объединением.

Лирика С. Яковлева перекликается с бунинской точностью деталей и сдержанностью чувств. Поэт чуток ко всему живому, внимателен к переменам в природе. Патриотическая тема, как и другие, выражена у него без нажима, тепло и потому притягательно. Есть в его тоне смирение перед природным ладом и скрытый спор с современностью: «В мощном русле великих токов Каждый малый означен ток. Если ты не в числе пророков, Будь понятный простой цветок».

В предисловии к одной из его книг известный поэт Владимир Костров, руководитель в литинтитуте, написал: «К стихам Сергея Яковлева надо прислушиваться, как к шелесту листьев или поющему роднику. К ним надо приглядываться, чтобы увидеть тайную

красоту родного пейзажа. В них «пахнет Русью», полевыми цветами и дикой ягодой. Словом, они часть простодушной, но глубокой и вечной народной жизни». Столичный поэт-наставник оттенил как главное – сдержанность в чувствах, экономию в словах.

Даже говоря о вселенской участи человека, задевает тему нашей скромной «доли», конечности человеческой жизни, и тут поэт ироничен, – при вселенском замахе рассудка: «К вселенской взывая родне, Уже ничего не решая, Мы прахом осядем на дне; Для жизни – беда небольшая. Она не протянет нам рук, Лишь песнь её ярче взовьётся, Когда человечество вдруг По глупости за борт сорвётся». Иронию в стихах С. Яковлева, пожалуй, уловит не каждый читатель. А без этого восприятие стихотворения будет спрямлённым, однобоким. Тем более, что ирония никогда не снимает элегический настрой. Но часто она отдаёт горечью:

И ничего-то нет хмельней,
Доверчивей и полновесней
Малопонятных юных дней,
Воссозданных вечерней песней.

А есть ли человек подвига в мире Яковлева? Вот стихотворение «Колыма» (с эпиграфом из Пушкина: «Храните гордое терпенье...»). «На той на золотой черте Вам путь один маячил – в пропасть. Надежду знали только те, Кого спасала хитрожопость».

Обычно короткие стихотворения С. Яковлев завершает афористической концовкой. Это усиливает смысловую нагрузку стиха. И укрупняет жизненную важность поэзии, неотменимость её:

Тяжело возвращается слово
После дней бесконечных немых.
Без его золотого покрова
Вместо сердца окажется жмых.
Это хуже, чем землетрясенье,
Чем в буране ночном на коне...
Как незримая твердь, как спасенье,
Возвращается слово ко мне.

Поэт издал сборник литературных пародий «С ума сойти!». Имеет благодарность министерства культуры Российской федерации.

Владимир Крюков (родился в 1949-м) – поэт и прозаик. Вырос на севере Томской области, поступил на историко-филологический факультет ТГУ и был отчислен, по его собственному определению, «за недоносительство». Преподавал в сельской школе и, заработав

положительную характеристику, восстановился и закончил университет. Работал в газетах Томска. Считает себя порождением Оттепели 60-х годов: она вернула вкус к свободе слова. В. Крюков часто печатается в центральных журналах: «Москва», «Звезда», «Литературная учёба», желанный гость он и в сибирских изданиях. Стихи его включены в антологию «Пламень: Современная русская поэзия». Первая стихотворная книжка, «С открытым окном», - 1989-й год. В 1994-м — сборник «Созерцанье облаков». В 1999 году — книга стихов и прозы «Линия ветра». В 2005-м – книга «В области сердца» (с предисловием А. Кушнера), «Жизнь пунктиром». Позднее - сборник избранного «Стихотворения», «…Вдруг скажется просто». Книга «Белый свет» удостоена губернаторской премии за 2016 год. Возглавлял томское отделение союза российских писателей. Был соредактором (вместе с Г. Скарлыгиным) журнала «Начало века».

Первые опыты в прозе – в сборнике «Линия ветра», а позднее 2007-м – стихи и дневниковые заметы «Жизнь пунктиром». Затем книга рассказов «Мальчик и другие истории» (2014). В 2019-м издан сборник «Промежуток. Повесть и рассказы». Напечатана книга воспоминаний «*Заметки о нашем времени*» (2014 и 2018).

Учителем своим считает ленинградского поэта А. Кушнера. И чтимый литератор уважительно отозвался о книжках томича: «Чем привлекают меня эти стихи? Лиризмом, опирающимся на классический русский стих, но не повторяющим его, а трансформирующим, преображающим в соответствии с сегодняшними нашими представлениями о поэзии. Краткость, точность, сдержанность и некоторая недоговорённость, отсутствие высокопарности и ритмической жестикуляции – вот что характерно для них». Тут надо отметить: для самого учителя проблемой остаётся избыточная книжность. Усилие Крюкова в зрелости – преодоление явной литературности: «Друзей полночных молодые лица, В которые заглядывал огонь, По веткам пробегая, крылышкуя, Как говорится, золотописьмом».

Отстранение и самоутверждение – на этих мотивах, чаще всего, основан сюжет стихотворений. Есть в сборниках Крюкова и стихотворения с философской нагрузкой – о времени, об итогах пути. Пейзажная лирика Крюкова созерцательна, с прорывами к философичности, правда, нечастыми. И в явлениях природы поэт выделяет своё

личностное, душевно близкое.

Только то и осталось: пустые слова.
Понимаю: уже не вернётся
осознание с миром большого родства
и такого же точно сиротства.
Стал привычен я к вашим рекламным щитам,
необидным пустой разговор стал,
даже в храмы вхожу, если вижу, что там
многолюдия нет и притворства.
……
Оставаясь потерянным частным лицом,
по-ментовски сказать, гражданином,
кем я стал? Промотавшимся, что ли, отцом
или горько обманутым сыном?

В соавторстве с А. Сагалаевым В. Крюков издал книгу о Г.Н. Потанине «Последний энциклопедист Сибири». А в 2004-м – книгу о его друге и соратнике, расстрелянном большевиками: «Александр Адрианов. Последние годы». В следующем году, 2005-м, был опубликовал цикл статей «Как размывали память». В основе – история Колпашевского Яра (издание томского общества «Мемориал»).

Николай Хоничев (1964 - 2019). В 1987 году окончил биолого-почвенный факультет Томского университета. Студентом посещал литературное объединение «Родник». Работал инженером областной станции защиты леса. Стихи его опубликованы в журналах «Начало века», «Сибирская старина», «День и ночь», «Студенческий меридиан».

Первый сборник стихов «Любовь-переливница» вышел в 1995 году, а в 1997-м - второй сборник «Созвездие сирени». С 2000-го года член Союза писателей России. Наиболее полный стихотворный сборник – «Ходики дождя» - вышел в 2008-м году в Москве в серии «Поэтическая библиотека России оссиирр». Во вступительной статье президент Академии поэзии В. Устинов отметил: «Хоничев совершенно естественно живёт правдой чувств и переживаний и считает, что это единственное, чем стоит заниматься... Не игра в литературу, а просто жизнь. Поэт не кокетничает, не скрывает, что считает себя лохматым и неуклюжим». Этой искренностью и неподдельностью критик-наставник объясня-

ет особую притягательность песенных стихов Хоничева. Они и

возникли на волне общего увлечения такого рода текстами. Современность сочинений Хоничева Устинов видит в том, что «поэт не уходит от социально-горьких проблем и тем, не посыпая бесконечно голову пеплом, с завидной непосредственностью любуется и наслаждается реалиями бытия жизни». Найдено ключевое определение: «с непосредственностью».

Н. Хоничев надолго сохранил верность студенческому товариществу, походной дружбе:

Чай из смородины сладкий и крепкий.
Искорка – как золотая оса.
Вот запылала новая ветка,
до рассвета ещё два часа.

Лучшие стихи его – о природе и о быстро текущем времени. «Я путь пройду от *А* до Я – От Ани и до Яны. Ах, жизнь весёлая моя, Поляны и деляны. Пускай наш трактор и хрипит, Но счастлив я в итоге, Что лес, что речка, что стоит Избушка у дороги».

Популярны были его стихотворения о любви. О умел облечь в песенную форму сложную тему человеческих разрывов. При этом всегда говорил о силе, о могуществе слова

Однажды я любимую обидел.
Однажды – я не ведал, что творил.
И словом, в обнажено-свежем виде,
Я небо на две части развалил.
Не надо лгать, что молния сверкнула…
Я помню только, как сквозь ветра свист
Любимая отчетливо вздохнула
И с дерева сорвался юный лист.
А тучи смотрят тупо и солово.
И тошно мне, задумаюсь когда…
Летит одно нечаянное слово,
Круша надежды, судьбы, города.

Николай Хоничев выступал перед зрителями поэтом-песенником и исполнителем своих песен. И всегда его провожали бурными рукоплесканиями.

Видное место в современной сибирской прозе занял Владимир Костин (родился в 1955-м). Его книги («Небо голубое, сложенное вдвое», «Годовые кольца», «Колокол и болото», «Коробок», «Дозорная пчела») критики, в большинстве своём, причисляют к интел-

лектуальной прозе. Сам-то автор относится к этой систематике иронически, хотя интеллектуальная привлекательность в прозе Костина бесспорна. Себя он относит к последователям стоиков: «...ценой юности и зрелости приползаешь, ободранный, к истине самостояния, к величию стоицизма». А стоики выразили философию кризиса, и это – предвестие нашей эпохи. То есть – второе дыхание стоицизма, появившегося во время крушения Римской империи. «Когда действительность представляет нечто мерзкое, нечто такое, куда не хочется возвращаться, то спастись можно и сил набраться для борьбы, только уйдя в библиотеку».

В романе «Колокол и болото» легендарный старец предсказывает наше время: «Никогда такого не было, чтобы люди посягали на родовые свои свойства, отказываясь от души, от дома, от семьи». Мир Костина – атмосфера внутреннего кризиса. Человек в переломный момент жизни. Кредо писателя: «Если человек не разговаривает с мёртвыми, он ничего не стоит, как бы жутковато это не звучало» - так выразился он в интервью.

Финалист премии «Большая книга», филолог и журналист, Владимира Костин имеет свой взгляд на современную литературу: «Сейчас идёт страшная война против человеческой индивидуальности во имя индивидуализма». А ещё он говорит о замолчавшей России и самообороне провинции. Книги Вл. Костина знают не только сибиряки. Высокую номинацию получил он в конкурсе «Большая книга», а затем стал лауреатом престижной Шукшинской премии.

Станислав Рассадин, критик с безупречной репутацией, назвал прозу Костина *открытием последнего десятилетия («это редчайший случай, когда я поражён силой и оригинальностью таланта»). А* Владимир Бондаренко, оценив «очень честный взгляд на русскую историю и жизнь» прозаика-сибиряка, добавил: «Уверен, что в русскую литературу пришёл крупный писатель». Да, лирико-философская проза стала редкой гостьей в журналах, а в ней – самоотчёт поколения. Сочетанием иронии и элегии – этим привлекательна манера Костина. В славном нашем городе «рядом с исконной стихией мата образовалась гармония отличной русской речи», «налёт идеализма, приобретающий иногда прямо-таки беспощадный характер».

Такое мироощущение называют посттравматическим. Сказать, что мир Костина жесток, - это было бы преувеличением. Скорее он печален.

Аналитичная проза Костина далека от развлекательности. Но автор умеет делать её интересной не только для «высоколобых». Он искусен в человековедении, и у него своя картина современности – нелицеприятная. Учила его русская классика. Она служит самообороненепровинции, это опора на давние дискуссии. Споря с «централистами», В. Костин замечает: «Но существует огромная онемевшая Россия. Онемевшая с тех пор, как замолчали Астафьев, Белов, Распутин, как ушли певцы своей земли». Для одних современность достойна лишь сарказма, другие уходят игру, в пространство мнимостей. Костина не назовёшь упорным традиционалистом.

Владимир Костин внезапно удивил читателей: дебютировал как поэт. После шестидесяти лет!Всё-таки поэт Костин тянется к эпическому обобщению. Вершиной кажется поэма «Возвращение в Хонгорай»: «Этот густой грозоватый дух *В*есь ополняет край. Вновь я пропахший ирбеном пастух Далей твоих, Хонгорай!» Название – память о древнем кыргызском каганате, когда-то могущественном.

Владимир Костин – составитель и редактор важных для Томска книг памяти: Томск в год приезда Чехова, «К. Н. Евтропов», «А. П. Аршаулов», «В. П. Карташев», «В. Долгоруков». Томский драматический театр поставил его пьесу о войне «От равнины до равнины, через три реки». Член редколлегии старейшего журнала «Сибирские огни».

Олег Валентинович Лапшин (год рождения 1963-й) – поэт и прозаик. Родился в Нарыме в посёлке Шпалозавод. Окончил механико-математический факультет Томского университета, доктор физико-математических наук. Работает в научно-исследовательском институте Сибирского отделения Академии наук. Заслуженный ветеран сибирского отделения РАН. Лауреат конкурса «Томская книга». Публикации в альманахе «Каменный мост», журнале «Начало века», в сборнике «Томские писатели», «Сибирские огни», «Юность». Автор книги поэзии «Лировый месяц», сборников «Набор сувениров» и «Виниловый человек». Член Союза российских писателей.

Мир Лапшина странен и, большей частью, алогичен. Так автор видит современный город, это понятно и художественно оправдано. Но нередко и мир природы предстаёт у него, как бессвязный сон. Раньше учёные мужи называли такое мышление визионерским. Образы идут не извне, а из внутренних озарений.

Иногда наброски-притчи Лапшина заходят в пространство «чёрного юмора». Это проза стихотворного происхождения и насквозь экспериментальная. В рассказах быт перетекает в мистику, повседневность полна странными историями. Иные картины так и хочется назвать абсурдистскими. Бред часто бывал предметом искусства, но этой стороны человеческой жизни касались только дерзкие художники: велик риск срыва. Преодолеть автоматизм восприятия – так видится установка автора: «Мы часто равнодушно проходим мимо вещей, достойных пристального внимания. Они так и остаются невыявленными, незаслуженно канувшими в Лету». Герой Лапшина выглядит маленьким человеком, ошарашенным, как будто вышедшим из мира Кафки. И повествование в рассказах фрагментарно, навязчиво бессвязно, порой на грани «зауми»: «Жил один человек, совсем одинёшенек, в его доме не было иконы, но он почему-то считал, что его любит одна лежащая у него на кухне чайная ложка. Ложка была самая обыкновенная, железная, но имела, как ему казалось, даже некоторую фигуру, разукрашенную выгравированными на ней цветами…»

Сам О. Лапшин говорит о конфликте физика и лирика в его сознании с какой-то саднящей иронией: «Думаю, живущий во мне физик тихо радуется тому, что лирику несладко – ведь получается, что пусть и формально, но по казённым бумагам в моём я он занимает главенствующее место. Поэтому радость физика, смешанная с печалью лирика, порождает спокойный, нордический настрой, помогающий с философской отрешённостью взирать на свою провинциальную жизнь. А вот тем нашим литераторам, не имеющим в себе радостного физика, приходится воистину тяжело. Честно сказать, страшно смотреть, как живущие в провинции по-настоящему талантливые люди буквально сходят с ума от ощущения своей невостребованности, ненужности всего ими созданного…» Но герои его никуда не рвутся и не страдают.

Кажется, так никто никогда не писал. Но критика отмечала, что стихи Лапшина – «в обэриутском духе», по следам Хармса и раннего Заболоцкого. В недавнее время так писал Юрий Мамлеев. И уверял

всех, что его не понимают. Понимали простецки: бессвязица, она и есть бессвязица. Есть такое понятие – постфольклор: околесица на месте песни. А поэт-прозаик Лапшин говорит о влиянии особой атмосферы нашего города: «Томск – город не очень уютный, колючий... в Томске отношение к писателям со стороны властей гораздо хуже, чем в других городах и регионах. Думаю, главная причина тому: власти разбалованы мощным интеллектуальным потенциалом научного города».

Сетованья на стилевое однообразие у нас справедливы. Творчество Лапшина – разноречие с основным потоком. Если всерьёз говорить о направлениях в томской литературе, то вот самое отчётливое. Но это не направление: Лапшин одинок. Нет похожего, близкого нет. Тут даже не «сгущение красок», преобладает сознательное остранение привычного. И к тому же эмоциональная отключённость.

О. Лапшину не откажешь в оригинальности, но вряд ли его странный мир скоро завоюет популярность. А вот если вырвется на оперативный простор – может стать вровень с поздним Заболоцким. С классиком, обретшим ясность. Пожелаем ему удачи.

Николай Игнатенко (родился в 1946 году) - автор книг стихов «Три возраста любви» (Томск, 1995), «Переход на осеннее время» (Новосибирск, 1997), «Приворотное зелье» (Москва, 1998), «О свойствах страсти» (Томск, 2000), «Роща» (Новосибирск, 2003), «Вариант судьбы» (Новосибирск, 2006), «Способ бытия» (Томск, 2011), «Среда» (Томск, 2013), «Монологи с тобой». Окончил механико-математический факультет Томского государственного университета, затем преподавал в нём (доцент, кандидат физико-математических наук). Публиковался в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Простор», «Уральский следопыт», «Встречи» (Филадельфия). В союз писателей России принят в1996 году. Редактировал раздел поэзии в альманахе «Сибирские Афины».

По-разному отзываются читатели «о свойствах страсти», опоэтизированной Игнатенко. Одни одобрительно говорят о раскованности, другие – о пряной эротике. Как сам он говорит, творчество для него – символ страсти. Почему-то поэзия – «распутная бабёнка» с

«жаркими бёдрами».

Стихи не могут быть не о любви!
Поэзия, распутная бабёнка,
раскинув бедра жаркие свои,
к себе прижмёт почти ещё ребёнка.
И не отпустит больше никогда,
заставив на алтарь твоей надежды
нетронутые застилать одежды
и совершать на них восторг стыда.

Но, разумеется, стихотворения Игнатенко не только о «свойствах страсти». Есть мотив вины перед жизнью. На это обратил внимание Геннадий Прашкевич, в прошлом томич: «Николай Игнатенко всё в жизни воспринимает как некую свою глубоко личную вину. Его боль из сердца. Он весь – скрытое или явственное страдание любви, и её торжество». Вероятно, не каждый читатель отметит эту тему, задвинутую на дальний план.

Иногда, в самых сильных стихотворениях, поэт-сибиряк пробивается к философскому обобщению, но подчёркнуто сторонится метафизической условности:

Моя перебесившаяся плоть
несёт душе покойное блаженство.
Божественное это совершенство
суетность чувств не может побороть.
Как в таинство бессмертья погружён,
я, наконец-то, вышел на дорогу,
ведущую не к вечности, не к Богу,
а просто к перекрестию времён.

В нынешнем литературном контексте, не только сибирском, лирика Игнатенко привлекательна своим жизнелюбием. В его зрелых стихах всё чаще звучит мотив грустного отрезвления: «Во мне болезнь воображенья. Уже давно не знаю я, где происходит жизнь моя, а где её отображенье».

Сергей Максимов (родился в 1959-м г.), поэт, режиссёр и прозаик, – один из самых читаемых томских писателей. Широкую популярность принесла ему романная трилогия «След грифона», «Цепь

грифона» и «Путь грифона» (Москва). Окончил Кемеровский институт культуры, работал режиссёром народного театра. Выпустил несколько книг стихов: «Концерт без заявок» (1994), «Образ жизни» (1999 и 2004), «Брат вечерок» (2008). Член Союза писателей России с 2000-го года. Стихи его опубликованы в журналах «Наш современник», «Сибирские Афины», «Сибирская старина», в коллективных сборниках «Ковчег», «Томские писатели». Автор двух пьес. Его стихи-песни читатели оценили сразу, с ними автор выступает перед разными аудиториями с неизменным успехом. Автор нескольких песенных дисков.

Одновременно живёт в нескольких творческих профессиях: режиссер, музыкант, певец-исполнитель, сотрудничает с Томской областной филармонией. Кроме того, он преподаватель Томского государственного университета.

Признаёт влияние А. И. Казанцева, который первым разглядел в поэте-песеннике романиста. Как прозаик дебютировал в 2010–м в столичном издательстве «АСТ» с романом «След грифона». О тематике его сказано в аннотации: «Первая мировая и гибель Российской империи. Трагедия революции – и страшные тридцатые годы. Героический подвиг российского народа в Великой Отечественной войне – наша славная победа. Любовь и ненависть, предательство и мужество, увлекательные приключения и яркие характеры... Судьба страны в судьбах нескольких героев». Всё так, материал романа – важнейшие, переломные события в русской истории XX века: две мировых войны, русская революция и чудовищная гражданская война, ни с чем в истории не сравнимая. Но поданы события порой в угоду невзыскательному читателю. Захватывающе ярко, в приключенческом духе. Но возникает неизбежный вопрос: из каких архивов явилась судьба центрального героя Мирк-Суровцева?

Историческая трилогия С. Максимова использует приёмы боевика, где история – декоративный фон. Это модное поветрие, которым уж никак нельзя восхищаться. Этак ведь можно остаться без истории, выпасть из неё. Если бы сделали из этого романа киносценарий (как и предполагалось), фильм имел бы громкий успех. И понятно, взыскатель-

ные зрители, не желающие уйти из истории, остались бы в жалком меньшинстве. Их, мыслящих трезво, становится всё меньше. Говорят: автор приблизил ушедшую эпоху к читателю. Пожалуй, так, но вопрос – о мере сближения. Не значит ли это, что наша эпоха и та, дедов и прадедов, стали неотличимы?

В 2019-м году Сергей Максимов издал роман «Снег Матисса». Этот роман, тоже исторический, косвенно связан с Томском – через судьбу главной героини, по рождению томички. Это роман о любви и об искусстве, о взаимовлиянии и отражении душ выдающегося художника и эмигрантки-сибирячки. Роман ничем не похож на предыдущий, и отличается он в лучшую сторону даже стилистически. Есть все основания говорить о больших возможностях прозаика Сергея Максимова.

Дмитрий Барчук (родился в 1962-м), автор исторических романов и повестей, охотно размещает героев в разных эпохах. От этого как будто хорошо изученные исторические периоды предстают новыми. Правда, из-за таких додумок повествование не становится исторически убедительным. Особенно много таких допусков в повестях «Последний приют императора» (прямое отождествление Александра Первого со старцем Фёдором Кузьмичём). В романе «Грустина» старинная общерусская легенда о подземном городе сделана местной. При этом прозаик даёт исторический комментарий, внушающий молодым читателям «сокровенную правду»: именно Томск-де стоит на месте древнейшего города.

Д. Барчук – автор романов и повестей: «Майдан на двоих», «Новый старый год», «Орда», «Александрия», «Сибирская трагедия», «Идеальная жена», «Японские свечи», «Последний приют императора». По прочтении их возникает вопрос: в какой мере это исторические романы?

Хорошо ощутима детективная пружина сюжета. Например, в руки героя попадает рукопись или он получает наследство. И то, и другое – исхоженные мотивы. Весь вопрос – в степени домысла, дающего занимательность. Но для суждения о художественных достоинствах романов – тут нужна дискуссия. Современные «исторические» повести соблазняют молодого читателя скандально-детективным сюжетом. Есть в них что-то от компьютерных игр, только фигуры с настоящими историческими именами. В известном смысле автора можно отнести к школе Б. Климычева. У Климычева «концептуалистский стёб» порой лишь намечен, у Барчука доведён до края. Косвенно

чувствуется и релятивизм постмодерна. А постмодернисты не ищут исторической истины, они играют с текстами предшественников. Это изнанка борьбы с серостью «казённой» литературы. Нередко из трагедии творят развлечение, и ужасное предстаёт забавным.

Во вступительной заметке к «Сибирской трагедии» прозаик утверждает: «История – это правда победителей». Но кто же победил в сибирской и общерусской трагедии начала XX века? Книга не даёт ответа. Она, скорее, преподаёт правду проигравших, их точку зрения. В романе множество имён исторических деятелей, но автор заявляет: «Этот роман не историчен». А в конце – обширный исторический комментарий (из 571 пункта). Чему он служит? И чем оправдан – при небрежном отношении к фактам?

Игра с историей ставит вопрос о границах, о мере – художественной и исторической. Д. Барчуку не откажешь в сюжетной изобретательности, и пишет он много. Но, похоже, его скоропись не вполне отрешилась от опыта газетчика. Конечно, кругом полно текстов куда более низкого качества. И всё же не зря прежде говорили о злоупотреблении дарованием: целое поколение остаётся с урезанным историческим «пайком». А народ без своей истории безлик, самому себе не интересен.

Татьяна Ефремовна Мейко ещё школьницей занималась в литературной группе, которую вёл фантаст Виктор Колупаев («Клуб фантастов»). Окончила отделение журналистики Томского государственного университета, затем – высшие литературные курсы при Литературном институте. Член Союза писателей с 1994 года. Стихи и рассказы Мейко опубликованы не только в сибирских журналах и альманахах: *«Сибирские огни», «День и ночь», «Мир женщины», «Литературная учёба»*. Автор книг: «Сад судеб» (1994), «Сказки Мейко» (1994), «Красное словцо» (2002, 2007), «Сказки» (2004), «Пёстрые пёрышки» (2011), «Томские сказки» (2013), «Сказки Среднего мира» (2014), «Фрайтаг-Freitag» (2014, 2016), «Сад судеб» (2018), «Другая Ляля» (2019). Изданы два стихотворных сборника: «На краешке самом любви» (2014) и «Три ступени» (2018). Татьяна Мейко участвовала в издании «Фантастической газеты» и литературно-краеведческого альманаха «Сибирские Афины».

Виктор Колупаев написал предисловие к сборнику «Сад судеб»: «Т. Мейко, работая в редком для современной литературы жанре миниатюры, сумела достичь впечатляющих успехов. Её сказки - короткие и точные по форме - отличаются искренностью чувств, глубокой философской мыслью, живописностью и музыкальностью языка». Здесь важно видеть фон: стилизация почти совсем ушла, и словесное искусство стало насквозь книжным. А потуги в сторону народного слова часто отдают литературщиной. «Красное словцо» красно, если светится, если писатель живёт в языке, как у себя дома.

Сказки Татьяны Мейко вошли в аудиосборник «Детская Сибириада: золотой фонд детской литературы Сибири». Внимания заслуживает переработка фольклора сибирских народов. В сборник «Томские сказки» вошли «Легенда о Томе», «Богатырь Эушт», сказки, основанные на сказаниях хантов. «Сказки» эти скорее для взрослых, чем для детей, род развлекательно-игровой беллетристики. И не всегда они безупречны в отношении стиля.

Но, разумеется, критика должна искать, в первую очередь, удачи, а не промахи. Ведь уровень литературы, хоть мировой, хоть областной, измеряется не по среднему слою, а по верхнему. И только сравнение даёт масштаб, позволяет судить о своеобразии. Если заглянем в реляции соседних областей – везде одно и то же самое. Отличия – индивидуальны, похожесть коллективно-массовая. А материал один – наша Сибирь. Вспомним слова видного критика 19-го века Н. Страхова: «Пока жива и здорова наша поэзия, до тех пор нет причины сомневаться в глубоком здоровье русского народа». Но здорова ли наша поэзия?

Сергей Куклин (год рождения 1959-й) – прозаик, инженер-геолог по первой специальности. Поокончании Томского политехнического института (1985) работал в поисковых партиях и на добыче полезных ископаемых в разных районах Сибири. Как сообщил сам он, «писал всегда и где придётся, но лишь в 2007 году творчество оценили и стали печатать». Рассказы-очерки Куклина напечатаны в томских периодических изданиях («Начало века», «Каменны й мост» и в «Сибирских огнях». За сбор-

ники рассказов «Там реки вместо улиц» и «Время собирать камни» в 2001-м году принят в Союз писателей.

«Производственные» рассказы С. Куклина информативно насыщены и привлекают точностью изображения работы и быта геологов. Рассказы выросли из очерков, но прорываются к поэзии, расширяют наше представление о Сибири. К сожалению, это писатель одной темы. Заметного расширения плацдарма не произошло.

Валентина Чубковец – прозаик и поэт. Стихи и рассказы опубликованы в нескольких коллективных сборниках, в том числе «Путь памяти: томские писатели о Великой Отечественной войне», «Кружева метелицы», «…И след оставить в искренней строке», «Поэтические мгновения», в журналах «Начало века», «Огни Кузбасса». Участвовала в международном конкурсе «Литодрама» с пьесой «Любовь и черти». Финалист 2-го Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы 2016». Автор нескольких книг стихов («Стихи разных лет», «Стихи для детей», «Я верю») и прозы («Всякое бывало» (2012) и «Не предавай» (2014)). «Узы памяти» (2017), «Цена свободы» (2022).

«Я на мир смотрю с любовью» – редкая позиция для современника. И это не литературная условность, тут суть характера. Вадим Макшеев похвалил рассказы Валентины Чубковец как раз за искренность и бесхитростность, а его она назвала своим учителем. Но в искусстве это может означать и бесформенность, «нулевую художественность». Что называется, «проще не придумаешь». Какого рода эта безыскусственность: пересказ домашних рассказов или же художественный приём? Оборотная сторона этой «безыскусственности» – однообразие. Усложнения художественного мира от сборника к сборнику не замечается. Да и словарь бедноват. Создаётся впечатление затянувшегося писательского дебюта. К сожалению, это порок многих членов Союза, далеко не юных. Но незамысловатые истории В. Чубковец понизаны любовью к незаметным людям. И с этим никто не спорит.

Ирина Неклюдова – прозаик, поэт и драматург. Закончив исторический и психологический факультеты ТГУ, работала учителем и

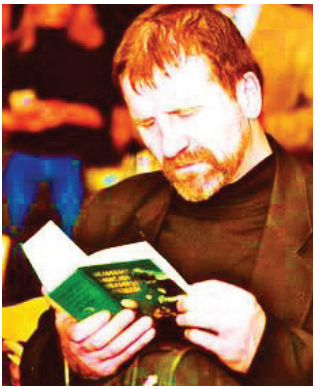
воспитателем детей. Издала три стихотворных сборника, а прозаический сборник её – «А вы попробуйте» – удостоена губернаторской премии. Пожалуй, лучше всего Неклюдовой удаются стихи для детей и рассказы о природе. Они несут умиление перед миром, в котором нет событий.

Татьяна Назаренко – прозаик. Окончила исторический факультет Томского государственного университета. Старший научный сотрудник Томского областного краеведческого музея. Рассказы Т. Назаренко напечатаны в журналах «Москва», «Сибирские Афины», «Северский меридиан», «Начало века» и других. Книги: «Краткий курс обычных судеб» (2004), «Современные опыты проживания мифа, сказки, истории» (2004). Участница семинаров молодых писателей (Томск, 1998, 2000 и 2003), а также Форума молодых писателей России (Москва, 2002). Лауреат премии литературного конкурса «Эврика!» (2003-2004), губернаторского конкурса Томской области в сфере образования, науки, здравоохранения и культуры 2009 года, Составитель сборника «Томский литературный некрополь», за который награждена Всероссийской литературной премии имен В. Шишкова. Член Союза писателей России с 2004 года.

Броская черта прозы Т. Назаренко – умение перевоплощаться в людей разных эпох. Это, по преимуществу, игра с историей. Иногда автор, что называется, «неиграемым играет»: например, в изображении трагедии государственного террора («Exitus»). Книга «Минос, царь Крита» обозначена автором как историческое повествование, но её трудно соотнести с устоявшимися жанрами. Мифический царь Минос, представленный как реальное историческое лицо, исповедуется перед читателем. И автор поясняет: «я охотно пользовалась правом писателя на домысел и вымысел. Поэтому в изложении событий и интерпретации оных имеются достаточно серьёзные отклонения от устоявшегося мифологического канона. Они сделаны сознательно». Всё это понятно, не ясно только, ради чего предпринято это обширное повествование (456 страниц). «Девятый год восемнадцатого девятилетия правления анакта Крита Миноса, сына Зевса… Забыв о том, что я лишь бесплотный дух, я кинулся удержать его, но не смог:

плечи старика выскользнули сквозь мои плотно стиснутые руки, и он грузно полетел вниз. Тело его глухо стукнулось о камни и, отскочив, покатилось вниз, под откос, бесформенное, окровавленное».

Проза Татьяны Назаренко экспериментальна и этим выделяется на фоне провинциального традиционализма. Но нельзя сказать, что все рискованные придумки оправданы и обходятся без срывов.



Александр Панов – поэт, член Союза писателей России с 2010 года. Родился в 1956 году в

Колпашеве Томской области. По окончании физико-математического факультета педагогического института работал учителем физики, изобразительного искусства и информатики в средней школе. Занимался в областном литературном объединении Томь. Автор семнадцати стихотворных сборников (1998 - 2015). Стихи Панова опубликованы в коллективных сборниках «Завтрашнее утро» (1982), «Ступени роста» (1985), «Это мы, Господи!» (2003), «Прогулки по Томску» (2004), «Томск – любовь моя и судьба» (2004), «Колпашевский район: Прошлое и настоящее» (2004), «Судьбы, опалённые войной» (2005), «…И след оставить в искренней строке…» (2009), «Путь памяти: томские писатели о Великой Отечественной войне» (2015); в антологии «Библиотека томской поэзии и прозы» , в альманахе «Сибирские Афины», в журналах «Дети Ра» (Москва), «Начало века» (Томск), «Южная звезда» (Ставрополь).

Стихотворения Панова интересны вниманием к деталям. Внимателен он и к тому, что называли диалектикой души:

Я жил давно или недавно.
Я жил и жизнь любил свою.
В тебе не плачет Ярославна
По мне, убитому в бою.
И ты безжалостно довольна.
И ты трагически светла.
Меж нами отгремели войны,
Зло не убив, добавив зла.

Александр Цыганков (родился в 1959 году в Комсомольске-на-Амуре) – поэт и художник. Автор книг «Лестница» (1991), «Тростниковая флейта» (1995, 2005), «Ветер над берегом» (2005), «Дословный мир» (2012). Публикации: «Сибирские огни», «День и ночь», «Юность», «Литературная газета», «Дети Ра», «Крещатик», «Урал», «Новая Юность», «Знамя», «Новый журнал» и других. Стихи включены в сибирские и общероссийские антологии.

Александр Константинович Цыганков детство и юность провёл в Кемерове, где издал свою первую книгу. С 1992 года живёт в Томске. Некоторые сборники своих стихотворений сопроводил собственной графикой, имеет несколько персональных выставок. Заслуживает внимания отзыв Михаила Андреева о Цыганкове: «Его неожиданные образы и необычные словосочетания, масштабность словаря и лиричность – именно всё, что определяет настоящую поэзию, буквально преобразовали будничное настроение слушателей». С этим можно огласиться, но надо добавить: позиция Цыганкова – отстранение от современности. Всё «вечные темы». Современность узнать тут можно разве что в подтексте, через неявные параллели. Эту манеру можно отнести к линии акмеизма. Только без эллинистичности.

Но не вернут забытых и благих
Ни этот хор, ни музыка от Кришны...
В других не переделаешь других.
Я - для себя слагаю эти вирши.
И этот мир качается, как снег,
Поёт сверчок, и лестница не мыта.
Мне этой ночью снились: печенег,
Голгофа и я сам под аркой Тита...

Особая, «запиночная», тема – женская лирика. Она первым делом бросается в глаза, как раскроешь провинциальные журналы, но количество и качество явно расходятся. Нарциссизм, вечное томленье по любви – и неспособность полюбить хоть кого-то кроме себя. Это общее тематическое направление, но никак не местная школа. Где-то больше претензий на элитарность, где-то меньше. Недостаток индивидуаль-

ности, имитация глубины – провинциальная литературщина. Как избыточная театральность в провинциальном театре, когда желают перещеголять столицы. В прозе этого, кажется, поменьше. Может быть, потому, что прозаики писать начинают позднее и работают дольше. Главное: не видно того, что Бок называл «чувством пути». Часто новые книжки повторяют старые, и поэт долгие годы ходит по кругу.

Ольга Комарова – поэт, журналист, актриса. Окончила исторический факультет ТГУ.

Печаталась в российских и зарубежных изданиях. Член Союза писателей России с 2002 года. Автор стихотворных сборников «Вечные странники» (1999), «Любовная песнь волчицы» (2007), *«Ангел в ватнике»* (2019). Есть двуязычное издание: «Две женщины — один мир» (Новосибирск, 2015). «Вечные странники» Ольги Комаровой на английском языке и перевод на русский американской поэтессы Джоэл Эверетт «Странное и чудесное». Победитель конкурса «Томск поэтический — 2013». Работала учителем в средней школе и в музее Научной библиотеки ТГУ, была научным сотрудником в Томском краеведческом. Стихотворения публиковались в журналах «Сибирские огни», «Начало века», «После12», «Простор» (Казахстан), «Встречи» (Филадельфия).

Стихи О. Комаровой драматичны. У неё есть своя излюбленная тема – сибирская. Есть своя интонация и раскованность, отдалённо напоминающая цветаевскую. Но главное – боязнь искусственности.

Думать то же, что и говорить вслух.
И шагами эту землю мерить.
И иметь хороший волчий нюх.
А не хватит нюха – верить.
Знать: как ходят, как сдают, как врут.
Вылечить дитя и смерть – выгнать.
Навести порядок в доме и уют.
Кружево сплести, подкову выгнуть.
Выверить себя по карте звёзд.
Душу вынести из мук как тройка-птица.
Кое-что из этого мне удалось.
Кой-чему придётся научиться.

Елена Клименко – поэт, член Союза писателей России с 2004 года. Окончила факультете прикладной математики и кибернетики ТГУ. Участница международного фестиваля русской поэзии и культуры «Болдинская осень в Ковент-Гардене» (2007). Первую книгу стихов, *«Н*еуместные письма», выпустила в 2000-м году с собственными иллюстрациями . Вторая книга, «В подстрочнике мая», вышла в 2003-м году, а в 2006-м – «Время вить гнёзда».

«Я пишу, стараясь быть математически точной в выражении чувств и мыслей», – признается она. И рядом – несовместимое: «Моя заповедь – ускользать». А сборник назван «Время вить гнёзда».

Никто не виноват, что кризис жанра
Накрылся медным тазом – и не жалко.
Осталось лишь рассудка помраченье
Да тёплый чай, да мятное печенье.

В 2015 году опубликован четвертый сборник её стихов «Времена и города». Автор понуждает нас задуматься: кризис жанра или же лирика разочарований? Или изначальная безочарованность? К таким вопросам подводит в своём отзыве (сугубо похвальном) Т. Шаповалова: «Елена Клименко утверждает своим творчеством существование лишь одной темы - темы любви... Любовная лирика в традиционной её интерпретации составляет здесь скорее исключение...». Да, это скорее стихи о фантомности любви, об отсутствии её в реальности. Лирика не влюблённости, а разочарований. Что ж, хроническая неудовлетворённость жизнью была и может быть предметом высокой лирики, но только она не единственной темой.

Елена Кириллова – поэт. Окончила физический факультет ТГУ, получила там же второй диплом – психолога. Кандидат физико-математических наук, доцент, преподавала в вузах города высшую математику, теоретическую физику и психологию. Впервые её стихи были напечатаны в газете «Молодой ленинец» (1985), затем в «Сибирской газете», журналах

«Томский зритель», «Берег А» «Сибирские огни», «Южная звезда», в альманахе «Академия поэзии» (М., 2004). Постоянный автор журналов «Сибирские Афины», «Начало века», альманахов «Каменный мост», «День и ночь». Автор сборников стихотворений «Смотреться лишь в ночные зеркала» (Томск, 1999) и «Ты вышел в путь – уже потерян» (Томск, 2004). С 1995 член Союза журналистов России, член Союза российских писателей с 2005-го года.

Ах, по снегу, по сугробам,
От себя и дома прочь.
Что нам светит? Глянем в оба:
Только темень, только ночь.
Следом-следом в переулки,
Вот и город позади –
Город каменный и гулкий,
Замирающий в груди.
Тихо-тихо за увалом
Прозвенят колокола…
Вот и нет меня. Пропала.
А казалось, что была.

Лейтмотив мнимости («казалось, что была») заставит задуматься и неискушённого читателя.

Ольга Кортусова – поэт. Окончила факультет прикладной математики и кибернетики Томского государственного университета. Печаталась в различных литературных альманахах и коллективных сборниках. «Проживаю в городе Томске. Издала пять книг стихов: «Приглашение» (1999), «Шкатулка Клеопатры» (Томск, 2004), «Колыбельная для эпохи» (Томск, 2007), «Книга для птиц и людей» (Челябинск, 2007), «Простая песня» (Челябинск, 2010)». Публиковала стихи в журнале «Сибирские Афины» и «Начало века». К перечисленным автором сборникам надо добавить: «Новорождённая душа» (2013), «Ясынька» (2015), «Когда уходит снег во тьму» (2017).

В книгах О. Кортусовой заметен поиск, вопрошание времени нарастает от сборника к сборнику. Претензии к эпохе есть, и выливаются они в иронию, порой доходящую до гротеска.

Софья Рубакова (родилась в 1992-м) - журналист, поэт, кандидат филологических наук, член Союза Писателей России. Публиковалась в журналах «Бийский вестник», «Начало века» и других изданиях.

В 2003 году вышел первый сборник её детских стихотворений под названием «Чуда жду». В 2006 году стала победителем всероссийского творческого конкурса «Человек. Природа. Родина. Будущее» (Москва). Второй сборник, «Чтобы однажды…», вышел в 2008 году, в год окончания школы и поступления на факультет журналистики. В 2013 году была напечатана книга стихотворений «Вином и мёдом». В союз писателей России была принята в 2014 году – в год окончания факультета журналистики ТГУ. Софья Рубакова - лауреат губернаторской премии по литературе, обладатель Гран-при межрегионального фестиваля по литературе победитель нескольких областных конкурсов.

В 2018 году вышел ее сборник «Книга моста». Последние публикации — в журналах «Сибирские огни» и «После 12».

А есть ли смысл всё объяснить научно -
Найти, проверить, схему составить, вызнать?..
Таких, как он, изготавливают поштучно
- Лишь для того, чтобы портить чужие жизни.
Таких, как он, что с клеймом абсолютной власти,
Носящих черное, пьющих в субботний вечер, -
И создают, чтобы сердце рвалось на части,
У тех, кто всегда жизнерадостен и беспечен.
Таких, как он, иногда называют «трикстер»,
Таких, как он, если любят - то только вечно;
Таких, как он, убивает случайный выстрел.
Я метко целюсь. Боже, не дай осечки.

Общее впечатление от «лирического изобилия» - его необязательность. Манерность – цветастый сарафан для обедневшей души. Достоверен, пожалуй, только сам предмет изображения – душевный хаос. Поток льётся однообразно-ровно и мало кого вдохновляет. Не может поэзия вернуться «домой», когда исчезла её почва – песня и

музыка. Кризис поэзии – это признают многие. В этой связи законен «научный» вопрос: а что, есть томская поэзия как таковая? Как и барнаульская, тюменская? В какой тональности говорить о них? Ответят будущие поколения. Юбилей – не только повод для надувания щёк.

Стали томские поэты и прозаики блюстителями русского языка? Тут нужны сопоставления. А Творчества коренных народов Сибири в Томской области совсем не видно. В 14- томном собрании «Одна семья», в этом свидетельстве литературного потенциала коренных сибиряков, нет ни одного аборигена из Сибирских Афин.

«Библиотека томской поэзии и прозы» упрощает перечисление современников и усложняет суждение о них. Как будто все на равных, чего в настоящем искусстве не должно быть. Но прежде всего издание обязывает к обобщениям. И подталкивает к вопросам. То есть к самопониманию, не только к любованию собой. Задача-то – просветительская, а есть опасность потерять масштаб и горизонт. Есть литераторы, как будто не лишённые таланта, но пишущие торопливо и печатающие «сырец». Это не профессионально. Они мало озабочены стилем. Таким нужен редактор, требовательный взгляд извне. А с этим у нас в последние десятилетия явный провал. Ведь если автор гордится всем написанным, - это беда. Тогда он повторяется, ходит по кругу одних и тех же мотивов, тем и ассоциаций. Если к тому же он угождает «широкой читательской массе» – ещё хуже.

В кризисном мире, где преобладает эрзац, вера нужна самая простая – в подлинное, в настоящее. Как вернуть её и не брести по вторично-подражательной дорожке? Постмодернисты уверяют, что всё

уже сказано, все ресурсы исчерпаны. Этот «симптом усталости» по-уличному называется «пофигизм» – безразличие к тому, есть ли искусство и возможна ли без него здоровая душевная жизнь.

Событием общесибирского масштаба надо назвать выход в Томске четырнадцатитомной «Библиотеки народов Сибири». Нам, русским, коренные сибиряки могут сказать словами Тютчева: «Не то, что мните вы, природа». А ещё сильнее выразился Виктор Астафьев: «Остающиеся Существовать на Земле ещё будут завидовать нивхам, удэгейцам, эвенкам, нганасанам и прочим народностям, успевшим вымереть до Страшного суда, до катастрофы земной, до вымирания всеобщего на отравленной, ограбленной, измученной своей планете». А какими могут быть «поминки по литературе»? По местным показаниям, - благостными. Напечататься стало легко, но о качестве

стихов почти никто уже не задумывается. Почти никто не ждёт художественной ценности. Безразличие к слову – явный знак кризиса.

Представительские функции выпуска «Томская классика» значительно шире. Но и это – предмет дискуссии. Которой не было и, похоже, не будет. Всесибирская победа? Во время раздробленности литературного поля Сибири, пожалуй, - да. Но вот новосибирцы задали ехидный вопрос: «С чего это вы половину сибирской классики назвали томской классикой?» Ответ есть в самих книгах: досоветская сибирская литература классически завершилась в Томске, и наш город был одно время художественной столицей Зауралья. Вернёт ли он себе это звание?

Подведем некоторые итоги

На вопросы отвечает Г. Н. Скарлыгин,
председатель Томской писательской организации

Геннадий Кузьмич, как Вы оцениваете литературную жизнь Томска за последние десять лет? Напомню (для читателей): в связи с 50-летием Томского отделения Союза писателей вышла юбилейная книга «Пятая стихия бытия». Что изменилось с тех пор?

Многое изменилось. Многое сделано. Не изменилось только одно – писательские организации остаются общественными организациями, то есть мы приравнены к собирателям бабочек, а пора уже возвращаться к опыту Советского Союза, когда власть опиралась на писателей и видела в них основную идеологическую силу. Дожили до того, что профессии «писатель» до сих пор нет в трудовом кодексе. В этой ситуации, как не изворачивайся, будешь упираться в рогатки, которые нам выстроили в 1991 году. Даже новая организация – АСПИ – ассоциация писателей и издателей, ничего не изменила.

Тем не менее писатели люди неугомонные, мы даже в этих условиях работаем и делаем не мало при поддержке местной власти, которая понимает важность нашей работы. Теперь о главном.

В декабре 2006 года меня избрали председателем организации. На тот момент параллельно с Томским отделением Союза писателей России с 2004 года работало Томское отделение Союза российских писателей. Эти две писательские организации тогда жили «как кошка с собакой», обходили друг друга стороной. Я начал с того, что собрал писателей и предложил объединиться. А площадкой для объединения стал новый толстый литературный журнал «Начало века». В 2007 году вышел его первый номер. Мы договорились, что у журнала будут два редактора: один – от Томского отделения Союза писателей России, а другой – от Томского отделения Союза российских писателей. Так журнал и выходит уже 16 лет, 4 номера в год. Помимо журнала, с 2007 года параллельно выпускаем газету «Мастерская». Если в «Начале века» мы публикуем стихи, рассказы, крупные произведения, то в «Мастерской» рассказываем о литературных событиях в области и в стране.

За прошедшие годы мы сделали немало. Выпустили 14 томов книжной серии «Томская классика», 9 томов серии «Библиотека томской поэзии и прозы» и недавно представили 14-томник «Одна семья». За всеми этими проектами стоит огромная работа. Во-первых, нужна идея, а во-вторых, команда, которая будет все это воплощать.

А затем – самое непростое дело: убедить власть поддержать проект финансово.

Кроме этого, начали книжную серию, которая называется «Путь памяти»: томские писатели о Великой Отечественной войне. Издали уже две книги: к 70-летию и к 75-летию Великой Отечественной войны, готовим сборник «Там – на Донбассе» - антология патриотической поэзии и прозы.

Все эти многотомные издания стали основой наших проектов, которые получили четыре Президентских гранта. Я их назову: это «Знай наших – читай наших!», «От классиков к современникам», «Путь памяти». Четвертый проект называется «Голоса книг родного города», это аудиокниги. Произведения томских авторов озвучил поэт и писатель Сергей Максимов. Думаю, что мы этот проект продолжим, потому что было озвучено только десять авторов, а у нас их, конечно, больше.

Есть мнение, что Томск возвращает своё прежнее, видное, место в литературе. Ваше мнение на этот счёт?

Да, во второй половине 19 века Томск был литературным центром Сибири. Здесь жили и работали писатели, которые составили гордость страны. Это Георгий Гребенщиков, Григорий Потанин, Вячеслав Шишков, Николай Клюев, Мария Халфина, Виль Липатов и многие другие.

Опираясь на ту работу, которую мы проделали за последнее время, и повторюсь, которая была отмечена четырьмя Президентскими грантами, можно говорить, что этот вектор снова возвращается в Томск.

На Ваш взгляд, сложилась в Томске своя, оригинальная литературная традиция?

В этой связи в наш актив можно записать - популяризацию литературного наследия. Каждой школе, каждой библиотеке в нашей области, даже в самом небольшом и отдаленном поселении, писателями подарили 14 томов «Томской классики» XIX и XX веков и 9 томов «Библиотеки томской поэзии и прозы».

У нас есть опыт, как донести книги до массового читателя. Мы готовы поделиться им с другими сибирскими регионами. Поэтому и делаем первый шаг по выпуску «Библиотеки народов Сибири». И приглашаем к сотрудничеству все сибирские республики и автономные округа. Нам предстоит большая, интересная работа. Ее результаты оценят многие поколения сибиряков. Уже в рамках юбилейных

мероприятий в поводу 60-летия Томской писательской организации мы проведем Первый литературный фестиваль народов Сибири, пленум Союза писателей России. Учредим литературную премию «Одна семья».

Что скажете о литературном рынке?

Его нет. Он разрушен. Остались одни ошметки.

Нужна ли современному читателю критика? И есть ли она у нас?

Критика нужна. Но её нет.

Вопросы задавал А. Казаркин